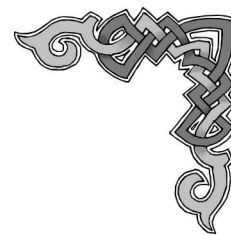

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

Серия:

Исторические науки.

Культурология.

Политические науки.

№ 2

2019

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2019, № 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»).

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.

www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП ИТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

EDITOR-IN-CHIEF:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Yulia Yu. Bugaenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

ПЕРЕВОДЧИК: Шелкова Елена Андреевна

FIRST: *Elena A. Shelkova*

КОРРЕКТОР: Попов Михаил Юрьевич

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

THE MURDERERS:

LLC «Science and Education»;
FGBOU VPO «Adygeya State University».

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Тел. (861) 226-08-65

E-mail: milena.555@mail.ru

Тел. (861) 226-08-65

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенной академии (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Victor Zbignev – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University

Natalia V. Kiselyova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Рассказов Леонид Павлович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

Leonid P. Rasskazov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and glocalization, Rostov State Economic University;

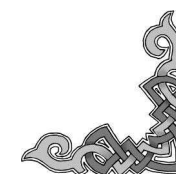
Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

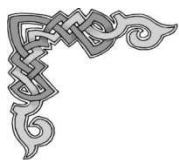
Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Petr Ya. Citkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Научная и издательская деятельность Истпартов на Дону (1920–1939 гг.)	9
Крот М.Н., Самыгин П.С. «России предназначено вести за собою Балтийский край к просвещению гражданскому и церковному...»: формирование концепции русификации Остзейского края в 1840-е гг.	15
Мамышева Е.П. Реформа Хакасской графики в судьбах представителей национальной интеллигенции (1920–1930-е гг.)	21
Упоров И.В. Ликвидация беспризорщины и деятельность Советской власти по предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних в послереволюционное время	25
Циткилов П.Я. Институт родства и общинная жизнь как субъекты устойчивости российской классической патриархальной семьи	32

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Волкова П.С. Человек и текст: к вопросу об изоморфизме	41
Кочубей И.В. Разгром карматов и смерть Его Величества Насра Ибн Ахмеда... ..	46
Лугинина А.Г. Правосознание в текстах культуры	51
Штурба В.А., Горбунова Ю.М. Культурные традиции казачества Юга России	55
Шефель С.В., Захарова В.А. Экоправовые основания солидаристского потенциала этнокультурного взаимодействия крымчан	62

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васьков М.А., Ямалов А.В. Особенности ислама в Абхазском обществе в контексте социокультурных трансформаций и конфликтогенных рисков	69
Любецкий Н.П., Самыгин С.И. Создание необходимых условий для возрождения России: возвращение к традиции и отказ от идеологии либерализма	75
Попов М.Ю. Революции в России в XX веке и их влияние на политическое развитие страны и мирового сообщества	83
Пусько В.С. Военная организация государства как фактор обеспечения его безопасности	89
Старостин А.М., Тованчова Е.Н. Человекоразмерность современного государственного управления: проблемы и риски	93

CONTENTS:

HISTORICAL SCIENCES

Sergey A. Kislytsyn, Inna H. Kislytsina Scientific and publishing activity of Istparts on Don (1920–1939)	9
Maxim N. Krot, Petr S. Samygin «Russia is destined to lead the Baltic region to enlighten civil and church education ... »: the formation of Russification concept of Ostsee region in the 1840s	15
Elena P. Mamysheva Reform of the hakas schedule in fate representatives of national intellectuals (the 1920–1930th)	21
Ivan V. Uporov Besprizorschiny elimination and activities Soviet power on prevention deviant behavior minors in the post-revolutionary period	25
Petr Ya. Citkilov The institute of kinship and community life as subjects of stability of the Russian classical patriarchal family	32

CULTURAL SCIENCE

Polina S. Volkova Human and text: on isomorphism issue	41
Igor' V. Kochubey The Defeat of the Qarmatians and the Death of His Majesty Nasr ibn Ahmad... ..	46
Anna G. Luginina Legal consciousness in texts of culture	51
Victor A. Shturba, Julia M. Gorbunova Cultural traditions of the Cossacks of the South of Russia	55
Sergey V. Shefel, Vera A. Zakharov Eco-legal foundations of the solidarity potential of the ethnocultural interaction of Crimeans	62

POLITICAL SCIENCES

Maxim A. Vaskov, Alis V. Yamalov Features of Islam in Abkhazian society in the context of sociocultural transformations and conflict risks	69
Nikolay P. Lyubetsky, Sergey I. Samygin Creating the necessary requirements of the revival of Russia: return to tradition and refusal from ideology of liberalism	75
Mikhail Yu. Popov Revolutions in Russia in the XX century and their influence on political development of the country and the world community	83
Vitali S. Pusko Military organization of the states as a factor in ensuring its safety	89
Alexander M. Starostin, Elena N. Tovancova Human dimension of modern public administration: problems and risks	93

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Кислицын Сергей Александрович

доктор исторических наук,
профессор,
заместитель заведующего кафедрой
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления,
Академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kislizins@yandex.ru

Кислицына Инна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент,
консультант Ростовского-на-Дону
государственного архива
kislizins@yandex.ru

**НАУЧНАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПАРТОВ
НА ДОНУ (1920–1939 гг.)**

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматривается научная и издательская деятельность Истпартов на Дону (1920–1939 гг.). В 1920–30 гг. истпартотделы занимали ведущие позиции в изучении региональной истории. Главными и определяющими в работе истпартотделов были историко-революционный и историко-партийный подходы к изучению исторических событий. Тем не менее, по мнению исследователей, вряд ли найдется историк советского общества, который мог бы сегодня обойтись в своей научной работе без истпартовских изданий.

Ключевые слова: наука, издательство, политика, издания, истпартотдел, партия, идеология.

■ ■ ■
История донского Истпарта уже становилась объектом исследования историков [1], однако тема далеко не исчерпана и нуждается в дальнейшем изучении.

В 1920-е гг. ведущее место в научном пространстве политической истории стране занял т.н. Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), созданная в 1920 г. как подразделение Наркомата просвещения с целью собирания и изучения соответствующих архивных материалов, их хранения, систематизации и обработки. Вскоре выяснилось, что этот процесс имеет политическое значение и в постановлении ЦК РКП(б) от 1 декабря 1921 г. Истпарт переведен в ведение ЦК партии, а местные истпарты – в структуры обкомов и губкомов партии на правах отделов, что имело не только политическое, но и финансовое значение. В течение нескольких месяцев в стране целенаправленно было соз-

Sergey A. Kislytsyn

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Deputy Head of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management,
Academy of National Economy
and Public Service under the President
of Russia Federation
kislizins@yandex.ru

Inna H. Kislytsina

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Consultant of Rostov-on-Don
State archive
kislizins@yandex.ru

**SCIENTIFIC AND PUBLISHING
ACTIVITY OF ISTPARTS
ON DON (1920–1939)**

■ ■ ■
Annotation. The article deals with the scientific and publishing activity of Eastparts on Don (1920–199). In 1920–30, the Istpartotdels held leading positions in the study of regional history. The main and defining in the work of the Istpartotdels were historical-revolutionary and historical-party approaches to the study of historical events. However, according to researchers, there is hardly a historian of Soviet society who could do today in his scientific work without the Istpart publications.

Keywords: science, publishing house, politics, publications, party, ideology.

■ ■ ■
дано 72 местных отделений Истпарта, в том числе, и на Дону [2]. С этого времени истпартотделы не только де-факто, но и де-юре стали одним из основных идеологических инструментов правящей партии, что объективно создавало для его деятельности режим наибольшего благоприятствования по сравнению с другими краеведческими организациями, существовавшими, в частности, на Дону.

В Ростове н/Д, в Новочеркасске и Таганроге функционировал ряд краеведческих организаций, публиковались работы в серии «Библиотека краеведения», а с момента создания Северо-Кавказского краевого Общества археологии, истории и этнографии издавались его «Записки». Всего в стране к концу 1920-х гг. действовало около 2 тыс. историко-культурных краеведческих учреждений, работу которых направляло Центральное бюро краеведения при Академии Наук

СССР. В силу предмета своей деятельности во многом обращенное в прошлое, историко-культурное краеведение не могло представлять опасности для политической власти, однако, режим видел потенциальную угрозу в том, что краеведение объективно было дистанцировано от советской действительности и, развиваясь по законам массового просветительства и демократической самодеятельности, неизбежно оказывалось с ней в конфронтации. Краеведческие общества на местах были переориентированы, а краеведы подверглись гонениям. Краеведческая литература подлежала просмотру для выявления «политически вредных изданий и сокрытия их в т.н. спецхранах библиотек. На Дону в рамках «дела краеведов» административно преследовались И.П. Козловский, А.Т. Стефанов, А.М. Ильин и др. Ограничение краеведческого движения не привело, однако, к полной остановке научных изысканий в данной области знаний.[3]

Если историко-культурные краеведческие организации занимались, в основном, археологической историей Донского региона, то внимание истпартоделов было сосредоточено на истории революционных событий конца XIX – первой четверти XX века. В своей деятельности местные истпартоделы руководствовались специально разработанным истпартом ЦК ВКП(б) Положением, которое обязывало не просто заботиться о сохранении исторических источников, а глубоко изучать их, издавать сборники документов и материалов, мемуарные и научные работы, организовывать историко-революционные архивы, библиотеки, музеи, выставки, проводить публичные лекции, вечера воспоминаний, создавать клубы с целью объединения ветеранов рабочего движения для оказания им помощи и привлечения их для изучения истории Октябрьской революции и РКП(б) [4]. На Дону возглавляли эту работу опытные организаторы В. Толмачев, Е. Полуян-Верецкая, А. Лиманский, А. Френкль, Ноздин, Виорганский и др.

Первыми истпартовскими авторами были не профессиональные историки, а так называемые «пролетарские революционеры». Они не имели научной школы, но являлись непосредственными участниками и очевидцами событий, благодаря чему их работы являются важными историческими источниками. В рассматриваемое время истпартоделы практически не испытывали ограничений со стороны власти, что обусловило сравнительно объективный характер их работ, наличие в них реальных фактов недавнего прошлого.

Одной из первых публикаций Донистпарта был сборник воспоминаний «От группы Благоева к Союзу борьбы. 1886–1894» (1921). Фирменными изданиями этого истпартодела были сборники «Пролетарская революция на Дону», включавшие в себя документы, воспоминания участников революционных событий и исследовательские статьи. Все эти издания получили высокую оценку ЦК ВКП(б) и редакции московского журнала «Пролетарская революция». В течение 1922–1924 гг. вышло всего 4 сборника, которые вызы-

вают до сих пор большой интерес у научной общественности. Первый выпуск 1922 г. содержал материалы по истории революции 1905 г., работу А. Френкеля о трагической гибели подтелковской экспедиции, воспоминания председателя ВРК ОД С. Сырцова об октябрьской революции в Ростове-на-Дону, доклад С.Васильченко председателю ВЦИК Я.Свердлову о кратковременной деятельности Донского правительства (в период существования Донской советской республики, разгромленной белоказаками и немецкими интервентами), содержащий обоснование необходимости политики расказачивания.

Следующие сборники содержали подборки материалов о Ростовской стачке 1902 г., о вооруженном восстании в Ростове-на-Дону в декабре 1905 г., о советах на Дону и т.д. Четвертый сборник был посвящен событиям 1918 г., в частности, борьбе большевиков с контрреволюционным режимом А.М. Каледина. Донистпарт планировал в дальнейшем издание еще трех сборников и масштабного Альбома портретов участников революции и Гражданской войны в донском регионе. Но они не состоялись в силу изменения политической атмосферы в стране.

В начале 1925 г. ЦК направил местным парторганизациям специальное письмо, в котором потребовал от них всемерной поддержки работы истпартов.[5] В тот период времени работа истпартоотделов приобрела большой размах в связи с подготовкой и празднованием важных для Советской власти юбилеев: 20-летия первой русской революции в 1925 г., 10-летия Октябрьской революции в 1927 г., 30-летия I съезда РСДРП в 1928 г.

Важным каналом доведения истпартовских материалов до широкой аудитории являлась печать: газеты «Советский Юг», «Молот», журнал «Ленинский путь» и др. По нашим подсчетам, только к 20-летию революции 1905 г. Донистпарт опубликовал в местной печати 26 статей и 35 мемуарных материалов. Несмотря на все издержки компанейского подхода за короткое время была осуществлена концентрация сил и средств и проделана работа, которую в обычных условиях выполнить было бы «очень сложно» [6].

В частности, под грифом Донистпарта вышел «Календарь революции 1905 г. на Дону»(1926), сборник «1905 год в воспоминаниях его участников» (1925), среди которых были свидетельства Ю. Бутягина, И. Ченцова, А.Водолазского и др. Донистпартом был опубликован ряд монографических работ, среди которых важно отметить интересную работу бывшего меньшевика С. Гурвича, который пытался объективно рассказать о деятельности социал-демократов на Дону. Но основными были труды большевиков: В. Толмачева «Ростовский рабочий в революции 1905 г.» (1925), Г. Воронежского «Профсоюзы в революции 1905 г.» (1925), Н. Янчевского «Новороссийская и Сочинская республики в 1905 г.» (1926), его же «Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке(1917–1920 г)»

(1924), Ильина Л. «Восстание 2-го Урупского казачьего полка в 1905 г.» (1925) и др. Конечно, не следует переоценивать научное значение этих трудов. В документах истпарта часто прямо отмечалась, что изданная литература не является полностью научно-проработанной, это скорее собрание сырых материалов мемуарного характера, документально не проверенных, часто спорных.

Новый этап деятельности истпартов во второй половине 1920-х гг. был связан с учреждением Северо-Кавказского Истпарта, который стал координировать архивно-публикаторскую работу во всем вновь созданном крае. Этот орган опирался на окружные истпартотделы (Таганрогский, Шахтинский и др.), на широкую сеть ячеек на крупных промышленных предприятиях и в сельской местности, а также на группы содействия и специальных уполномоченных. При всех истпартотделах функционировали группы старых большевиков – свидетелей и участников революционных событий и одновременно добровольных цензоров. Объединенный Северо-кавказский истпарт, в состав которого вошел Дониистпарт, выпустил целый ряд крупных исследований. К их числу относятся «Октябрь на Кубани и Черноморье». (Краснодар. 1927), «1917 год в Ставропольской губернии». (Ставрополь. 1927), «О крестьянских революционных восстаниях (1919–1929) (1929), «Октябрь во Владикавказе» (Владикавказ. 1927), «Октябрь в Таганроге (Из истории пролетарской борьбы в Таганроге) 1917–1918». (Таганрог. 1927), 10 лет советской власти на Северном Кавказе. (Истпарт и агит-массовый отд. Сев.-Кав. краев. ком. ВКП(б). Ростов н/Д. 1930). Большую активность проявил таганрогский истпартотдел во главе с К.С. Губаревым, который издал значительную серию содержательных брошюр [7].

В массиве истпартовской литературы особо выделяются двухтомники Н.Л. Янчевского «Гражданская борьба на Северном Кавказе» (1927) и И. Борисенко «Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году» (1930). В этих работах был поставлен в центр изучения ряд проблем, в том числе, роль казачества на Дону и Северном Кавказе. В частности Н.Л. Янчевский считал, что Гражданская война противопоставила все иногороднее население станиц казачеству, классовая борьба обрелась в сословную оболочку. В тоже время, он обращал внимание на социальную неоднородность казачества. Вопросы дифференциации казачества Н.Л. Янчевский рассматривал в динамике и показал, что соотношение между сословными и классовыми настроениями в среде казачества постонно изменялось в зависимости от конкретной обстановки [8]. И. Борисенко исходил из концепции «Северный Кавказ – это Советская Вандея», которая доминировала в литературе 1920-х гг.

В фонде Дониистпарта сохранилась монография донского революционера, ставшего профессиональным историком, М.П. Жакова «Донская контрреволюция». Данная фундаментальная работа, написанная на архивных источниках и материалах белогвардейской прессы, в совет-

ское время не была опубликована, так как автор был репрессирован сталинизмом как «враг народа». На этапе демократических реформ публикация работы М.П. Жакова стала затруднительна, поскольку идеологическому игнорированию подвергся уже сам большевизм как историческое явление. В результате эта работа была опубликована нами с большим трудом только в 2015 г. [9]. Это тем более досадно, что некоторые современные авторы использовали работу М.П. Жакова в своих публикациях без конкретных ссылок на данный источник. В истпартотдел архив также поступила историко-мемуарная работа С.И. Сырцова «Вандея русской революции», которая раскрывает причины и сам процесс выработки радикальной позиции Донревкома в отношении казачества во время Гражданской войны [10]. Следует отметить, что эта концепция была пересмотрена после решений апрельского пленума 1925 г. по докладу С.И.Сырцова о реабилитации казачества. Новый подход сформулировал и Микоян А. И. в предисловии к брошюре «Донские казаки», Историко-публицистические очерки» (1926, с. 3–7). Судя по тексту работ М. Жакова и С. Сырцова, они были переданы в архив истпарта в период подготовки в первой половине 1930-х гг. по инициативе М. Горького многотомной истории Гражданской войны и остались в архиве закрытыми для исследователей.

Из произведений мемуарного рода заметна популярная автобиографическая повесть выдающегося донского революционера С.Ф. Васильченко «Карьера подпольщика» (1924), которая в дальнейшем выдержала целых шесть изданий в Москве. В этом труде дается описание революционной работы автора в рабочей среде, причём, в отрыве от жизни других сословий и классов общества. Автор с ностальгией вспоминал свое революционное прошлое, стачки, борьбу с жандармами и казаками на баррикадах, но он не смог подняться выше концепции пролетарской литературы, которую понимал донельзя прямолинейно. После публикации дискуссионного романа о коммунистической оппозиции «Не той стороной» (1927) С.Васильченко подвергся сначала административным гонениям, а затем и репрессиям [11].

Конец 1920-х гг. стал переломным в истории истпартотделов. Вследствие обострившейся внутривнутрипартийной борьбы встал вопрос о переоценке деятельности ряда видных деятелей партии в революционные годы. Это были Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, С.И. Сырцов, А. Френкель и др., всего более 200 активных участников революционной борьбы и Гражданской войны. В инструктивном письме ЦК истпартотделам 1928 г. за подписью М.Савельева говорилось, что в изданной к 10-летию Октября литературе не выявлены объективные причины победы Октября, недостаточно показана роль партии, в целом, нет увязки с прошлой работой партии. «Как общее явление – слабо освещена внутривнутрипартийная борьба, не показаны ошибки и искривления партийной линии, там где это имело место» [21]. На данном этапе было невозможно прямо запретить истпартам освещать

реальный вклад тех или иных деятелей в историю партии, революции и в победу в гражданской войне, поэтому был избран обходной путь – свертывания самой системы региональных истпартов, которые искали новые факты и подробности биографий. Другой причиной латентного недовольства властью деятельностью истпартоделами являлась необходимость создания общей унифицированной истории партии и советского строительства в соответствии с требованиями высшего руководства.

В марте 1927 г. постановлением ЦК партии «Об основных задачах Истпарта ЦК ВКП(б) и на местах» была поставлена задача «укрупнения» истпартов, что на деле привело к сокращению как числа истпартоделов, так и объема их исследовательской и публикаторской деятельности. На Северном Кавказе из 10 окружных истпартов осталось 3, в т.ч. на Дону один Таганрогский истпарт. В августе 1928 г. Истпарт ЦК ВКП(б) был объединен с Институтом В.И. Ленина, который существовал с 1923 г. Вскоре состоялось очередное «укрупнение» истпартов на местах, в результате которого был ликвидирован единственный оставшийся на Дону окружной истпартотдел. Накануне «укрупнения» секретариат Донкома ВКП(б) удовлетворенно фиксировал, что в результате усилий партийных историков истпартотдел вышел за пределы узкой научно-исследовательской и переросла в массово-политическую работу. «Поэтому изучение истории большевистской организации и Гражданской войны на Дону должно составлять не узковедомственное начало, а широкое участие в этой работе всех культурных сил организации» [12]. Но теперь вся работа была сосредоточена в Северо-Кавказском крайистпарте со штатом из 3-х специалистов [13]. В июне 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о создании единого партийного архива ВКП(б) при Институте В.И. Ленина и его филиалов при местных истпартах [14]. Эта архивная структура и вытеснила истпартотделы как научные учреждения.

В 1931 г. в центральном органе Истпарта в журнале «Пролетарская революция» № 6 была опубликована статья И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», ставшая политическим сигналом к развертыванию широкой кампании критики и разоблачения инакомыслящих авторов как «троцкистских контрабандистов» и «архивных крыс». В Севкавказийистпарте в центре политических обличений сказались его крупнейшие авторы Н. Янчевский и И. Борисенко. В газете «Молот» было опубликовано постановление крайкома ВКП(б), в котором они обвинялись в троцкизме и правом оппортунизме. [15] Позже, когда начался сталинско-ежовский террор, Н. Янчевский и И. Борисенко были расстреляны [16]. Такая же участь постигла в то время практически всех донских революционеров, постоянных авторов изданий Донистпарта С.Ф. Васильченко, С.И. Сырцова, М.П. Жакова, В.И. Филова, И.Д. Ченцова [17].

После чистки истпартотделов, в которых власть увидела для себя еще большую опасность, чем краеведческие организации, в их печатной про-

дукции резко снизилась доля документальных и мемуарных материалов, и возросло число публицистических работ ограниченной научной ценности. Еще продолжали появляться научные работы, например работы Н.Г. Буркина «Октябрьская революция и гражданская война в горских районах Северного Кавказа». (1933), П.В. Семернин «Рабочий класс в революции 1905–1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях» (1935) и др., но это были редкие всплески научной активности.

После выхода в 1938 г. сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», утвердившего единое официальное толкование истории правящей партии и СССР, необходимость в истпартотделах, в том виде, в каком они были созданы, полностью отпала. Финальную точку в их истории поставило постановление ЦК ВКП(б) «О местных партархивах и институтах истпарта» (декабрь 1939 г.). «Публикация отдельных документов и работ по истории ВКП(б), – говорилось в постановлении, – может производиться лишь с разрешения Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик» [18]. Фактически это было введение жесткой цензуры на деятельность историков и завершение истпартотделовского периода советской историографии. 29 декабря 1939 г. архивные функции ликвидированного областного истпарта принял партархив Ростовского обкома ВКП(б), сотрудники которого продолжили хранение, обработку и изучение документальных источников по истории партийных и комсомольских организаций, а также политотделов. По традиции продолжалась и определенная публикаторская работа.

В 1933 г. заведующим истпартотдела Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), позднее, после образования Ростовской области, – заведующим партийным архивом Ростовского обкома ВКП(б), стал направленный в 1928 г. в Ростов на Дону М.Н. Корчин – известный революционер-экстремист, член партии с 1905 г., чекист в годы Гражданской войны. На новом посту он проявил себя как активный историк-краевед и энергичный организатор архивного дела, уделявший большое внимание изучению наследия истпартов, исследованию вновь выявленных источников и научно-популярных изданий. Им были изданы работы: Корчин М.Н. «От первых рабочих кружков к Донкому РСДРП. Партархив Ростовского обкома, ВКП(б), (1945), Раенко Я.Н. (сост.) – «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае девяностых и начала девяностых годов. Сб. документов и материалов». Под общей ред. М.Н. Корчина, (1935), «Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье / Сост. Я.Н. Раенко. Истпарт Рост. обкома ВКП(б). (1939–1941), «Борьба за советский Дон. Сборник к 20-летию освобождения Ростова-на-Дону от белых». Сост. М.Н. Корчин. Истпарт Ростовского обкома ВКП(б). (1939); Корчин М., Раенко Я., Семернин П. «Серго Орджоникидзе в Азово-Черноморье». (1937); Корчин М.Н., Раенко Я.Н. «Борьба большевистских организаций Дона за Великую социалистическую револю-

цию». (1939); Корчин М.Н. «К двадцатой годовщине освобождения Ростова». (1939); «Революционные выступления донского казачества (1905–1919 гг.)», (1941); и др. Основная печатная продукция обкома партии стала носить идеологический учебно-пропагандистский характер [19]. Однако уже началась работа над системными очерками истории большевистских организаций на Дону, которая была завершена и издана уже после войны.

Нельзя не отметить, что в годы Великой Отечественной войны сотрудники облпартархива под руководством М. Корчина не только сохранили фонды истпарта, но собрали документы и материалы по истории партизанского движения и подпольной деятельности в районах, пострадавших в период немецко-фашистской оккупации. На материалах истпарта М.Н. Корчин подготовил и издал сразу после войны целую серию работ: «1905 год на Дону. Листовки Донкома РСДРП», Ростиздат, Р. н/Д., 1945, «Из прошлого. Ростиздат, Р. н/Д., 1946, «Рабочее движение 1910–1912 гг. в Ростове, Сорок пять лет Ростовской стачки 1902 г. (1902–1947)». «Календарь знаменательных дат». 1947, «Донское казачество (из прошлого)». (1949); Корчин М.Н., Семернин П.В., Раенко Я.Н. «Очерки истории большевистских организаций на Дону». 1948. Ч. 1.

Литература:

1. Справка по истории ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (партийного архива Ростовского обкома КПСС). URL : <http://гукднро.рф/history/> 1921–1991 гг. ; *Кислицын С.А.* Исторические документы запечатлели драматизм событий // Блокнот агитатора. 1987. № 29-3. С. 5–8; *Кислицына И.Г.* Истпарта Дона и Северного Кавказа о роли казачества в октябрьской революции и гражданской войне // Проблемы истории казачества ХУІ–ХХ вв. Ростов н/Д. РГУ. 1995. С.155–160.
2. Пролетарская революция. 1922. № 8.
3. Ростов на Дону глазами историков. Летописная история города / Сост. И.Г. Кислицына, С.А. Кислицын. Ростов н/Д. 2015.
4. Коммунистическая мысль. 1923. № 4/5. С. 68–69.
5. Пролетарская революция. 1925. № 3.
6. ЦДНИРО Ф. 70. Оп. 1. д. 59. Л. 66.
7. Революция на Дону (ростовское восстание с 15 ноября по 2 декабря 1917 г.) / Под ред. К.В. Губарева. Таганрог 1930; «Кровавые помещики (по материалам таганрогского окр.суда 1928 г.)» Таганрог 1929; «В дни власти Деникина (1919г.)» / Под ред. К.В. Губарева. Таганрог 1929; «Борьба со Врангелем (сентябрьское наступление)» / Под ред. К.В. Губарева. Таганрог 1928; «Красный десант. Эпизод революционной борьбы в 1918 г. с немецкими оккупантами в Таган-

Таким образом, в 1920–30 гг. истпартотделы занимали ведущие позиции в изучении региональной истории. Главными и определяющими в работе истпартотделов были историко-революционный и историко-партийный подходы к изучению исторических событий. Тем не менее, по мнению исследователей, вряд ли найдется историк советского общества, который мог бы сегодня обойтись в своей научной работе без истпартотделовских изданий [20]. Научное значение деятельности истпартотделов заключается в том, что были сформированы и длительное время функционировали новые исследовательские структуры в области политической истории, в рамках которых была подготовлена новая генерация исследователей истории края. Ими впервые были написаны труды по истории Донского края – Ростовской области, прежде всего, о революционном прошлом региона и связанным с ним событиях Гражданской войны (конец XIX в. – первая четверть XX вв.). Была создана уникальная система сбора архивных материалов и, в итоге, собран комплекс документальных и мемуарных источников, который был сохранен облпартархивом в годы Великой Отечественной войны и использован при написании новых трудов во второй половине 1940-х гг.

Literature:

1. With pr and in to and on history GKU RO «Center of Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region» (party archive of the Rostov regional committee of the CPSU). URL : <http://gutsdniro.rf/history/of> 1921–1991; *Kislitsyn S.A.* Historical documents imprinted dramatic nature of events.//propagandist's Notebook. 1987. № 29-3. P. 5–8; *I.G. Istparta dona's Kislitsyn and the North Caucasus about a role of the Cossacks of willows of the October revolution and гражданский to war//Problems of history of the Cossacks of HU1-HH of centuries Rostov-on/D. RGU. 1995. P. 155–160.*
2. Proletarian revolution. 1922. № 8.
3. Rostov to Dona eyes of historians. Annalistic history of the Sost. I.G. Kislitsyna, S.A. Kislitsyn. Rostov-on/D. 2015.
4. Communistic thought. 1923. № 4/5. P. 68–69.
5. Proletarian revolution. 1925. № 3.
6. TsDNIRO F. 70. Op. 1. 59. L. 66.
7. Revolution to Dona (the Rostov revolt from November 15 to December 2, 1917) Under the editorship of K.V. Gubarev. Taganrog 1930; «Bloody landowners (on materials of the Taganrog surrounding court of 1928)» Taganrog 1929; «In days of the power of Denikin (1919)» under the editorship of K.V. Gubarev. Taganrog 1929; «Fight against Wrangel (September approach)» / Under the editorship of K.V. Gubarev. Taganrog 1928; «Red landing. An episode of revolutionary fight in

рогском округе» / Под ред. К.С. Губарева и Д.И. Боброва. Таганрог 1927, «Красная гвардия Таганрога» / Под ред. К.В. Губарева. Таганрог 1928 и др.

8. *Мининков Н.А.* Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д., 2007.

9. *Кислицын С.А.* «Борцы идеи...» Семен Васильченко и Михаил Жаков о донской революции и контрреволюции. Ростов н/Д., 2015

10. *Кислицын С.А.* Председатель совнаркома советской России Сергей Сыртцов. М., 2013.

11. *Кислицын С.А.* Отчаянный. Революционер и писатель Семён Васильченко // Донской временник. Ростов н/Д., 2014.

12. ЦДНИРО ф. 5. оп. 1. ед. хр. 199. Л. 77.

13. Пролетарская революция. 1928. № 11–12.

14. *В.И. Ленин.* КПСС и партийные архивы: Сб. док-тов. М., 1988. С. 48–50.

15. Молот. 1931. 29 декабря.

16. *Мининков Н.А.* Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д., 2007.

17. *Кислицын С.А.* «Борцы идеи...» Семен Васильченко и Михаил Жаков о донской революции и контрреволюции. Ростов н/Д., 2015.

18. *В.И. Ленин.* КПСС и партийные архивы : Сб. док-тов. М., 1988. С. 52–53.

19. К вопросу изучения истории ВКП (б). В помощь пропагандистам кружков по истории ВКП(б). 2-е изд. Ростов н/Д., Отд. партийной пропаганды и агитации Рост, обкома ВКП (б). Ростиздат, 1938.

20. *Амиантов Ю.Н.* У истоков советской историко-партийной науки (К 50-летию Истпарта) / Ю.Н. Амиантов, Н.В. Немидов, В.А. Остроухова // Вопросы истории КПСС. 1970. № 9.

21. ЦПА СПИ ф. 70. Оп. 1. Д. 135. Л. 10.

1918 against the German invaders in the Taganrog district». Under the editorship of K.S. Gubarev and D.I. Bobrov. Taganrog 1927, «Red guard of Taganrog». Under the editorship of K.V. Gubarev. Taganrog 19128 etc.

8. *Mininkov. N.A.* Nikolay Leonardovich Yanchevsky: historian, writer, revolutionary. Rostv-on/D., 2007.

9. *Kislitsyn S.A.* «Fighters of the idea ...» Semyon Vasilchenko and Mikhail Zhakov about the Don revolution and a counterrevolution. Rostov-on/D., 2015

10. *Kislitsyn S.A.* Chairman of Council of People's Commissars of the Soviet Russia Sergey Syrtsov. M., 2013.

11. *Kislitsyn S.A.* of OTChAYaNY. Revolutionary and writer Semyon Vasilchenko // Donsky vremennik. Rostov-on/D., 2014.

12. TsDNIRO f. 5. op. 1. unit xp. 199. L. 77.

13. Proletarian revolution. 1928. No. 11–12.

14. *V.I. Lenin.* CPSU and party archives: Collection of documents. M., 1988. P. 48–50.

15. Hammer. 1931. December 29.

16. *Mininkov. N.A.* Nikolay Leonardovich Yanchevsky: historian, writer, revolutionary. Rostv-on/D., 2007.

17. *S.A. Kislitsyn.* «Fighters of the idea ...» Semyon Vasilchenko and Mikhail Zhakov about the Don revolution and a counterrevolution. Rostov-on/D., 2015.

18. *V.I. Lenin.* CPSU and party archives. Сб. dock. comrade. M., 1988. P. 52–53.

19. On the question of studying the history of the MAC (b). To assist the propagandists of the MCP history circles (b). 2nd ed. Rostov on/D., Otd. Party propaganda and agitation Growth, regional committee of the Communist Party (b). Rostisdat, 1938.

20. *Amiantov Yu.N.* At sources of the Soviet historical and party science (To the 50 anniversary Istparta) / Yu.N. Amiantov, N.V. Nemidov, V.A. Ostroukhova // Questions of history of the CPSU. 1970. № 9.

21. TsPA SPI f. 70. Op. 1. 135. L. 10.

Крот Максим Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент,
научный сотрудник,
Южный научный центр
Российской академии наук,
доцент Института истории
и международных отношений
Южного федерального университета
mnkrot@sfnedu.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78@yandex.ru

**«РОССИИ ПРЕДНАЗНАЧЕНО
ВЕСТИ ЗА СОБОЮ
БАЛТИЙСКИЙ КРАЙ
К ПРОСВЕЩЕНИЮ
ГРАЖДАНСКОМУ
И ЦЕРКОВНОМУ...»:
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
РУСИФИКАЦИИ
ОСТЗЕЙСКОГО КРАЯ
В 1840-е гг.**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается зарождение и становление концепции унификации русификации Прибалтики в 40-е годы XIX века, обладавшей широкими автономными правами в составе Российской империи. Главная роль в осознании необходимости преобразований в Остзейском крае, направленных на ослабление немецкого влияния в регионе и усиления значения центральной власти, принадлежит Ю.Ф. Самарину, изложившему свои взгляды в серии историко-публицистических публикаций, известных под названием «Письма из Риги». Сочинение Самарина, в котором он аккумулировал идеи и взгляды, высказывавшиеся по данному вопросу другими представителями государственной власти и общественности, стала первой попыткой привлечь широкое общественное внимание к окраинному дискурсу. Концептуальные основы программы Самарина, не нашедшие практического воплощения в 1840-е годы, лягут в основу правительственной политики русификации Остзейского края, проводимой во второй половине XIX века.

Maxim N. Krot

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Researcher at the Southern Scientific
Center of Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of Institute of History
and International Relations
of Southern Federal University
mnkrot@sfnedu.ru

Petr S. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Professor of Chair of Theory
and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samugin78@yandex.ru

**«RUSSIA IS DESTINED
TO LEAD THE BALTIC REGION
TO ENLIGHTEN CIVIL
AND CHURCH EDUCATION ... »:
THE FORMATION
OF RUSSIFICATION CONCEPT
OF OSTSEE REGION
IN THE 1840s.**

■ ■ ■

Annotation. The article discusses the origin and formation of the concept of unification and Russification of the Baltic states in the 40s of the XIX century, which had broad autonomous rights as part of the Russian Empire. The main role in realizing the need for transformations in the Ostsee region aimed at weakening German influence in the region and strengthening the importance of central authority belongs to Y.F. Samarin, who outlined his views in a series of historical and journalistic publications known as «Letters from Riga». Samarin's essay, in which he accumulated ideas and views expressed by other representatives of the government and the public on this issue, was the first attempt to draw widespread public attention to the outlying discourse. The conceptual foundations of Samarin's program, which did not find practical implementation in the 1840s, will form the basis of the government policy of Russification of the Ostsee region, carried out in the second half of the XIX century.

Ключевые слова: Российская империя, Прибалтика, Остзейский край, Ю.Ф. Самарин, «Письма из Риги», Николай I, русификация.

Keywords: Russian Empire, Baltic States, Ostsee, Yu.F. Samarina, «Letters from Riga», Nicholas I, Russification.

Концептуализация имперской политики в отношении национальных окраин и осознание необходимости систематического проведения комплекса мер по их русификации в кругах российской политической и интеллектуальной элиты представляли собой, во многом, вынужденную реакцию имперских властей и общественности на внешние вызовы, ставившие под угрозу сохранение стабильности в регионе, а также целостность имперского пространства и сохранение в его рамках территорий, приобретенных в результате военных или дипломатических усилий¹.

Одна из наиболее важных этносоциальных особенностей западных окраин, в значительной степени влиявшая в последующем на характер имперской политики в их отношении, состояла в том, что этническое размежевание здесь во многом совпадало с социальным. Местная элита по своему этническому происхождению отличалась от народных масс, находившихся по отношению к ней в подчиненном положении. Так, на западных окраинах доминировала многочисленная польская шляхта, а в Прибалтике – немецкое дворянство и бюргерство. Материальное и культурное преобладание позволяло им оказывать значительное ассимилирующее воздействие на низшие слои общества, к которым в прибалтийских губерниях относились эстонцы и латыши, а на западных окраинах – литовцы, белорусы и украинцы. Социальный рост для представителей народных масс здесь был напрямую связан с вовлечением в иностранное культурное поле, что порождало угрозу полонизации или онемечивания местного населения. Долгое время российское правительство сквозь пальцы смотрело на данные процессы, довольствуясь политической лояльностью местных элит и стремясь к их кооперации в рамках общеимперской дворянско-аристократической элиты. Данное обстоятельство нельзя считать попустительством либо недосмотром имперских властей. В Российской империи, которая никогда на всем протяжении своего существования не являлась, в полном смысле этого слова, национальным государством, на протяжении всего XVIII и большей части XIX веков сословная идентичность преобладала над этнической. Российская имперская элита объединялась знатным происхождением, службой императорской власти, схожестью образования, воспитания и образа жизни в европейском духе, но ни в коей мере – не русским языком, национальной принадлежностью или православным вероисповеданием [1, с. 120]. Государство, доминирующее положение в котором занимала полиэтническая дворянская сословная корпорация, свою главную опору на окраинах видело

именно в местном дворянстве, невзирая на его этническую принадлежность, а не в народных массах, интересы которых отступали на второй план.

Первый опыт открытого публичного обсуждения окраинной проблематики и своеобразный пролог актуализации русификаторского дискурса в русской общественной мысли связан с появлением резонансного историко-политического памфлета, написанного в 1848 г. молодым чиновником министерства внутренних дел Ю.Ф. Самариним, под названием «Письма из Риги».

На всем протяжении 1840-х гг. в прибалтийских губерниях происходили массовые крестьянские волнения, вызванные тяжелым экономическим положением народных масс, нещадно эксплуатируемых местным немецким дворянством. Обращали на себя внимание некоторые особенности и формы данных волнений, выходящие за привычные социально-экономические рамки крестьянских выступлений. Так, своеобразной формой протеста прибалтийских крестьян был переход из лютеранства, исповедуемого местной элитой, в православие, в надежде на получение льгот и помощи со стороны правительства. Другой формой протеста стали массовые самовольные переселения эстонских и латышских крестьян, для предотвращения которого власти вынуждены были даже применять военную силу [2, с. 254–255].

Данная ситуация привела к появлению проектов, в которых обосновывалась необходимость изменения правительственной политики в отношении не только Остзейского края, но и всех западных окраин Российской империи. Необходимость административной и правовой унификации Прибалтики, а также начала процесса русификации региона обосновывалась в обстоятельной записке, датированной 1842 годом, автором которой являлось лицо, назвавшее себя «прокурором Сената К. Кутузовым» обнаруженной в фондах Российского государственного исторического архива [3]. Автор данной записки указывал на то, что его предложения были известны Николаю I и даже нашли частичное отражение в правительственных мерах в отношении прав русского населения в Остзейском крае. Еще раньше, в конце 1830-х гг., с предложением о необходимости распространения в образовательных и административных учреждениях Остзейского края, наряду с немецким, также и русского языка, выступал министр народного просвещения, граф С.С. Уваров.

Летом 1846 г. для выяснения и устранения причин недовольства прибалтийского крестьянства была организована и направлена в Ригу специальная ревизионная комиссия, в составе которой находился и Ю.Ф. Самарин, незадолго до

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

этого назначенный чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел и работавший в комитете по устройству быта лифляндских крестьян.

В ходе своей работы комиссия составила много томные материалы, в которых фиксировались многочисленные злоупотребления и саботирование местными органами управления распоряжений имперских властей, а также разработала проект обширных преобразований, направленных на ограничение власти помещиков над эсляндскими и лифляндскими крестьянами и усиления контроля центральной власти над местной администрацией. Однако правительство, первоначально приступившее было к реализации данной программы, постепенно отказывалось от нее, фактически капитулировав перед интересами остзейского дворянства. На заседаниях Остзейского комитета в январе 1849 г. труды комиссии были признаны не соответствующими «местным нуждам» и предлагавшиеся преобразования свернуты, что символизировала отставка генерал-губернатора Е.А. Головина и назначение на его места князя А.А. Суворова, являвшегося ярким защитником привилегий остзейского дворянства. В одном из писем к М.П. Погодину Ю.Ф. Самарин передавал слова нового генерал-губернатора, якобы сказанные им вскоре после приезда в Ригу: «Признаюсь, не понимаю, к чему эта заботливость о православии, о распространении здесь русской народности. Остзейцы преданы государю – к чему же более?» [Цит. по: 4, с. 32]. Отказ от проведения преобразований в системе управления Остзейским краем и улучшения положения местных крестьян являлся как следствием общего консервативно-охранительного поворота, произошедшего во внутренней политике самодержавия в 1848–1849 гг., так и результатом мощного противодействия немецкого дворянства, стремившегося к сохранению в регионе статус-кво.

Такая ситуация не устраивала Ю.Ф. Самарина, во время своего пребывания в Риге воочию увидевшего истинное положение дел в Остзейском крае, где не действовало общеимперское законодательство, царил произвол и угнетение коренного населения, а русские были фактически на положении неполноправных иноземцев. Молодой чиновник решил использовать все доступные методы воздействия на власть для убеждения ее в необходимости изменения данной ситуации. Результаты своей длительной работы в рижских архивах, куда долгое время был закрыт доступ русским исследователям, а также собственные впечатления и мысли Самарин изложил в объемном труде «История города Риги», содержание которого намного выходило за рамки официального отчета о работе в составе ревизионной комиссии, содержа в себе развернутое мнение о необходимости изменения имперской политики в Прибалтике и защиты русских интересов в крае, подкрепленное внушительным историческим материалом. Данный труд, представленный министру внутренних дел Л.А. Перовскому Самариним после возвращения из командировки летом 1848 г., был встречен весь-

ма сдержанно и фактически скрыт даже от бюрократических кругов вследствие опасения недовольства немецких кругов, приближенных ко двору [5, с. 104]. Несомненно, Самарин был знаком с содержанием тех проектов и записок по окраинной и остзейской проблематике, который появлялись на протяжении 1840-х гг., в том числе, и с упомянутой выше запиской К. Кутузова, что подтверждается схожестью целого ряда положений и выводов их сочинений, а также тем, что взгляды молодого чиновника на желательное направление правительственной политики в отношении Остзейского края сложились еще до его поездки в Ригу [6]. Молодой чиновник попытался обобщить и аккумулировать разрозненные идеи, высказывавшиеся по вопросу о ситуации в Прибалтике, существенно расширив и дополнив их собственными изысканиями и впечатлениями, придав своей позиции эмоционально-экспрессивный характер.

Самарин решил прибегнуть к немыслимому в условиях николаевской системы методу отстаивания своих взглядов посредством воздействия на общественность, что привело к появлению его «Писем из Риги», которые публично зачитывались им в Москве на вечерах у Свербеевых, в Петербурге у Д. Оболенского, а также были переданы для прочтения многим высшим должностным лицам, став резонансным событием «в глухой обстановке тогдашней русской жизни», вызвав оживленные споры и дискуссии в обществе и резкое недовольство влиятельных придворных остзейцев и самого Николая I [7, с. 45].

Пребывая в Риге, Самарин мог воочию наблюдать изолированность и отчужденность Остзейских губерний от остальной России, государственное господство которой здесь совершенно не ощущалось: русский язык практически не употреблялся, отсутствовали русские учебные заведения, издательства, газеты. Взаимодействие с местным населением давало молодому чиновнику все основания утверждать о «глубокой, коренной, систематической вражде Немцев к Русским», которая была обусловлена «сознанием своей исторической неудачи», [8, с. XLV, 37–38]. Само положение русских в прибалтийских городах было принижено. Согласно местным правовым нормам, все лица, прибывавшие в прибалтийские города из других городов Российской империи, считались «иноземцами» (Fremden), права которых, в первую очередь, в экономической сфере, были существенно ограничены [9, с. 356]. Самарин детально описал в своих «Письмах...» те многочисленные притеснения, которые испытывало русское население Риги и других остзейских городов со стороны местной немецкой администрации. Составляя значительную прослойку горожан, русские были, фактически, полностью лишены своего представительства в городских органах самоуправления, что делало их неполноправной и притесняемой категорией населения. Самарин писал: «Во всех городах империи различие племен принимается во внимание – кроме Риги. Всем национальностям даровано представительство – кроме Русской в Остзейском крае» [8, с. 93]. Мыслитель с негодованием отмечал, что русские именовались

«пришельцами» в городе, который уже более ста лет находился в составе Российской империи, лишая возможности употреблять свой родной язык в деловой и публичной сферах, чиня различные препятствия в коммерческой и общественной деятельности, в то время как любой приезжий из германских городов чувствовал себя в остзейских городах намного свободнее и комфортнее, чем русский, находящийся в собственной стране.

Самарин одним из первых не только использовал, но и сумел документально обосновать аргумент «исконности» русского влияния в Прибалтике, доказывая, что еще до появления немцев в регионе местные племена «тянуло» к Русским княжествам, бравшим с них дань и мирно распространявшим православную веру [8, с. 4]. В рамках научной парадигмы, господствовавшей в Новое время в исторической науке, большая «древность» того или иного влияния или господства была значимым аргументом в обосновании исторических прав государства на какую-либо территорию. Самарин подчеркивал, что Россия имела на Остзейский край «исторические и даже естественные права», что делало включение его в состав Русского государства не простым дипломатическим актом, подведшим итоги удачной войны, а «событием исторически необходимым, подготовленным прошедшею судьбою обеих земель» [8, с. 18].

Характеризуя привилегии остзейского дворянства и бюргерства, Самарин указывал на то, что они во все времена исходили от верховной власти, которая имела полное юридическое право их менять и отменять, если они переставали согласовываться с общественным благом и «общими государственными установлениями», что закреплялось во всех жалованных грамотах, даваемых Остзейскому краю, как русским, так и предшествовавшими ему польским и шведским правительствами [8, с. 132]. Тем самым автор подчеркивал, что если вопрос об отмене привилегий и является дискуссионным, то убеждение прибалтийской аристократии в принципиальной неприкосновенности их привилегий является, бесспорно, неверным.

Поскольку основной причиной появления Самарина в Риге в составе ревизионной комиссии являлись волнения эсляндского и лифляндского крестьянства, то он большое внимание в своих письмах уделял характеру воздействия местной немецкой элиты на коренное население. Проанализировав значительный документальный материал, автор «Писем...» пришел к выводу о том, что с древних времен немецкое господство было бедствием для местных жителей, которые не только подвергались нещадной экономической эксплуатации, но и систематически «онемечивались», угнетаясь в культурной и религиозной сферах. Только вмешательство имперских властей, ограничивающее права местных баронов в отношении крестьян, могло спасти последних от полного разорения и вывести из мрака невежества, в котором его сознательно держали немецкие дворяне. Именно это побуждало лифляндских и эсляндских крестьян искать спасе-

ние в принятии православной веры, надеясь, что это даст им защиту от произвола помещиков-лютеран. Самарин подчеркивал, что движение это носило стихийный характер, происходя без какого-либо подстрекательства со стороны православного духовенства и властей, которые, напротив, в целях успокоения дворян всячески препятствовало переходу крестьян в православие, убеждая их, что никаких материальных выгод это им не даст [8, с. 18]. И, тем не менее, принятие православия при условии проведения богослужения на латышском языке лифляндскими крестьянами становилось все более частым, приобретая ко второй половине 1840-х гг. широкий характер. Власть не поощряла, но и не находила оснований препятствовать данному процессу, в то время как обеспокоенные немецкие дворяне и лютеранские священники всячески отклоняли крестьян от перехода в православие не только уговорами и проповедями, но и преследованием в экономической и социальной деятельности, что еще более укрепляло их в надежде на будущее улучшение их положения [10, с. 508–510, 513]. Самарин подвергал резкой критике правительство, которое не только не поддерживало крестьян, изъявивших желание перейти в православие, но всячески препятствовало этому переходу, отталкивая от себя страдающих под давлением немецкого дворянства, интересы которого власть всячески отстаивала. Объясняя стремление латышей и эстов к принятию православия, автор «Писем...» утверждал, что ни католицизм, ни лютеранство, насаждаемые насильно, не проникли в народную жизнь и то, что трактовалось как переход из одной веры в другую, на самом деле было простой и естественной народной тягой к какой-либо вере [8, с. 154]. Помимо этого, он указывал на то, что православие было первых христианским вероучением, распространявшимся в Прибалтике еще в средние века, духовная связь с которым в Лифляндии никогда не прерывалась.

Подводя итог своим письмам, Самарин заявлял о необходимости коренного преобразования «неестественного» отношения Остзейского края к России. Не предлагая конкретной программы реформ, он утверждал, что без содействия и сочувствия общественности власть не сможет провести необходимые преобразования, поскольку сталкивается с сильным неодобрением и противодействием, как в остзейских, так и в российских общественных кругах, убеждавшим его в ошибочности принятого им курса. Фактически, автор указывал на необходимость идейного обоснования преобразований в Остзейском крае, которое опровергло бы аргументацию сторонников сохранения традиционных немецких привилегий, препятствующих развитию края как составной части Российской империи, намекая на то, что сохранение существующего порядка может привести к серьезным социальным потрясениям в регионе. Достижение этой цели было возможно только путем привлечения к обсуждению данного вопроса широкими кругами российской общественности, которая поддержала бы законные и обоснованные устремления правительства в деле приобщения прибалтийских губерний к единому имперскому пространству. В

последних строках своих «Писем...» Самарин писал: «Я желаю его (преобразования края – М.К.) от всей души не потому только, что продолжительное торжество лжи, обмана и злоупотреблений убивает всякую веру в правительство, не ради одних только Русских, более пятидесяти лет страдающих за свою народность, но ради будущей судьбы самих Остзейцев, которая вся заключена в России» [8, с. 160].

Главная особенность позиции Самарина состояла в том, что он исходил из понимания сущности Российской империи как национального государства, в котором нельзя быть верными подданными Государя, испытывая враждебное отношение к тому, что составляет «достояние народа». Следует согласиться с мнением современных исследователей, отмечающих, что мыслитель выступал резко против разграничения Империи, как системы «неравномерного властвования», суммы разнородных территорий, скрепляемых фигурой монарха и Империи, как национального целого [11].

Острая критика национальной и религиозной политики правительства в Прибалтике, антинемецкая риторика, звучавшая в «Письмах...», а также сам характер его выступления, направленный на «возбуждение общественного мнения» относительно конкретного вопроса украинской политики – все это стало причинами жесткой административной реакции на высказанные им взгляды. Жалобы на «Письма...» Остзейского генерал-губернатора А.А. Суворова, пронемецкая позиция которого была непосредственно затронута в них, а также недовольство влиятельных петербургских придворных остзейцев стали дополнительными мотивами для ареста Самарина и его заточения в Петропавловскую крепость в марте 1849 г.

Формально Самарин был обвинен в разглашении служебной тайны и использовании сугубо служебной закрытой информации для составления частного сочинения, которое было им распространено, чего было вполне достаточно для применения по отношению к нему жестких административных мер. Однако характер и глубина высказанных им взглядов, апеллирование к правительству в деле достижения поставленных целей, а также общественный резонанс, вызванный «Письмами...», побудил власть в лице самого Николая I попытаться переубедить автора, объяснив свое видение обрисованной им ситуации. В известном разговоре Самарина и Николая I, состоявшемся 17 марта 1849 г. в Зимнем дворце, последний изложил свое собственное понимание не только сути остзейского вопроса, но и характера Российской империи, в целом.

Обвинения, высказанные императором Самарину, могут быть сведены к двум основным тезисам. Во-первых, это применение национального подхода к пониманию Империи, что, по мысли монарха, неизбежно спровоцировало бы межнациональные конфликты в сложном полиэтническом имперском сообществе. Призывы к русификации населения национальных окраин, к тому, чтобы «силою сделать из немцев русских, с ме-

чом в руках, как Магомед...», усматриваемые Николаем I в сочинении Самарина, способствовали возбуждению «вражды немцев против русских», в то время, как долгом правительства является поддержание порядка в империи и предотвращение столкновений между народами её населяющими [7, с. 48]. Говоря о необходимости «любовью и кротостью» привлекать к себе немцев, император фактически указывает на собственное понимание оптимальной модели окраинной политики, которая должна была строиться на основе сотрудничества с местными традиционными элитами путем сохранения их привилегий и поощрения их интересов. Разжигание межнациональной вражды путем нападков на окраинное сообщество, отличавшееся лояльностью и верностью Монарху, не отделявшему себя от государства в целом, не могло не вызвать резкого осуждения верховной власти.

Другое обвинение состояло в том, что своими письмами Самарин осмелился «поднимать общественное мнение против правительства», обвиняя его в том, что оно «национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам» [7, с. 48]. В глазах Николая I это было более серьезным преступлением, поскольку, если взгляды автора относительно немцев можно было трактовать как заблуждение, совершенное «под влиянием страсти» и «личных неприятностей и оскорблений», то подрыв доверия к правительству и его связи с народом представлял собой уже тяжкое государственное преступление. Неслучайно, что император в течение разговора дважды упомянул о том, что сочинение Самарина вело «к худшему, чем 14 декабря» [7, с. 48]. Сама модель обсуждения любых вопросов внутренней и внешней политики, в том числе, и национальных, к чему призывал Самарин, стремившийся возбудить общественный интерес к проблеме национальных окраин, высказаться не просто от имени частного лица, но от имени русской нации, для правительства, от которого Николай I не отделял себя, была принципиально неприемлемой на данном этапе. По меркам того времени «дело Самарина» завершилось очень благополучно для последнего, который был выслан в Москву «под надзор родителей», знакомство императора с которыми, очевидно, сыграло немаловажную роль в столь мягком исходе. Несмотря на то, что в последующем Самарин был выслан и из Москвы, оказавшись в итоге в штате киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова, где и служил до конца 1852 г., в последствии он с благодарностью вспоминал Николая I, который высказал ему, «молодому титулярному советнику», свои взгляды, «явившись в строгой и благородной простоте своего обаятельного величия» [12, с. 53].

«Письма из Риги» Самарина и «ответ» на них Николая I представляли собой, по сути, столкновение двух принципов окраинной политики, отстаиваемые, по выражению Нольде, «молодым, талантливым глашатаем новой народнической истины» и «узким, но выдержанным и последовательным носителем привычной консервативной государственности» [7, с. 48].

Взгляды Самарина опередили свое время. Власть оказалась не готова к принятию отстаиваемой им модели окраинной политики, которая основывалась на национальных, а не на сословно-корпоративных принципах. Сочинение Самарина не смогло подействовать на правительственную политику в отношении Остзейского края в тот период, хотя впервые озвучило и поставило вопрос о необходимости коренных преобразований в крае, осознание неизбежности которых придет к правительству позднее. В то же время, его выступление носило, во многом, знаковый характер. Сам факт беседы молодого мыслителя, пишущего на политические темы, и

Литература:

1. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М. : «Традиция» – «Прогресс-Традиция». 2000. 344 с.
2. Высокочков Л.В. Николай I. М. : Молодая гвардия. 2006. 694 с.
3. Записка о необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 66.
4. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 10. СПб. : 1896. 583 с.
5. Скороходова С.И. «Письма из Риги» в историософии Ю.Ф. Самарина. // Соловьевские исследования. Вып. 4(32). С. 101–113.
6. Тесля А.А. Остзейский вопрос в переписке Ю.Ф. Самарина. URL : <http://www.etnosy.ru/node/489> (дата обращения 22.09.2019).
7. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. Paris : Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. 247 с.
8. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. VII. М. : Типография А.И. Мамонтова и К^о. 1889. 659 с.
9. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. I. Рига, Типография А.И. Липинского. 1877. 528 с.
10. Записки священника Полякова об эйхенангерском приходе // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, Типография А.И. Липинского. 1880. 640 с.
11. Тесля А.А. «Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина в контексте споров о нации и империи / А.А. Тесля, В.А. Труханов. Yu.F. Samarin. URL : http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_tru.php (дата обращения 22.09. 2019).
12. Градовский А.Д. Юрий Федорович Самирин. // Трудные годы (1876–1880). М. : Типография ГПИБ. 2007. С. 50–59.

императора, пусть и состоявшей из монолога последнего был явлением исключительным и показательным. «Письма...» оказали значительное влияние на формирование в русской общественной мысли интереса к национальной проблематике, которая станет объектом активного обсуждения в новых политических условиях 1850-х – 1860-х гг.. Идеи, высказанные Самариным в конце 1840-х гг., будут активно рассматриваться и браться на вооружение не только представителями общественности, но и властью, в последние десятилетия XIX столетия осознавшей значимость тех вызовов и угроз, на которые указывал мыслитель.

Literature:

1. Kappeler A. Russia – a multinational empire. M. : «Traditzia» – «Progress-Traditzia». 2000. 344 p.
2. Vysochkov L.V. Nicholas I. M. : Molodaya Gvardia. 2006. 694 p.
3. A note on the need to introduce Russian organic laws in all provinces and regions of the empire // RGIA. F. 1101. Op. 1. D. 66
4. Barsukov N. Life and works of M.P. Pogodin. B. 10. SPb. : 1896.583 p.
5. Skorokhodova S.I. «Letters from Riga»in the historiosophy of Yu.F. Samarin // Soloviev studies. Issue 4 (32). P. 101–113
6. Teslya A.A. The Ostsee issue in the correspondence of Yu.F. Samarin. URL : <http://www.etnosy.ru/node/489> (accessed September 22, 2019).
7. Nolde B.E. Yuri Samarin and his time. Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. 247 p.
8. Samarin Yu.F. Letters from Riga // Samarin Yu.F. Compositions. Vol. VII. M. : Printing house of A.I. Mamontov and C^o. 1889. 659 p.
9. A collection of materials and articles on the history of the Baltic region. Vol. I. Riga, Printing house A.I. Lipinsky. 1877. 528 p.
10. Notes by the priest Polyakov about the Eichenanger parish // Collection of materials and articles on the history of the Baltic region. Vol. III. Riga, Printing house A.I. Lipinsky. 1880. 640 p.
11. Teslya A.A. «Letters from Riga» in the context of disputes about the nation and empire / A.A. Teslya, V.A. Trukhanov, Yu.F. Samarin. URL : http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_tru.php (accessed date 09/22/2019)
12. Gradovsky A.D. Yuri Fedorovich Samirin. // Difficult years (1876–1880). M. : Printinghouse GPIB. 2007. P. 50–59.

Мамышева Елена Петровна
доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры истории России,
Хакасский государственный
университет имени Н.Ф. Катанова
sozor@mail.ru

Elena P. Mamysheva
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Russian History,
Khakas State University
named after N.F. Katanov
sozor@mail.ru

РЕФОРМА ХАКАССКОЙ ГРАФИКИ В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1920–1930-е гг.)

REFORM OF THE HAKAS SCHEDULE IN FATE REPRESENTATIVES OF NATIONAL INTELLECTUALS (THE 1920–1930th)

Аннотация. В статье рассматривается участие представителей национальной интеллигенции в проведении реформы графики хакасского алфавита. Цель данной реформы заключалась в переводе хакасского алфавита с кириллической основы на латинскую. Представители национальной интеллигенции, которые приняли участие в реализации языковой реформы, были подвергнуты обвинениям в провале латинизации.

Ключевые слова: реформа графики, хакасский алфавит, латинизация, комитет нового тюркского алфавита, национальная интеллигенция.

Annotation. The article regards the participation of representatives of the national intelligentsia in the reform of the graphics of the Khakass alphabet. The purpose of this reform was to translate the Khakass alphabet from Cyrillic to Latin. Representatives of the national intelligentsia, who took part in the implementation of the language reform, were accused of the failure of latinisation.

Keywords: graphic reform, Hakass alphabet, Romanization, committee of the new Turkic alphabet, national intelligentsia.

Важной составляющей национальной политики в СССР в 1920–1930-е гг. являлось языковое строительство. Как справедливо отмечается в исследованиях, «вопрос о языке определялся не только выбором оптимального средства коммуникации и модернизации полиэтничного населения, но имел глубокоесимволическое и политическое значение» [2, с. 37].

В связи с неприятием советской властью миссионерской письменности хакасов в 1924 г. был создан новый хакасский алфавит на основе русской графики. В 1925 г. он был утвержден алфавитной комиссией в Москве. На завершающем этапе к этой работе были привлечены наиболее грамотные представители хакасской интеллигенции, из которых была сформирована специальная комиссия. В неё вошли К.К. Самрин, С.И. Кузургашев, К.С. Тодышев, П.Г. Штыгашев, И.М. Киштеев, М.И. Райков под руководством председателя Хакасского исполкома Г.И. Итыгина.

В условиях провозглашенной борьбы с неграмотностью появление алфавита и письменного языка имело важное значение. Перед комиссией по выработке письменности были поставлены

задачи составления первых учебников на хакасском языке, переводческой деятельности. В связи с расширением функций, комиссия была переименована в «Хакасскую переводческую комиссию». Однако комиссия вынуждена была приостановить свою работу по изданию политической и художественной литературы на хакасском языке, в основу которого была положена кириллица, поскольку перед советскими народами была поставлена задача создания единой, унифицированной письменности. Из множества вариантов предпочтение было отдано латинизации алфавитов как модернизации письменности, которая «соответствовала природе политической доктрины Советского государства и Коммунистической партии, стремившихся контролировать все сферы общественной жизни» [3, с. 72]. Власти СССР оценивали латиницу как интернациональный алфавит, всеобщее письмо будущего, высказывали предложение перевести на нее и славянские народы.

Руководства процессом перевода алфавитов сибирских тюркских народов на латинскую основу в 1928 г. было возложено на Сибирский (с 1930 г. – Западно-Сибирский) краевой комитет

нового алфавита, который подчинялся Центральному комитету нового тюркского алфавита (ЦК НТА). К переводу алфавита на латинскую основу в Хакасском округе приступили в декабре 1928 г., когда на заседании бюро Хакасского окружкома партии был избран окружком НТА из представителей молодой хакасской интеллигенции. Комиссия по созданию хакасской письменности была преобразована в литературно-издательскую коллегию, которой было поручено работать над изданием литературы на новом латинизированном алфавите. В 1929 г. вышел первый учебник на латинизированном алфавите «Naaco!» под авторством К. Самрина, А. Топанова, Т. Балтыжакова.

После преобразования Хакасского округа в автономную область в 1930 г. окружком НТА был переименован в областной комитет нового латинского алфавита (НЛА). В течение 1931 г. в Хакасии было издано 45150 экземпляров на новом алфавите. Однако темпы обучения хакасов новому алфавиту резко отставали от темпов издания национальной литературы на НТА, распространения среди населения книги не получили, так как грамотная часть хакасского населения умела читать только на кириллице. Внедрение нового алфавита в широкие массы шло медленно, о чем свидетельствовали неоднократные обращения редакции областной газеты «Хызылаал» во властные структуры [4, л. 12]. Партийно-государственные органы автономной области разработали конкретный план мероприятий работы ячеек НТА, который предусматривал издание методических указаний и учебных пособий, учебников, библиотечку для населения и актива по социалистическому строительству на НТА. Все мероприятия должны были сопровождаться средствами наглядной агитации в виде художественных плакатов, лозунгов, диаграмм, красиво рисующих социалистическое переустройство области.

Тем не менее, темпы реализации графической реформы не менялись. В связи с этим обстоятельством начался поиск причин неудачной латинизации.

По мнению членов областного комитета НТА, таковыми являлись большие материальные затруднения и отсутствие научных кадров-лингвистов из коренного населения. В докладе отмечалось, что выделяемые из местного бюджета средства рассчитаны только на заработную плату сотрудников, что «дело перестройки работы нового алфавита ни на шаг не продвинется без спецзатрат на эти мероприятия» [5, л. 16]. Дополнительных средств требовала и работа по рецензированию, поскольку издаваемая литература должна была проверяться не только на предмет идеологического содержания, но на соответствие принятым принципам орфографии и терминологии.

Отдел культуры и пропаганды ленинизма обкома ВКП (б) провел проверку качества и идейно-политической выдержанности издаваемой и переводной литературы на хакасском языке. По результатам проверки было отмечено, что наи-

более активные авторы и переводчики хакасской национальной литературы (Катанов Н., Бытотов Г., Балтыжаков Т., Кобяков В., Топанов, Аешин Н., Топоев М.) находятся под следствием по делу контрреволюционной националистической группировки «Союз сибирских тюрков» [9]. Вина за провал латинизации была возложена на «националистические элементы, которые проникли в издательское дело».

После проверки в Хакасии началась травля этих людей. К примеру, в 1934 г. критике подвергся К.К. Самрин как один из авторов «Алфавита Октября». Данная брошюра была объявлена «явно контрреволюционной», поскольку в стихотворении «Калинин», помещенном в «Алфавите», Советская власть, якобы, изображалась как власть эксплуататорская, где «трудящиеся угнетаются, плачут кровью от гнета» [4, л. 85]. К числу классовых врагов, буржуазных контрреволюционных националистов, препятствующих процессу латинизации, был отнесен и Н. Г. Катанов. Его обвинили в «явной буржуазной контрреволюционной вылазке» за то, что он в хакасско-русском словаре дал определение коммунистическому строю «как власти, когда фабрики и заводы переходят в руки народа, когда все приобретения будут делиться среди народа, когда работать будут по способностям, а получать по потребностям. Классового разложения не будет, все будут равны» [4, л. 122]. Такое определение марксизма было расценено как клевета на учение Маркса-Ленина о равенстве.

Нелепое обвинение в контрреволюционной агитации получил А.М. Топанов. В книге «Советский аал», изданной в 1930 г., экскурсия на металлургический завод была описана так: «...из печи вытаскивали расплавленный чугун, он по желобу сильно бежал, смотреть страшно! На эту работу очень верткий человек нужен. Если не успеешь, прозеваешь и жизнь отдашь» [4, л. 123]. Данные строки обернулись против Топанова: его обвинили в том, что он умышленно пугает колхозников с целью «отбить желание у колхозника-хакаса идти на производство, направить свое острие против создания рабочих кадров из коренного населения».

Результатом работы комиссии отдела культуры и пропаганды ленинизма обкома ВКП (б) явилось изъятие литературы на хакасском языке, изданной при участии арестованных авторов. Между тем, в ходе судебного разбирательства в 1934 г. по делу «Союза сибирских тюрков» участники латинизации (К.К. Самрин, Т.Н. Балтыжаков, М.П. Топоев), как и другие обвиняемые в антисоветской пропаганде и противоправной государственной деятельности, получили полное оправдание.

Авторы арестованных учебников вновь вернулись к работе по внедрению НТА. Однако ситуация с латинизацией в Хакасии, как и в целом по стране, продолжала меняться. В докладе Хакасского областного комитета НТА за 1935 г. было вновь отмечено, что «грамотные на русском хакасы до сих пор не овладевают НТА, и почти никак не реагируют на газету «Хызылаал» и во-

обще литературу» [4, л. 12]. Не улучшало обстановку и не повышало грамотности и то, что на страницах русскоязычной «Советской Хакасии» публиковались планы уроков по грамматике и орфографии хакасского языка на новом алфавите.

В высших эшелонах власти медленно вызревал отказ от данной языковой реформы как решенной дилеммы «продолжать всевозможную поддержку многочисленных языков с малым числом их носителей и весьма ограниченной сферой употребления или радикально расширять обучение русскому, обеспечивающему интеграцию людей и экономик регионов, межкультурное общение» в пользу скреплявшего единое государство языка [2, с. 56]. После критики графической реформы алфавитов со стороны ЦК ВКП (б) в 1936 г. процесс ускорился. На заседании Президиума ВЦИК был поставлен вопрос об обратном переводе языков народов СССР на кириллицу. Активно заработала пропаганда: в газетах появились многочисленные письма-обращения рабочих и колхозников, заявляющих, что «латиница им не подходит» и выражающих желание перейти на кириллицу.

Тем не менее, в 1936 г. начались поиски виноватых в провале языковой реформы. В документах все больше и больше звучали обвинения в адрес национальной интеллигенции Хакасии. «Состав авторского переводческого актива крайне засорен кулацко-байским элементом, националистами-контрреволюционерами» – таковы типичные объяснения неудач латинизации, изложенные в отчетах областного комитета НТА в 1936–1938 гг. Выводы Хакасского обкома ВКП (б) подтвердили эти обвинения: «бывшие члены бюро Хакасского обкома ВКП (б) Н. Конгаров,

Кучендаев, а также бывший работник ОГИЗ-а Балтыжаков, председатель Таштыпского райисполкома Коков разоблачены как активные буржуазные националисты и за контрреволюционную деятельность арестованы органами НКВД» [6, л. 66]. Среди приговоренных к высшей мере наказания по данному делу военной коллегией Верховного Суда СССР в июле 1938 г. были непосредственные исполнители графической реформы И.И. Абдин, Г.П. Бытогов, Н.Г. Катанов, И.М. Киштеев, В.А. Кобяков, И.П. Майтаков, К.К. Самрин, И.В. Тогдин, и др. [1, с. 67].

В процессе пользования латинизированным алфавитом выяснилось, что данная графика не точно передавала фонетическую систему языка, а самое главное не была популярна среди народа, трудно внедрялась в практику школьного преподавания. Хакасский обком ВКП (б) в своем обращении в ЦК партии среди прочих причин отказа хакасов от латинизированного алфавита указывал, что «советское делопроизводство всегда велось на русском языке, ... основная масса хакасского населения пользуется русским алфавитом» [7, л. 22]. Обратный перевод алфавита хакасского алфавита на русскую графику был осуществлен ускоренными темпами (при отсутствии специального органа) в 1939 г.

Таким образом, свертывание графической реформы хакасского алфавита произошло в рамках изменений, которыми ознаменовался поворот в национальной политике СССР [8]. Ее завершение совпало по времени с трагическими событиями 1930-х гг., в ходе которых немногочисленная интеллигенция Хакасии, искренне стремившаяся внести свою лепту в развитие национальной письменной культуры, понесла значительные потери.

Литература:

1. *Абдин Н.С.* Политические репрессии в Аскизском районе Хакасии (1920–1950 гг.) / Н.С. Абдин, В.Н. Абдин. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2008. 192 с.
2. *Аманжолова Д.А.* Языковая политика и культура управленцев Казахской АССР. 1920–1936 гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 2. С. 36–61.
3. *Базарова В.В.* Языковые эксперименты и практика политических технологий в 1920–1930-х гг. // Власть. 2009. № 2. С. 72–74.
4. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее –). Ф. 2. Оп. 1. Д. 86.
5. ГКУ РК «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 452.
6. ГКУ РК «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 486.
7. ГКУ РК «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 606.

Literature:

1. *Abdin N.S.* Political repressions in Askiz district of Khakassia (1920–1950) / N.S. Abdin, V.N. Abdin. Abakan : Khakass book. publishing house, 2008. 192 p.
2. *Amanzholova D.A.* Language policy and culture of managers of the Kazakh ASSR. 1920–1936. // Russian regions: a look into the future. 2016. Vol. 3. № 2. P. 36–61.
3. *Bazarova V.V.* Language experiments and practice of political technologies in the 1920s–1930s. *Vlast*. 2009. № 2. P. 72–74.
4. State state institution of the Republic of Khakassia «National archive» (hereinafter). F. 2. Op. 1. D. 86.
5. Gku RKH «National archive». F. 2. Op. 1. D. 452.
6. Gku RKH «National archive». F. 2. Op. 1. D. 486.
7. Gku RKH «National archive». F. 2. Op. 1. D. 606.

8. *Мусаев В.И.* Поворот в советской национальной политике в середине – второй половине 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. 2018. № 2. С. 96–111

9. *Тугужекова В.Н.* Репрессии в Хакасии / В.Н. Тугужекова, С.В Карлов. Абакан, 1998. 112 с.

8. *Musaev V.I.* Turn in the Soviet national policy in the middle – second half of the 1930s // Peoples and religions of Eurasia. 2018. № 2. P. 96–111

9. *Toguzakov V.N.* Repressions in Khakassia / V.N. Toguzakov, S.V. Charles. Abakan, 1998. 112 p.

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет
МВД России, Краснодар
uporov@list.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Law Sciences,
Professor,
Professor of Constitutional and
Administrative Law,
University of Ministry of Affairs
of Russia, Krasnodar
uporov@list.ru

**ЛИКВИДАЦИЯ
БЕСПРИЗОРЩИНЫ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ
ВРЕМЯ**

**BESPRIZORSCHINY
ELIMINATION AND ACTIVITIES
SOVIET POWER ON PREVENTION
DEVIANT BEHAVIOR MINORS
IN THE POST-REVOLUTIONARY
PERIOD**

■ ■ ■

Аннотация. Автор освещает деятельность советской власти по решению труднейшей задачи ликвидации беспризорщины как социально крайне негативного явления, возникшего в результате революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Отмечается, что советская власть уделяла этой проблеме большое внимание, понимая, что этим одновременно реализуется функция предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Внимание акцентируется на организационно-правовых аспектах деятельности советского государства.

■ ■ ■

Annotation. The author cover the activities of the Soviet authorities to re-shenyu daunting task of eliminating besprizorschiny as socially extremely negative phenomenon, resulting from the revolutionary events of 1917 and the Civil War. It is noted that the Soviet government has paid great attention to this issue, knowing that this function is implemented at the same time preventing juvenile delinquency. Attention is focused on the organizational and legal aspects of the activities of the Soviet state.

■ ■ ■

Ключевые слова: беспризорные, советская власть, детская комиссия, профилактика преступлений, детские дома, девиантное поведение.

■ ■ ■

Keywords: homeless, the Soviet authorities, children's commission, crime prevention, children's homes, deviant behavior.

■ ■ ■

В первые годы советской власти преступность несовершеннолетних по своему качественному составу характеризовалась высоким удельным весом имущественных преступлений, число которых в четыре раза превышало количество посягательств против личности [1, с. 19]. И это не удивительно-смутное революционное время, а затем гражданская война привели к тому, что огромное число детей голодали и самосохранения толкал многих из них на преступления. К 1925 г. по официальным данным в СССР насчитывалось 334500 зарегистрированных беспризорных, а в РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР и Туркестанской ССР действовало 3701 учреждение для таких детей. Основное их число располагалось в России – 2 777 учреждений, в них содержалось более 220 тыс. детей. Основными типами учреждений являлись: приемники

■ ■ ■

для оказания первой социальной помощи, детского дома дошкольного и школьного возраста, для физически дефективных и умственно отсталых и, наконец, детский городок как комплекс разнотипных учреждений. Основную группу в них составляли дети от 8 до 14 лет. По социальному происхождению это были дети ремесленников, кустарей, мелких служащих, погибших солдат. В Ленинграде, например, вплоть до 1929 года страшным бедствием являлась детская проституция [2, с. 342].

При этом следует заметить, что проблема предупреждения подростковой преступности некоторое время вообще не была предметом каких-либо решений со стороны советской власти, для которой после Октябрьской революции 1917 г. стояла задач устоять перед натиском политиче-

ских противников. И случайно, например, что в одной и первых амнистий, объявленных советским государством от 6 ноября 1918 г. [3], несовершеннолетние преступники даже не упоминаются. Вместе с тем, советская власть достаточно быстро поставила вопрос о судьбе детей, причем в масштабе всей страны и без различия в социальном происхождении. Так, уже 14 января 1918 г. был принят декрет «О комиссиях для несовершеннолетних» [4], подписанный председателем СНК Ульяновым и народным комиссаром юстиции Штейнбергом. В этом декрете указывалось, что суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются. Дела о несовершеннолетних обоюбого пола до 17 лет, замеченных в деяниях общественно-опасных, подлежали ведению комиссии о несовершеннолетних (ст. 2). Эти комиссии находились в исключительном ведении Народного Комиссариата общественного призрения (в дальнейшем – социального обеспечения) и состояли из представителей ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции в количестве не менее трех лиц, причем, из этих лиц должен быть врач (ст.3). По рассмотрении дела о несовершеннолетних, комиссия либо их освобождала, либо направляла в одно из «убежищ» Народного Комиссариата общественного призрения, соответственно характеру деяния.

Примечательно, что советская власть данным предписанием потребовала пересмотреть «все дела о несовершеннолетних, находящихся в настоящее время в производстве каких-либо судов, а также закончившиеся осуждением», что свидетельствует, на наш взгляд, о достаточно масштабном подходе к решению проблемы предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Ликвидация тюремного заключения для несовершеннолетних являла собой отражение новой концепции советского государства в части приоритетов в сфере уголовного наказания, а именно замене репрессий воспитательными мерами.

При комиссиях по делам несовершеннолетних предусматривались так называемые обследователи-воспитатели, которые непосредственно готовили для рассмотрения на комиссии дела по конкретным несовершеннолетним, а в дальнейшем осуществляли контроль за исполнением соответствующий решений комиссии. Обследователи-воспитатели обязаны были лично удостовериться в тех условиях жизни и воспитания, в которых находился несовершеннолетний, то есть обследовать эти условия, а также фактические обстоятельства совершенного проступка, и сделать свое заключение, в том числе предложить варианты решения вопроса. Обращает на себя такая деталь: инспекторы должны были следить и за тем, чтобы трудный подросток не попал под надзор одновременно нескольких лиц, поскольку такое положение могло привести к тому, что «у семи нянек дитя без глаза».

Тогда же был создан Детский обследовательский институт при Государственной психоневрологической академии, где обследовались наиболее сложные ситуации, разрабатывались ме-

тодологическая основа работы с трудными подростками, проводились научные и практические семинары, давались консультации профессиональным работникам в педагогической деятельности с несовершеннолетними. За десять лет (1918–1927 гг.) в стенах этого заведения было обследовано 14732 несовершеннолетних девиантов, издан ряд интересных и полезных изданий [5].

Несколько позже (26 января 1918 г.) Народный комиссариат государственного призрения РСФСР принимает Постановление «О переходе в ведение Народного комиссариата государственного призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении Коллегии призрения несовершеннолетних» [6]. Здесь содержались, в частности, следующие предписания: 1) содержание всех приютов для детей, малолетних и несовершеннолетних, относится на общегосударственные средства по Народному Комиссариату Государственного Призрения; 2) приюты, колонии и учреждения призрения всех категорий и наименований переходят в ведение Народного Комиссариата Государственного Призрения; 3) для заведывания всеми приютами и учреждениями призрения несовершеннолетних учреждается особая коллегия из трех лиц, под названием «Коллегия призрения несовершеннолетних»; 4) в состав этой Коллегии, сохраняя самостоятельное заведывание своими отделами, входят: заведующий Отделом материнства и младенчества, заведующий Отделом несовершеннолетних, обвиняемых в общественно - опасных деяниях, и заведующий приютами общего характера (для детей дошкольного возраста от 3 до 7 лет и школьного возраста от 7 до 12 лет и от 12 до 17 лет), согласующие свои действия с действиями коллегии Народного Комиссариата Государственного Призрения; 5) все приюты и учреждения для несовершеннолетних, не принятые в свое заведывание Коллегией призрения несовершеннолетних, на какие бы средства они ни существовали, закрываются и все их имущество и капиталы переходят в собственность Республики по Народному Комиссариату Государственного Призрения и передаются в распоряжение Коллегии призрения несовершеннолетних; 6) несовершеннолетние, призреваемые в этих учреждениях, помещаются Коллегией, по общему плану, в заведываемые Коллегией приюты, колонии, санатории, учреждения для больных и дефективных детей и другие учреждения для несовершеннолетних.

Спустя год были приняты новые решения. Так, 4 февраля 1919 г. декретом СНК был образован Государственный совет по защите детей под председательством наркома просвещения А.В. Луначарского [7]. В марте того же года была поставлена задача введения бесплатного обязательного и ремесленного образования для всех детей обоюбого пола до 17 лет, расширения фактических возможностей для работающих родителей осуществлять обязанности по воспитанию детей. В ходе реализации этой программы в 1920–21 гг. было открыто более 13 тысяч новых школ, при этом численность учащихся почти на

два миллиона превысила довоенный уровень. Одновременно начала разворачиваться сеть дошкольных и внешкольных детских учреждений. Тогда же определился подход к централизованному плановому решению проблемы трудоустройства и закрепления подростков на производстве, установлению государственного контроля за условиями их труда [8, с. 111–112].

К этому следует добавить, что начало 1920-х гг. стало периодом быстрого расширения и развития сети комиссий по делам несовершеннолетних – по сравнению с 1920 г. в 1925 г. их число выросло в восемь раз [9, с. 897]. Комиссии рассматривали самые разнообразные вопросы в жизни несовершеннолетних. Так, Кубано-Черноморская областная комиссия по улучшению быта детей на своем заседании 26 июля 1921 г. решала следующие вопросы: 1) О выполнении декрета СНК о помещениях, приспособленных для культурно-просветительной и воспитательных учреждений; 2) О коллекторе для малолетних преступников; 3) О снабжении детских учреждений питанием, мебелью, посудой; 4) О ремонте зданий; 5) О транспорте; 6) Об увеличении аванса на расходы по детским учреждениям [10].

О повышенном внимании государства к проблеме социального положения детей свидетельствует создание других государственных и общественных организаций, на которые среди возлагались функции предупреждения преступности среди несовершеннолетних. Тем самым в начале 1920-х гг. наметилась практика комплексного государственного подхода к решению рассматриваемой проблемы. Только за первое пятилетие советской властью было издано более пятидесяти соответствующих правовых актов, что дало основание уже тогда ввести в оборот термин «детское право».

Активную роль играла общественность. Так, осенью 1918 г. по инициативе В.Г. Короленко в стране возникла общественная организация – Лига спасения детей, возглавляемая Е.Д. Кусковой, Н.М. Кишкиным, Л.А. Тарасевичем, Е. Пешковой и другими представителями русской интеллигенции. Лига была вполне легальной организацией, утвержденной СНК [11, с. 93]. В течение года Лига создала 14 детских колоний, детский санаторий в Москве, несколько детских садов и клубов. Всего за это время организация помогла 3,5 тыс. детей. Детские учреждения Лиги обычно занимали небольшие квартиры из 2–3 комнат и принимали не более 25–30 детей, как правило, одного возраста. Основное внимание уделялось индивидуальному воспитанию ребенка. Однако такой подход с «буржуазным» уклоном не мог устроить советскую власть. К началу января 1921 г. все детские учреждения Лиги спасения детей были переданы в распоряжение Московского отдела народного образования [12, с. 34]. Параллельно с Лигой существовала дружная организация – Совет защиты детей, учрежденный декретом СНК 4 февраля 1919 г., чтобы «сберечь, в тяжелых условиях переходного периода подрастающее поколение». Ведомственный, хотя и относительно самостоятельный, Со-

вет под председательством Луначарского пользовался симпатиями Ленина. Совет не имел своих детских учреждений и не занимался воспитанием беспризорных детей – это была организация в основном с контрольными и координационными функциями. Совет располагал несколькими санитарными поездами, предназначенными для транспортировки подобранных на железнодорожных станциях беспризорников. Несмотря на слабую эффективность, деятельность Совета была все-таки гуманнее и полезнее, нежели применение против мигрирующих по железной дороге беспризорников заградительных отрядов, как это было на Северном Кавказе и в ряде других губерний в 1920 г. [12, с. 34].

27 января 1921 г. был образован специальный орган, координирующий и направляющий деятельность всех ведомств и организаций по охране детства – Комиссия при ВЦИК по улучшению жизни детей (Деткомиссия при ВЦИК) под председательством Ф.Э. Дзержинского [13] (до этого функционировали Комиссия при ВЦИК и некоторое время Совет защиты детей). В состав Деткомиссии вошли представители ВЦСПС (центральных органов профсоюзов), Наркомпроса, органов здравоохранения, Рабоче-крестьянской инспекции, ВЧК, причем состав Комиссии персонально утверждался Президиумом ВЦИК. Здесь же заметим, что такого рода решения предварительно обсуждались соответствующих партийных инстанциях. Комиссией разрабатывалась перспективная стратегия борьбы с беспризорностью, но параллельно с образованием местных комиссий принимались и неотложные меры по детскому призрению [14, с. 29].

Следует отметить такую особенность этих комиссий, как их государственно-общественный характер, вследствие чего все начинания комиссий получали поддержку и помощь со стороны населения, поскольку практически во всех населенных пунктах остро стояла проблема с детской беспризорностью и как прямым следствием – преступностью среди несовершеннолетних. В литературе справедливо отмечается, что в советское время функционирование системы предупреждения преступности было в значительной мере основано на энтузиазме населения, партийной, комсомольской, производственно-трудовой дисциплине, сочетаемых с идеологическим единомыслием [15, с. 7].

В полномочия центральной комиссии входило издание обязательных общегосударственных постановлений, касающихся охраны здоровья детей, организации питания, снабжения и т.д., а также воплощения этих решений. Будучи высшей надзорной инстанцией в данной сфере защиты и обеспечения прав и интересов несовершеннолетних, этот орган мог наложить вето на распоряжение любого ведомства, если реализация этого решения могла привести к явному ущербу для подростков. По инициативе Деткомиссии ВЦИК был разработан комплексный общегосударственный трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. Среди основных мероприятий, направленных на решение этой проблемы, стали (наряду с помещением беспризор-

ных в детдома) назначение опеки, передача детей на договорных началах в крестьянские семьи, ремесленникам и кустарям, направление подростков на производство в государственный сектор, оказание адресной материальной помощи на дому детям, стоящим на грани нищеты и беспризорности, защита прав и интересов детей и подростков, развертывание внешкольной работы по месту жительства при активном содействии пионерских организаций и комсомола.

Комиссия имела на местах социальных уполномоченных, а затем и свои отделы губернских Советов депутатов. Она имела право вносить законодательные предложения по улучшению жизни детей и прежде всего по вопросам: оказание помощи продовольствием, жильем, топливом, одеждой и т.д. учреждениям, ведающим охраной жизни и здоровья детей, прежде всего беспризорных; издание в пределах своих полномочий и на основе действующих законов постановлений, касающихся охраны жизни и здоровья детей; внесение в центральные органы власти предложений по созданию новых законов и постановлений, относящихся к сфере деятельности комиссии. Решения комиссии позволили разграничить функции между ведомствами и другими организациями в деле борьбы с детской беспризорностью, ввести планирование в трудовую подготовку воспитанников детских домов, изыскать дополнительные источники финансирования мероприятий по борьбе с детской беспризорностью, усилить врачебно-психиатрическую помощь нуждающимся в ней несовершеннолетним

Ликвидация беспризорности как главная задача указанных учреждений требовала проведения санитарной обработки обитателей подвалов и улиц, в необходимых случаях лечения, организации питания и учебы детей, предоставления жилья и работы подросткам. Для этого на предприятиях были введены специальные семипроцентные квоты для производственного обучения и трудоустройства подростков. Наряду с проведением Всероссийских недель беспризорного и больного ребенка предусматривалось создание специальных детских учреждений: приемников-распределителей (временного пребывания), детских домов, коммун и детских городков. Последние представляли собой объединение нескольких детских домов, школ, ФЗУ с обслуживающей их инфраструктурой и подсобными учреждениями. Активное участие в работе с детьми и подростками «с улицы» принимали и комсомольцы. Беспризорных активно вовлекали в школьные занятия, кружки самодеятельности, пионеротряды. Оборудовались общежития для одиноких матерей, и им оказывалась единовременная материальная помощь. Наркомпрос РСФСР узаконил на производстве бронь для подростков из детдомов.

Полную ликвидацию детской уличной беспризорности предусматривал разработанный правительством трехлетний план. В этом смысле важное значение имели постановление ВЦИК и СНК от 21 сентября 1925 г. «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой

деятельности» [16] и от 5 апреля 1926 г. «О порядке и условиях передачи воспитанников в крестьянские семьи» [17]. В марте 1926 г. правительство РСФСР приняло Положение о борьбе с беспризорностью, а в сентябре того же года был утвержден трехлетний план этой борьбы. Несмотря на занижение масштабов беспризорности, это был путь целенаправленной борьбы с социальным недугом, подкрепленный финансовым обеспечением.

Такие меры не могли не давать соответствующих результатов. Сеть приемников-распределителей, в которых оказывалась первая социальная помощь беспризорным и проводилась их подготовка к переводу в организованный коллектив (то есть в детские учреждения), составляла в 1921 г. – 175 тыс. детей, в 1926 г. – 284; в детских домах, колониях, коммунах различных типов в 1917 г. воспитывалось 30 тыс., в 1919 г. – 125 тыс., в 1921 г. – 540 тыс. детей. Многие детские дома, колонии и коммуны приобрели широкую известность постановкой воспитательной работы и добились больших успехов в воспитании беспризорных: колония имени М. Горького, коммуна имени Ф. Э. Дзержинского, Прилуцкая трудовая коммуна, Болшевская коммуна, Лопасненский институт трудового воспитания «Новая жизнь» и др. Если в 1924 г. в детских домах находилось 280 тысяч детей, то в 1926 г. – 250 тысяч, а в 1928 г. – 159 тысяч детей [18].

Однако положение с ликвидацией беспризорности в некоторых регионах, на которые пришелся самый высокий накал Гражданской войны, к началу 1920-х гг. оставалось крайне тяжелым. Характерным в этом отношении является доклад Уполномоченного по улучшению быта детей при Краснодарском облисправдоме Э. Энштейна от 21 ноября 1921 г. Здесь, в частности, указывается: «Положение детей на Кубани со дня прихода советской власти было незавидным... Гражданская война в разгаре... Помещения для детских Домов и Очагов плохие, оборудование совершенно отсутствовало, обмундирование не было, питание плохое... Дети оставлены на произвол судьбы... Комиссия по улучшению быта людей не справилась с этими трудностями, т.к. Уполномоченным назначили отв. товарища (имелся в виду предшественник Энштейна – авт.), для которого эта работа – второстепенная, а главная забота была – партийная или советская... Гражданские и партийные органы меньше всего интересовались положением детей... В августе и сентябре замечались такие явления: дети детских домов для утоления голода собирали отбросы в сорных ящиках, нищенствовали и грызлись за каждый кусок хлеба» [19]. Виновные в этих безобразиях довольно строго наказывались.

Разумеется, в советский период при освещении исторических аспектов этих вопросов такого рода факты замалчивались, хотя для современников они не были секретом, поскольку их нельзя было не наблюдать. Однако нельзя не признать и того, что по окончании гражданской войны на той же Кубани принимались меры по улучшению положения. Даже в тяжелейших экономических

условиях 1920-х гг. государство находило возможность так или иначе решать наиболее острые проблемы беспризорности, выделять для этого немалые финансовые средства. Так, в 1926 г. постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 августа было принято Постановление «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» [20]. Этим документом регулировалась, в частности, работа по передаче воспитанников детских домов в семьи трудящихся, причем за определенную плату, то есть развивался институт патроната (следует заметить, что впоследствии этот институт практически прекратил свое существование, и только в последние годы он вновь начинает применяться).

Основная задача детдомов определялась следующим образом: дать воспитанникам общее политехническое образование и практические трудовые навыки в целях подготовки их к общественно-полезной трудовой деятельности. С этой целью при детдомах России было организовано свыше тысячи мастерских, им выделено около 230 земельных участков. Так, кубанская областная комиссия на своем заседании от 26 июня 1921 г. просила облисполком выделить помещение для детского дома с целью организации культурно-просветительной работы, решить вопрос о создании коллектора для малолетних преступников [21]. Изыскивались самые разнообразные способы улучшения материально-технической базы детских учреждений. Так, комиссия по борьбе с детской беспризорностью при Кубанском окружном выступила с инициативой использовать городской сад (г. Краснода-

ра) для использования еженедельного гуляния платного для частной публики для пополнения фонда беспризорных. Такое разрешение было дано, и работники ДТК (деткомиссии) своими силами 10 августа 1924 г. организовали такое гуляние [22].

Несмотря на сложности, уже к 1928 г. численность беспризорных детей сократилась до 200 тысяч человек [23, с. 193–194]. С.И. Герасимов в этой связи указывает, что «впечатляющим примером успешного решения задач превентивного воздействия на преступность является ликвидация в результате целенаправленных мер беспризорности подростков» [24, с. 44], и с этим нельзя не согласиться. При этом наличие текущего уровня подростковой преступности (таковой всегда имеет место) не может умалять значения ликвидации беспризорности как массового крайне негативного социального явления, для чего государство приложило колоссальные усилия и потратило огромные средства. Если бы этого сделано не было, что можно было бы, пожалуй, предсказывать огромный всплеск преступности в советском обществе к концу 1920-х гг., когда огромная часть беспризорников достигла бы активного криминогенного возраста, но этого не произошло. Советская власть сумела решить эту проблему, имевшую важнейшее социально полезное значение, и жесткая заидеологизированность и политизированность совестконго государтва не стала в данном случае помехой, и, более того, способствовала мобилизации и концентрации усилий различных государственных и общественных организаций.

Литература:

1. *Радин Д.* Преступность в РСФСР. М., 1928.
2. *Дзержинская С.С.* В годы великих боев. М., 1964.
3. Постановление Чрезвычайного У1 Всероссийского съезда Советов от 6 ноября 1918 г. «Об освобождении некоторых категорий заключенных» / Под ред. И.Т. Голякова // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М. : Госюриздат, 1953.
4. Декрет СНК «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 16.
5. *Пунина-Грибоедова Е.П.* Десять лет дефектологической и педагогической работы. Л., 1928; *Грибоедов А.С.* Медико-педагогическая экспертиза и комиссии по делам о несовершеннолетних. Л., 1924 и др.
6. Постановление Народного комиссариата государственного призрения РСФСР от 26 января 1918 г. «О переходе в ведение Народного комиссариата Государственного призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении Коллегии призрения несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 7.

Literature:

1. *Radin D.* Crime in the RSFSR. M., 1928.
2. *Dzerzhinskaya S.S.* During the years of great battles. M., 1964.
3. Decree of the Extraordinary U1 All-Russian Congress of Soviets of November 6, 1918 «On the release of certain categories of prisoners» / Under the editorship of I.T. Golyakova // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952. M. : Gosyurizdat, 1953. P. 38.
4. Decree of the Council of People's Commissars «On commissions for minors» of January 14, 1918 // SU of the RSFSR. 1918. № 16.
5. *Punina-Griboedova E.P.* Ten years of defectological and pedagogical work. L., 1928; *Griboedov A.S.* Medical and pedagogical expertise and commissions on cases of minors. L., 1924 and others.
6. Decree of the People's Commissariat of State Charity of the RSFSR of January 26, 1918 «On the transfer to the jurisdiction of the People's Commissariat of State charity of all institutions for charity of minors and young children and the establishment of the College of charity of minors» // SU RSFSR. 1918. № 7.

7. СУ РСФСР. 1919. № 3.
8. Педагогическая энциклопедия. М., 1965. Т. 2.
9. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1928.
10. ЦДНИКК. Ф. 1. Кубано-Черноморский обком РКП (б). Оп. 1. Д. 173. Материалы областной комиссии по улучшению быта детей. Л. 1.
11. *Кривonosov A.N.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7.
12. *Бурлакова Т.Т.* Гуманистическая воспитательная система детского дома // Реализация философско-педагогических идей Л.Н. Толстого в педагогической практике Яснополянского детского дома. Тула, 2001.
13. Постановление Президиума ВЦИК о создании Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете по улучшению жизни детей // Декреты советской власти. М. : Политиздат, 1988. Т. 12.
14. *Хлобустов О.* Из опыта борьбы с детской беспризорностью // Человек. 1993. № 5.
15. *Герасимов С.И.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
16. Постановление ВЦИК и СНК от 21 сентября 1925 г. «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой деятельности» // СУ РСФСР. 1925. № 18.
17. Постановление ВЦИК и СНК от 5 апреля 1926 г. «О порядке и условиях передачи воспитанников в крестьянские семьи» // СУ РСФСР. 1926. № 9.
18. Большая советская энциклопедия. Третье издание. 1969–1978 гг. Т. 6. Электронная версия текста. М., 2002.
19. ЦДНИКК. Ф. 1. Кубано-Черноморский обком РКП (б). Оп. 1. Д. 173. Материалы областной комиссии по улучшению быта детей. Л. 1-1 об.
20. Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» // СЗ СССР. 1926. № 56.
21. ЦДНИКК. Ф. 1. Кубано-Черноморский обком РКП (б). Оп. 1. Д. 173. Материалы областной комиссии по улучшению быта детей. Л. 1 об.
7. SU of the RSFSR. 1919. № 3.
8. Pedagogical encyclopedia. M., 1965. Vol. 2.
9. The results of the decade of Soviet power in numbers. M., 1928. P. 897.
10. CDNIKK. F. 1. Kuban-Chernomorsky regional committee of the RCP (b). Op. 1. D. 173. Materials of the regional commission for improving the life of children. L. 1.
11. *Krivosov A.N.* Historical experience in the fight against homelessness // State and Law. 2003. № 7.
12. *Burlakova T.T.* The humanistic educational system of the orphanage // The implementation of the philosophical and pedagogical ideas of Leo Tolstoy in the pedagogical practice of the Yasno-Polyany orphanage. Tula, 2001.
13. Decree of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on the establishment of the Commission at the All-Russian Central Executive Committee to improve the lives of children // Decrees of the Soviet government. M. : Politizdat, 1988. Vol. 12.
14. *Khlobustov O.* From the experience of combating child homelessness // Man. 1993. № 5.
15. *Gerasimov SI* Conceptual foundations and scientific and practical problems of crime prevention : abstract. dis. ... dr. jur. sciences. M., 2001.
16. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of September 21, 1925 «On measures to prepare children from orphanages for work» // SU of the RSFSR. 1925. № 18.
17. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of April 5, 1926 «On the Procedure and Conditions for the Transfer of Pupils to Peasant Families» // SU of the RSFSR. 1926. № 9.
18. The Great Soviet Encyclopedia. Third edition. 1969–1978 T. 6. Electronic version of the text. M., 2002.
19. CDNIKK. F. 1. Kuban-Chernomorsky regional committee of the RCP (b). Op. 1. D. 173. Materials of the regional commission for improving the life of children. L.1-1ob.
20. Resolution of the CEC and the Council of People's Commissars of the USSR of August 13, «On measures to combat child homelessness» // SZ USSR. 1926. № 56.
21. CDNIKK. F. 1. Kuban-Chernomorsky regional committee of the RCP (b). Op. 1. D. 173. Materials of the regional commission for improving the life of children. L. 1 ob.

22. ЦДНИКК. Ф. 2816. Кубанский окружком ВКП (б). Оп. 1. Д. 78. Протоколы заседания комиссии по борьбе с детской беспризорностью. Л. 1.

23. Педагогическая энциклопедия. М., 1964. Т. 1.

24. *Герасимов С.И.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

22. CDNIKK. F. 2816. Kuban okrug of the CPSU (b). Op. 1. D. 78. Minutes of the meeting of the Commission on the fight against children. L. 1.

23. Educational Encyclopedia. M., 1964. T. 1.

24. *Gerasimov S.I.* Conceptual foundations and scientific and practical problems of crime prevention : autoref. dis. ... dr. law. Sciences. M., 2001.

Циткилов Петр Яковлевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры
социальных технологий,
Южный федеральный университет
petrcitkilov@yandex.ru

ИНСТИТУТ РОДСТВА И ОБЩИННАЯ ЖИЗНЬ КАК СУБЪЕКТЫ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ

Аннотация. Устойчивость российской классической патриархальной семьи определялась различными факторами. В их числе – влиянием на семью института родства и общинных устоев жизни. В статье на основе документального материала показано, что традиционно патриархальные семьи укрепляло тесное взаимодействие их членов с родственниками и крёстными. Аргументированно обосновано, что в обязанности воспитанников входило не только содействие приобщению крестника к церковной жизни, но и помощь ему в обыденной жизни. Проанализированы структурно-функциональные особенности расширенной крестьянской семьи, её роль в обеспечении прочности семейных и родственных связей. Также исследовано влияние крестьянской и казачьей общин на устои семейной жизни, на их упрочение. Особо обращено внимание на практику общинного попечения лиц, нуждавшихся в поддержке. При этом показано, что в конце XIX – начале XX вв. наблюдался процесс ослабления как института родства, так и общинной жизни, что снижало устойчивость российской классической патриархальной семьи, приближая её к кризису.

Ключевые слова: классическая патриархальная семья, институт родства, воспитанники, расширенная крестьянская семья, общинное попечение, устойчивость института семьи.

Классическая патриархальная семья была основным типом семьи в многовековой истории нашего государства. Её оформление и ведущее положение определились примерно в XVI–XVII веках [1, с. 30]. В последующих XVIII и XIX веках эта модель семьи получила свое развитие. Однако со второй половины XIX столетия российская классическая патриархальная семья вступила в период обострения противоречий и негативных проявлений в своём функционировании, которые в начале XX века переросли в её институциональный кризис.

Petr Ya. Citkilov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Department of Social Technologies,
Southern Federal University
petrcitkilov@yandex.ru

THE INSTITUTE OF KINSHIP AND COMMUNITY LIFE AS SUBJECTS OF STABILITY OF THE RUSSIAN CLASSICAL PATRIARCHAL FAMILY

Annotation. The stability of the Russian classical patriarchal family was determined by various factors. Among them – the influence on the family of the institute of kinship and community foundations of life. Based on documentary material, the article shows that traditionally patriarchal families strengthened the close interaction of their members with relatives and godparents. It is reasonably justified that the duties of the performers included not only the promotion of the communion of the godson in church life, but also his help in everyday life. The structural and functional features of the extended peasant family, its role in ensuring the strength of family and kinship ties are analyzed. The influence of the peasant and Cossack communities on the foundations of family life and on their consolidation is also investigated. Particular attention is paid to the practice of community care for persons in need of support. It is shown that in the late XIX – early XX centuries. there was a process of weakening of both the institution of kinship and community life, which reduced the stability of the Russian classical patriarchal family, bringing its crisis closer.

Keywords: classical patriarchal family, institution of kinship, adoptive parents, extended peasant family, community care, stability of the family institution.

Важными субъектами, обеспечивавшими устойчивость российской патриархальной семьи, были только государство и Церковь. Ими также являлись институт родства и территориальные сельские общины, в рамках которых проходила жизнедеятельность многих семей.

Традиционно патриархальные семьи укрепляло тесное взаимодействие их членов с родственниками и крёстными. Семьи, будучи преимущественно многодетными, могли рассчитывать на поддержку значительной по численности родни. При необходимости определённую помощь сво-

им крестникам оказывали и крёстные родители. Зачастую к такому «народному попечительству» привлекались и более старшие дети самих крёстных родителей.

Долг крестных отцов и матерей, являвшихся восприемниками детей от святого крещения состоял, прежде всего, в том, чтобы помочь ребёнку понять основы христианской жизни и соизмерять с ними свои намерения и поступки. Именно восприемники при крещении ребёнка произносили за него Символ веры.

Духовным стержнем христианской жизни являются библейские заповеди и откровения, мудрые мысли и советы Святых Отцов. Крестные восприемники детей, опираясь на святоотеческое наследие, призваны ввести своих подопечных в жизнь Церкви. Они несут ответственность перед Господом Богом за поведение своих крестников, за состояние их души, пробуждая у них потребность к сопереживанию, состраданию, к заботе о близких и родных. В обязанности восприемников входила и помощь крестникам в обыденной жизни. Она включала в себя в случае надобности определённую материальную поддержку, а также совет в выборе образования, профессии, будущего супруга (супруги) и др.

В крестные родители звали, как правило, хорошо знакомых людей, чаще – родственников, предпочитая молодых и холостых. Однако в реальной жизни восприемниками могли оказаться люди разных возрастов, включая дедушек и бабушек. Нередко крестными родителями младенца становились его дядя, тётя, старшие брат и сестра. В 1836 году Синод РПЦ установил нижний возрастной предел для крестных – 14 лет. Вышеотмеченные особенности выбора крёстных находят своё подтверждение в документальных материалах применительно к различным губерниям Российской империи. Например, исследовательницей О.А. Кузнецовой были выявлены архивные данные по двум семьям крупных текстильных предпринимателей из Иваново-Вознесенска – Николая и Лаврентия Гандуриных. В семье Николая при рождении детей крестными стали тётя Анна Михайловна и дядя Сергей Михайлович [2, с. 32]. В семье Лаврентия Гандурина восприемниками многочисленных детей были дед А.Н. Витов, дядя Антон Михайлович, двоюродная сестра Наталья Андреевна и сами уже выросшие дети. Так, Александр, Михаил и Елизавета стали крестными для своих младших братьев Петра, Фёдора, Лаврентия и сестры Александры [3, с. 32].

В дореволюционной России нередко у ребёнка бывал один крестный. Это в определённой мере нарушало русскую традицию, но с религиозной точки зрения было допустимо. По церковным нормам достаточно одного восприемника: крестного отца для мальчика и крестной матери для девочки. Хотя в данном отношении бывали случаи и несоответствия пола.

При совершении таинства крещения в обязанности крестного отца входила оплата материальных расходов по его проведению и последующе-

го празднества, а также забота о крестике для младенца. От крестной матери требовалось преподнести младенцу ризки – ткань, в которую его заворачивали, вынув из купели, одеяло и крестильную рубаху [4]. Однако эта традиция не всегда соблюдалась. Особенно это касалось крестных из числа небогатых крестьян, финансовые возможности которых не позволяли им брать на себя, например, все расходы по проведению крестин.

Если сегодня ребёнка обычно крестят на сороковой день или позже, то в дореволюционной деревне малыша крестили спустя несколько дней, реже – недель от рождения. Последнее обычно было связано с удаленностью деревни от расположения церкви или с другими объективными обстоятельствами. Нередко детей крестили на второй день после рождения, считая, что такая оперативность будет оберегать их от болезней и других бед.

Иногда в крестьянских семьях крещение происходило дома. В таком случае, как полагают некоторые современные авторы, считалось, что «бедные несут младенца в церковь, а те, у кого есть хоть немного денег, приглашают священника домой» [5]. Однако дело здесь было не в деньгах. Крещение на дому не получило широкого распространения, так как не одобрялось Церковью. По православным канонам крестить дома нельзя, кроме случаев серьёзной болезни ребёнка. Ведь только в храме происходит воцерковление. Мальчика священник с молитвой заносит в алтарь, а девочку подносит к Царским вратам.

В традиции Российской империи было царское крещение, когда представители императорской семьи выступали в роли восприемников детей своих слуг и ближайшего окружения. Крестников царская семья фактически принимала на свое содержание. Таким детям оплачивалось обучение за счет императорской фамилии и обеспечивались более благоприятные условия жизненного устройства. Иногда члены императорской фамилии крестили целые семьи. Например, Александр III был крестным отцом старшего сына официанта Дмитрия Пруссакова, его дочь крестила императрица Мария Федоровна, а младшего сына – великий князь Михаил Александрович. Все трое детей лакея I разряда Егора Комарова также были крещены императорской четой. На 1900 год по спискам Министерства двора на учете состояли 21 крестник и крестница высочайших особ, в основном дети служащих при дворце [6].

Семейные связи в Российской империи не ограничивались нуклеарным ядром семьи, охватывая и ближайшую родню. *Малые крестьянские семьи поддерживали тесные связи со своими родственниками.* Многие важные семейные решения принимались тогда на общем собрании (совете) родственников. К их числу можно отнести: строительство дома, проведение свадьбы, возможный раздел имущества и др.

Расширенную патриархальную семью отличал коллективизм и взаимодополняемость внутри-семейных структур. Совместное проживание членов большого семейства придавало ему большую устойчивость, а значит, безопасность и стабильность. Как и в прежней семье-общине (задруге), в расширенной крестьянской семье XVIII–XIX вв. руководящая роль принадлежала её главе – большаку [7, с. 75]. Обычно с вечера он распределял среди членов семьи основные виды работ на следующий день. При этом он исходил из уже сложившихся традиций распределения хозяйственных дел в семье, учитывая пол и возраст её членов.

Известный российский специалист по проблемам истории русской дореволюционной семьи М.М. Громыко на примере Вельского уезда Вологодской губернии показал, как осуществлялось распределение обязанностей в расширенной семье. Во время посева старший сын или сыновья пахали, отец сеял, подростки боронили. За мужние женщины в это время сажали овощи, а девицы ткали. После окончания сева яровых и до начала сенокоса мужчины готовили поля под озимые культуры, а женщины и девушки ходили в лес за берестой – заготавливали на продажу [8]. Деньги, вырученные от продажи, девицы могли потратить себе на обновки, а женщины обычно их направляли на общесемейные нужды.

Перманентной женской заботой в крестьянской семье были уход за домашним скотом, пряжа, приготовление пищи. Мужчины же в зимнее время обеспечивали семью дровами, заготавливали смолу, ремонтировали сани, телеги, сбрую, плели корзины, ходили на охоту. Активными помощниками взрослых мужчин и женщин в таком семействе были дети и подростки.

В крестьянской расширенной семье женщины поочередно бывали «денщицами», то есть выполняли основные работы по дому (растопка печи, приготовление пищи, мытьё посуды, кормление и уход за мелкой живностью и крупным скотом, включая дойку коров). Интересно, что в Воронежской губернии в середине XIX века снохам, пришедшим в семью, свекровь предоставляла на год, а то и на два льготы: освобождение от обязанностей «денщицы». Она сама «отправляла за них день» [8]. Следовательно, русский семейный быт не знал жёстких формальных схем. И это было проявлением внутренней свободы нашего народа, воспитывавшегося веками на традициях православной соборности, которой были чужды властность, папизм, чрезмерная регламентация

Прочность семейных, родственных связей являлась отличительной чертой российской классической патриархальной семьи в сравнении, например, с семейными устоями стран Западной Европы. Основоположник отечественной научной педагогики К.Д. Ушинский писал, что ни у французов, где «семейные связи рвутся так легко», ни у любящих детей немцев, ни у семейственных и деятельных англичан «нет той безыскусственности, той глубины и сердечности отношений, которые существуют между мужем и

женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и даже ближайшими родственниками во всякой сколько-нибудь порядочной славянской семье». По его мнению, в западноевропейских семьях можно наблюдать «что-то неуловимо холодное, сдержанное, невысказывающееся в этих условно приличных отношениях, разумно рассчитанных, пожалуй, весьма полезных, но неприятных для патриархального сердца славянина» [9]. Хотя на Западе каждый член семейства пользовался тогда большей самостоятельностью, чем у нас. Да и взаимные семейные права, обязанности у них были определены конкретнее, яснее. Но, как писал Ушинский, именно, «может быть, потому в их отношениях было больше холода, больше рассчитанности в словах и поступках» [9]. Поэтому не случайно, что и сегодня русскому сердцу (не в узко этническом понимании этого слова) претят современные тенденции чрезмерной формализации различных сторон жизни. Ведь они отрывают много времени у наших сограждан и от настоящего дела, и от семьи.

Территориальные общины, прежде всего, крестьянские и казацкие в течение многих веков выполняли некоторые регулирующие функции в сфере семейно-брачных отношений, осуществляли попечение лиц, нуждающихся в поддержке. Сельский староста в XIX веке иногда даже осуществлял распорядительные полномочия в вопросах супружеского выбора. Эта особенность, являвшаяся пережитком архаической семьи-общины, была подмечена А.С. Пушкиным в одном из произведений. «Спрашивали однажды у старой крестьянки, – писал Александр Сергеевич, – по страсти ли она вышла замуж? «По страсти, – отвечала старуха, – я было заурячилась, да староста грозился меня высечь». Таковы страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло» [10, с. 347].

Крестьянская община в России имела существенные рычаги воздействия на семью. Во многом это было связано с общинной формой землевладения, в рамках которой обычно осуществлялся единый севооборот, существовала чересполосица, возникавшая в результате очередных земельных переделов. Сообща в рамках всей общины крестьянские семьи уплачивали налоги, выполняли разные повинности, имели определённые обязанности (ремонт дороги, строительство школьной избы, богадельни и др.).

Сельская община могла и «вразумить» главу семейства, который проявлял деспотизм в отношении своих домочадцев. Как справедливо отмечает исследователь проблем дореволюционной российской семьи Б.Н. Миронов, община могла в любой момент вмешаться в дела расширенной патриархальной семьи, если они принимали оборот опасный для благополучия, порядка и покоя общины. Например, община вправе была настоять на смене главы семьи (большака), «если он начал пьянствовать, проматывая имущество», или «помешать семейному разделу, если он вёл к уклонению от рекрутства», а также «не признавать завещания, если

оно несправедливо разделяло имущество между наследниками» [11, с. 693] и др.

О наличии опеки со стороны сельской общины над крестьянской семьёй писали и некоторые зарубежные учёные, исследовавшие патриархальную российскую семью. Так, французский автор Шанталь Курильски-Ожвэн сообщал, что патриархальная модель семейных отношений имеет свой предел внутри деревенского сообщества – это тот контроль, который сообщество может осуществлять над действиями главы семьи [12, с. 158].

Крестьянский мир и казачий станичный сход (круг) ведали вопросами социальной помощи односельчанам и станичникам. Система общинного попечительства включала в себя меры покровительства вдовам, престарелым, немощным, сиротам.

Крестьянская община учреждала опеку над малолетними детьми, отцы которых находились на военной службе, а матери по какой-либо причине не могли вести хозяйство. Опека устанавливалась общиной и над детьми родителей, ведших аморальный образ жизни. Также община заботилась и о детях односельчан, высланных по суду в Сибирь.

Казачья община не только назначала опекунов, но и контролировала их действия. Она круговой порукой отвечала за сохранность имущества опекаемых ею лиц [13, с.48]. Ущемление интересов детей, подростков, лишённых родительского попечения, было в казачьей среде редким явлением. А вот среди крестьянства, которое жило беднее, таких случаев было намного больше.

Система мер участия крестьянских и казачьих обществ в судьбе бедствующих односельчан и станичников включала в себя: безвозмездную помощь погорельцам; выдачу вдовам и обедневшим семьям хлеба, предоставление им денежных ссуд из общественных сумм и др. При особой необходимости крестьянские и станичные общины выдавали отдельным лицам и семьям, испытывающим нужду, денежные пособия.

Престарелые одинокие и убогие сельские жители призывались крестьянской общиной путём передачи их на поочередное (суточное, недельное, месячное и др.) содержание односельчанам. Менее распространённой формой подобной общинной заботы была передача одинокого и немощного односельчанина на постоянное содержание одной из семей. Та крестьянская семья, которая решалась принять в свой дом такого односельчанина, получала от общины льготы и преимущества: освобождение от всех или части повинностей; наделение дополнительным наделом из общинных земель; передача в пользование надела земли опекаемого и др.

В селениях Хоперского округа Области войска Донского бедные и немощные односельчане не только поочередно кормились в крестьянских семьях, но и могли рассчитывать на пособие от

сельского мира. Обычно это было единовременное денежное или хлебное пособие. В отдельных же случаях, крестьянин и его семья, испытывавшие нужду, получали право на получение от общины ежемесячного пособия.

В 1899 году в посёлках Александро-Васильевском и Александро-Докушинском Хоперского округа призываемые крестьяне содержались каждым двором по очереди, а в слободах Мачушанской и Кутевской такие люди получали единовременное денежное и хлебное пособия. Размер единовременного денежного пособия каждому из призываемых колебался от 55 до 96 руб. Кроме того, они получали ещё и хлеб. В слободе Кутевской размер разового хлебного пособия составлял 102 пуда [14].

Система помесечных денежных пособий действовала в поселении Екатерино-Мелиховском того же Хоперского округа. Размер его составлял 72 руб. [14]. Это было значительно выше, чем во многих губерниях России. Так, в Астраханской губернии были сёла, в которых размер такого пособия не превышал 5 руб. в месяц, в Саратовской губернии – 2 руб. в месяц, в Пензенской – 1,5 рубля в месяц, в Калужской – 1 руб. в месяц [15, с.16–17].

Большой размер пособия, учреждённого крестьянской общиной Екатерино-Мелиховского поселения для бедствующего односельчанина, определялся следующими факторами. Во-первых, крестьяне на Дону, особенно коренные, жили побогаче, чем в целом ряде других регионов страны. Следовательно, и местные крестьянские общества располагали большими возможностями помощи своим односельчанам. Во-вторых, количество бедствующих крестьян в деревнях Области войска Донского было меньше. Поэтому не нужно было сумму, выделенную общиной на такие денежные пособия, уменьшать на большое число просителей, которых здесь не было. Если в Пензенской, Калужской и в некоторых других губерниях России общины вынуждены были оказывать соответствующую помощь десяткам односельчан, то в Екатерино-Мелиховском посёлке лишь одному.

Крестьянская и казачья общины для помощи неполным семьям, в которых обычно вдовы воспитывали детей, активно использовали *общественные хлебные магазины*. Это подтверждают архивные документы. В одном из них сообщалось, что из такого магазина в июне 1910 года вдове казака Раздорской станицы Области войска Донского Марии Романовской, «ввиду бедственного её положения, была выдана одна четверть два четверика¹ ржи в безвозвратное пособие на продовольствие» [16]. Выданное количе-

¹ Четверть и четверик – русские единицы измерения объёма сыпучих тел, активно использовавшиеся до 1917 года. Четверть равнялась 209,9 л., а четверик – 26,24 л. То есть одна четверть и два четверика равнялось 262,38 л. См.: Четверть (единица объёма). URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Четверть_\(единица_объёма\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Четверть_(единица_объёма)). 13.12.2018.

ство хлеба обычно пополнялось станичным обществом из нового урожая.

Анализируя значимость общинной помощи бедствующим крестьянам и бедным семьям, не следует её и переоценивать. Ведь большинство крестьянских общин Российской империи располагали крайне малыми средствами, а значит, и небольшими возможностями помощи семьям, нуждавшимся в поддержке. Основная масса немущих крестьян кормилась милостыней. Известный российский специалист по проблемам общественного призрения С.В. Сперанский, живший в конце XIX – начале XX вв., справедливо отмечал, что самым обыкновенным являлся тот порядок вещей, когда сельские общества, не имея возможности заботиться о своих немущих, «оставляли им единственный шанс выжить – ходить по миру и питаться Христовым именем» [17, с. 26–27].

О широком распространении практики хождения нищих и бедствующих по российским деревням писали многие очевидцы. Одним из них был А.О. Недоходовский, который в 1870–1880-е годы ездил по различным деревням России, собирая статистические сведения об экономическом положении крестьянского населения. Позже он напишет, что в наших сёлах милостыню подают не только многосемейные хозяйства, состоящие из земельных наделов на 3–5 душ, но и малосемейные, имеющие земельный надел лишь на одну душу. Обычно такая милостыня состояла из чёрного хлеба, пирогов, блинов, а осенью и из конопли, гороха, мяса. Весной и летом люди, просящие милостыню, могли в крестьянских семьях получить ещё и яиц, холста, поношенного платья, обуви, белья. По словам Недоходовского, десятки ежедневно по вечерам разводили «толпы нищих по очередным квартирам» [18, с. 177]. Следовательно, крестьяне, сами порой недоедая, делились с теми, кто был ещё в большей нужде, чем они. Определённую уверенность в поддержании минимально необходимых условий для жизни и существования их семей придавал им общинный строй.

Хотя в хозяйственно-правовой сфере российские крестьяне в течение нескольких веков были закрепощены, но внутренне они сохраняли свой свободолобный дух и высокое достоинство. Это позволило им, несмотря на страдания, вы-

званные социальным бесправием и экономическими притеснениями, оставаться самими собой.

Крестьянский дух свободолобия во многом подпитывался *общинным укладом их жизни*. Российский крестьянин, опираясь на территориальную общину, на силу характера, свою насмешливую невозмутимость, а также на не всегда открытое, но почти перманентное сопротивление помещикам и многочисленным чиновникам, сохранял себя и как личность, и как важнейшего производителя материальных благ страны. «Он, – писал в середине XIX века о крестьянине А.И. Герцен, – низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на своё положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой» [19, с. 513].

Таким образом, к началу XX века по мере вызревания кризиса русского религиозного сознания ослабевали семейные устои. Обрядовая сторона церковной жизни всё чаще стала подменять духовную жизнь, что искажало предназначение восприимчивых, формализуя их функции. Родственные связи ослабевали и по мере нуклеаризации российской семьи и естественного уменьшения численности расширенных семейных структур. Прочность родственных связей снижал и процесс урбанизации, массовое отходничество крестьян в города, на крупные стройки.

Теряла свои прежние позиции и сельская община, которая традиционно выполняла функции сбережения устойчивости не только крестьянских семей, так и российской государственности в целом. Царская власть с формальной точки зрения, руководствуясь благом стремлением к повышению производительности труда на селе и подъёму уровня потребления сельских семей, предприняла с 1906 года попытку ускоренного разрушения общины и массового создания единоличных хозяйств. Большинство же русских крестьян продолжали держаться за общину и не хотели менять общинно-коллективный труд на хуторское ведение хозяйства. Однако процесс разрушения общины был запущен. Она теперь всё меньше могла выполнять свою традиционную роль поддержки семьи. Вышеперечисленные обстоятельства, наряду с другими факторами усугубили кризисные тенденции в патриархальной модели семьи, ослабляя её институциональную устойчивость.

Литература:

1. Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ : автор. дис. ... докт. социол. наук. М. : Рос. гос. соц. ун-т, 2005. 47 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1096. Л. 16; Кузнецова О.А. Семья в жизни делового человека: традиции, брак, дети (на материалах губерний Верхней Волги середины XIX начала XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Выпуск № 92. 30–38 с.

Literature:

1. Noskova A. V. Social changes in the institution of the family in pre-industrial Russia: historical and sociological analysis : author. dis ... doct. social sciences. M. : ROS. state social Univ., 2005. 47 p.
2. The Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1343. Op. 40. D. 1096. L. 16; Kuznetsova O.A. Family in the life of a business person: traditions, marriage, children (based on materials of the Upper Volga provinces of the middle of the XIX beginning of the XX century) // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2009. Issue № 92. 30–38 p.

3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1095. Л. 17–19; Кузнецова О.А. Семья в жизни делового человека: традиции, брак, дети (на материалах губерний Верхней Волги середины XIX начала XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Выпуск № 92. 30–38 с.
4. Зверев Ярослав. Нескучный сад. Крестные родители. Немного истории, 1 октября 2016 год / Зверев Ярослав, Бузынкина Вероника. URL : <http://pokrov-kld.ru/2016/10/01/krestnye-roditeli-nemnogo-istorii/> – 25.09.2019.
5. Плетнёва Александра. Как рожали, кормили, купали и пеленали младенцев в дореволюционной России. Лекция, 2 марта 2016 год. URL : <https://www.pravmir.ru/mladenchestvo-video-1/> – 24.09.2019.
6. Зимин И.В. Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта : в 2-х т. / И.В. Зимин, С.В. Девятков. М. : Кучково поле, 2014. Т. 2. 595 с. URL: <https://info.wikireading.ru/49303> – 22.09.2019.
7. Циткилов П.Я. Российская семья от древних истоков к имперской модернизации: историко-социологический облик : монография / П.Я. Циткилов; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. 196 с.
8. Громыко М.М. Мир русской деревни. М. : Молодая гвардия, 1991. 269 с. URL : <https://www.booksite.ru/localtxt/gro/myko/index.htm> – 15.12.2018.
9. Ушинский К.Д. О воспитании в русской семье. Статьи. Воспитание человека. Избранное. URL : https://kartaslov.ru/книги/Ушинский_К_Д_Егоров_С_Ф_Воспитание_человека_Избранное/3 – 22.12.2018.
10. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собр. соч. : в 10-ти томах. М. : Художественная литература, 1976. Т.6. 398 с.
11. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
12. Курильски-Ожвэн Ш. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. 1995. № 5. 155–168 с.
13. Ивченко И.В. Исторический опыт казачьей общины и современность / И.В. Ивченко, В.Н. Ратушняк // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции (сент. 1995). Ростов н/Д. : НМЦ «Логос», 1995. 196 с.
14. О доставлении сведений о призрении бедных и сирот в крестьянских обществах. Распоряже-
3. RGIA. F. 1343. Op. 40. D. 1095. L. 17-19; Kuznetsova O.A. Family in the life of a business person: traditions, marriage, children (based on materials of the Upper Volga provinces of the middle of the XIX beginning of the XX century) // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2009. Issue № 92. 30–38 p.
4. Zverev Yaroslav. Boring Garden. God-parents. A bit of history, October 1, 2016 / Zverev Yaroslav, Buzynkina Veronika. URL : <http://pokrov-kld.ru/2016/10/01/krestnye-roditeli-nemnogo-istorii/> – 25.09.2019.
5. Pletnev Alexander. How they gave birth, fed, bathed and swaddled babies in pre-revolutionary Russia. Lecture, March 2, 2016. URL : <https://www.pravmir.ru/mladenchestvo-video-1/> – 24.09.2019.
6. Zimin I.V. The court of Russian emperors. Encyclopedia of life and life. In 2 vol. / I.V. Zimin, S.V. Devyatov. M. : Kuchkovo Field, 2014. Vol. 2. 595 p. URL : <https://info.wikireading.ru/49303> – 22.09.2019.
7. Citkilov P.Ya. The Russian family from ancient sources to imperial modernization: historical and sociological appearance: monograph / P.Ya. Citkilov; South Federal University. Rostov-on/D.; Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University, 2018. 196 p.
8. Gromyko M.M. The world of the Russian countryside. M. : Young Guard, 1991. 269 p. URL : <https://www.booksite.ru/localtxt/gro/myko/index.htm> – 15.12.2018.
9. Ushinsky K.D. On education in the Russian family. Articles. Parenting a person. Favorites. URL : https://kartaslov.ru/books/Ushinsky_K_D_Egorov_S_F_Human_Education_Favorite/3 – 22.12.2018.
10. Pushkin A.S. Travel from Moscow to Petersburg // Sobr. Op. : In 10 vol. M. : Fiction, 1976. Vol. 6. 398 p.
11. Mironov B.N. Russian Empire: from tradition to modernity : in 3 vol. SPb. : DmitryBulanin, 2014. Vol. 1. 889 p.
12. Kurilsky-Ozhven Sh. Russian cultural model and evolution of the normative regulation of the family // Social Sciences and the Present. 1995. № 5. 155–168 p.
13. Ivchenko I.V. The historical experience of the Cossack community and modernity / I.V. Ivchenko, V.N. Ratushnyak // Revival of the Cossacks (history, modernity, prospects). Abstracts of reports, communications, speeches at the V International (All-Russian) Scientific Conference (Sept. 1995). Rostov-on/D/ : NMC Logos, 1995. 196 p.
14. On the delivery of information about the charity of the poor and orphans in peasant societies.

ние Областного войска Донского по крестьянским делам присутствия. № 1967 от 1899 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 213. Оп. 1. Д. 6549. Л. 4.

15. *Дерюжинский В.Ф.* Общественное призрение у крестьян. СПб. : Гос. тип., 1899. 21 с.

16. О выдаче из станичных запасных магазинов хлеба на продовольствие нуждающимся казакам Усть-Медведицкого округа, 01.06.1910 г. // ГАРО. Ф. 52. Оп. 4. Д. 110. Л. 10.

17. *Сперанский С.В.* О проекте реформы общественного призрения в России // Трудовая помощь. Журнал Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. 1898. № 7. 26–44 с.

18. *Недоходовский А.О.* К характеристике сельского нищенства в Калужской губернии // Трудовая помощь. Журнал Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. 1898. № 8. 170–183 с.

19. *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России. Сочинение в девяти томах. М. : Гос. издат. худ. литературы, 1956. Т. 3. 643 с.

The order of the Regional Don army on peasant affairs of presence. № 1967 of 1899 // State Archive of the Rostov Region (GARO). F. 213. Op. 1. D. 6549. L. 4.

15. *Deryuzhinsky V.F.* Public charity among the peasants. SPb. : State. typ., 1899. 21 p.

16. About the issue of bread from the stanitsa spare stores for food to the needy Cossacks of the Ust-Medveditsky district, 06/01/1910 // GARO. F. 52. Op. 4. D. 110. L. 10.

17. *Speransky S.V.* On the draft reform of public charity in Russia // Labor assistance. The Guardianship Magazine on hard-working houses and work houses. 1898. № 7. 26–44 p.

18. *Nedokhodovsky A.O.* To the characteristic of rural poverty in Kaluga province // Labor assistance. The Guardianship Magazine on hard-working houses and work houses. 1898. № 8. 170–183 p.

19. *Herzen A.I.* On the development of revolutionary ideas in Russia. Composition in nine volumes. M. : State. published thin literature, 1956. T. 3. 643 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Волкова Полина Станиславовна

доктор культурологии,
доктор философских наук,
профессор,
член Союза композиторов РФ,
профессор кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет
polina7-7@yandex.ru

Polina S. Volkova

Doctor of Cultural Science,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Member of the Union of Composers
of the Russian Federation,
Professor of the Department
Sociology and Cultural studies,
Cuban State Agrarian University
polina7-7@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК И ТЕКСТ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ

Аннотация. В центре статьи – попытка выявить общие основания в художественном творчестве и в жизнедеятельности человека, обусловленные их двойственной природой. В рамках последней искомое в случае с произведением искусства единство «данного» и «созданного» в отношении человека трансформируется в диалог сознаний как диалог вербального (рационального) и невербального (иррационального). Аргументация правомерности предпринятого исследования выстраивается в опоре на иерархию духа, представленную в работах И.А. Ильина, с привлечением сведений из таких областей гуманитарной науки, как искусствоведение, психолингвистика, философия языка и др.

Ключевые слова: дух, свобода, любовь, предметность, текст, диалог, вербальное, невербальное, индивидуальная информационная система.

Согласно позиции отечественного философа И.А. Ильина, дух определяется наличием трех составляющих: свободы, любви и предметности [4]. Примечательно, что обозначенная иерархия с неизменной полнотой опознается на уровне искусства, представленного самыми разными художественными произведениями. Выступая в качестве текста культуры как связанной воспроизводимой последовательности знаков, выражающих некоторое содержание и обладающей смыслом, доступным пониманию [2], каждое конкретное произведение обладает аналогично человеку, о текстовой сути которого весьма пронизательно писал В.В. Налимов [6], двойственной природой. Суть двойственности определяется тем, что, в одном случае, мы имеем дело с материей как *данным*, во втором, – с тем, что не является материей, но, что, однако, рождается исключительно в лоне материальности, т.е. *созданным*. С учетом текстовой направленности искусства и человека *данное* определяется неизменным набором информации, зафиксированной на уровне знаков языка, *создан-*

HUMAN AND TEXT: ON ISOMORPHISM ISSUE

Annotation. In the center of the article – an attempt to identify common grounds in artistic creativity and human life, due to their dual nature. In the framework of the latter, in the case of a work of art, the unity of the «given» and «created» in relation to a person is transformed into a dialogue of consciousnesses as a dialogue of verbal (rational) and non-verbal (irrational). The argument of the legitimacy of the undertaken research is built in the support of the hierarchy of the spirit presented in the works of I.A. Ilyin, with the involvement of information from such areas of the humanities as art history, psycholinguistics, language philosophy, etc.

Keywords: spirit, freedom, love, objectivity, text, dialogue, verbal, non-verbal, individual information system.

ное – качеством актуализируемой в процессе речевого взаимодействия связи этой информации с другими текстами.

В отношении музыкального искусства аргументацией представленной точки зрения может служить монографическое исследование В.В. Медушевского, который различает в художественном произведении систему музыкальных грамматик и собственно интонационную форму [5]. Точно так же в словесном творчестве ученые обнаруживают наличие организованного материала и того, что выводит словесное произведение за границы материальности [1]. В свою очередь, в изобразительном искусстве наряду с атрибуцией, в рамках которой художественное произведение квалифицируется с позиции мертвой, безгласой вещи, существует и интерпретация. Являя собой проекцию индивидуального образа на систему общих мест [3], интерпретация вдыхает в картину жизнь, делая слышимым голос ее создателя.

Что же касается человека, то его двойственная природа опознается на биологическом уровне (данное) и на уровне социальном (созданное). Причем, как в отношении произведения искусства его материальная сторона несет в себе лишь предпосылку идеального, так и в отношении человека биологический уровень предстает стартовой площадкой, в которой социальное содержится исключительно потенциально. Для того, чтобы выяснить, каким образом это происходит, важно отдавать себе отчет в том, что каждый из нас является носителем индивидуальной информационной системы, основанной на взаимодействии невербальных (неязыковых) и вербальных (языковых) элементов. По сути, обозначенная система представляет собой природный механизм по переработке и хранению поступающей извне информации. При этом собственно язык, функционирующий на уровне вербальных элементов системы, возникает в услужение неязыковых (невербальных) элементов, которые и фактически и логически предшествуют возникновению языка. Другими словами, перевод невербальных элементов в вербальные обусловлен необходимостью кодирования неязыкового опыта и манипулирования этим опытом через манипулирование вербальными символами.

Поскольку речь идет об исключительно природном, автоматически запущенном, целостном процессе, индивид оказывается во власти языка даже тогда, когда, казалось бы, по своему усмотрению выбирает из имеющегося набора значений те, которые отвечают его намерениям. Отмеченная практика обусловлена следующим моментом.

Как правило, язык фиксирует исключительно такой неязыковой опыт, который призван обеспечить максимальную адаптацию организма к окружающей его среде. Потому все многообразие языка, которое индивид познает по мере своего становления, служит только одному: удовлетворению потребностей биологического организма. В итоге, реализуя, на первый взгляд, свои собственные цели, в действительности индивид следует исключительно биологической программе, оказываясь зависимым от потребностей, инициируемых его природной данностью, т.е. тем, что существует прежде индивида, помимо его самого. Неизбежное при этом нарушение равновесия, инициируемое единством невербального и вербального или иначе – иррационального (континуального) и рационального (дискретного) оборачивается инверсией низа и верха.

Путь освобождения от природных оков будет противоположным заданному природной необходимостью направлению, отказываясь от которого индивид обретает шанс вырваться за границы безраздельно владеющими им рефлексам, в том числе языковым рефлексом – достижением не только человека, но и всего животного мира. Имеется в виду отказ от предопределенности природы в попытке обрести самостоятельность, став, таким образом, хозяином самого себя, своей природной данности. Тогда процесс переработки и накопления информации, осуще-

ствляемый в рамках индивидуальной концептуальной системы, должно запускать не с кодирования невербальных элементов последними вербальными, а с декодирования последних первыми, что отвечает опыту рефлексии. В противоположность бессознательности обусловленных природой рефлексов, опыт рефлексии демонстрирует осознанный возврат к инициирующему становление индивидуальной информационной системы неязыковым элементам с их последующим кодированием. Очевидно, что в этом случае индивид уходит от диктата природной программы, поскольку следующее за декодированием языковых элементов системы кодирование неязыкового опыта осуществляется не вообще, как того требует безличный природный закон, а сообразно конкретной ситуации.

В данном контексте индивидуальное Я предстает не столько анонимным носителем языка, сколько творцом своей речевой собственности, принципиальное отличие которой от языка животных заключается в следующем. Посредством речи самые разные люди способны согласовывать возникающие между ними противоречия. Другими словами, именно речь обеспечивает возможность преодолеть существующие между людьми разногласия без привлечения силы, в чем бы она не выражалась.

Поскольку попытка согласовать противоречия противостоит эгоистичному намерению получения собственной выгоды любым способом, понятно, что подобный опыт основан на бескорыстном стремлении совместными усилиями прийти к одинаково приемлемому для всех результату. Налицо гармонизирующий диалог, в котором равенство сторон обусловлено тем, что, выслушав речь полностью, слушающий становится говорящим, размышляя на ту же тему и выстраивая ее по тем же смысловым правилам, которые положили начало речевому взаимодействию. Так абстрактный язык, одинаково пригодный для самых разных ситуаций на уровне данного, готового к употреблению без каких-либо усилий со стороны индивида продукта, уступает место речи, которая в каждой конкретной ситуации заново создается своим владельцем с целью устранить непрерывно возникающие между людьми противоречия одним единственным способом: возможностью договориться исключительно по-человечески, признавая за каждым право на истину, тем более, что в отличие от правды, которая у каждого своя, истина фиксирует то, что есть само по себе, помимо нашего желания.

Аналогичным образом, приступая к творчеству, художник преодолевает абстрактность языка, посредством которого существует то или иное искусство с тем, чтобы создать на его основе конкретное, отмеченное авторской субъективностью, художественное произведение, затрагивающее одинаково важную для всех проблему. Если при этом мы квалифицируем такое высказывание творца, как вполне законченную вещь, мы имеем дело с монологом, изначально рассчитанным на беспрекословное подчинение воли говорящего, что не может не вызвать протест со

стороны читателя, зрителя или слушателя. Напротив, если произведение искусства предстает как одна из возможных точек зрения, за которой скрывается не столько ответ, снимающий существующую проблему, сколько новый вопрос, обеспечивающий отличный от прежнего взгляд на проблемную ситуацию, мы с неизбежностью включаемся в диалог, движимые желанием разобраться в том, какую позицию мы готовы разделить, продемонстрировав свой вариант решения.

Для аргументации представленной позиции, попытаемся предположить, что упомянутая отечественным мыслителем свобода есть не что иное, как осознанная необходимость выйти за границы материальности, являющей собой часть стирающего всякие границы целого. С точки зрения искусства речь идет о преодолении хаотично разбросанных, отделенных друг от друга в пространстве и во времени, бесконечно многообразных значений в некое смысловое единство, воплощенное в конкретном художественном произведении – тексте культуры. Имеется в виду свобода от сковывающих мысль мастера прокрустовым ложем норм и правил, следование которым – удел не творца, но ремесленника. Точно так же и в отношении человека искомая свобода определяется отказом следовать обусловленным нашей биологической природой эгоистическим интересам, которые с неизбежностью ограничивают нашу жизнь, подчиняя себе все наши помыслы и стремления.

Здесь характерное для искусства преодоление хаотично разбросанных, отделенных друг от друга в пространстве и во времени, бесконечно многообразных значений в некое смысловое единство есть осознание недопустимости делить окружающий нас мир, в том числе, мир людей, на свое (своих) и чужое (чужих), на прошлое, настоящее, будущее и т.п., поскольку подлинное Я обретает себя не в себе самом, а в том, что этим Я не является, независимо от того, к какому времени или пространству такое не-Я принадлежит. Другими словами, осознание того, что целое имеет неоспоримое преимущество перед частью невозможно до тех пор, пока часть будет пребывать в самоизоляции, игнорируя возможность стать частью целого.

Важно заметить, что, говоря об искусстве, мы не имеем в виду конкретного создателя – писателя, художника или композитора. Дело в том, что выступающий в качестве человека искусства творец нередко становится заложником своего дара, который целиком поглощает все жизненное пространство мастера с той лишь оговоркой, что здесь социальный эгоизм, опознаваемый в страстном желании быть услышанным со стороны большинства, берет верх над эгоизмом природным, вследствие чего многие творческие люди живут в полном пренебрежении к инстинкту самосохранения.

Однако, если по отношению к человеку искусства в случае, когда творческие амбиции, талант и т.п. обуславливают рождение подлинного шедевра, обретающего статус общечеловеческой

ценности, мы склонны оправдывать творца даже тогда, когда его протекающая вне творчества жизнь весьма далека от идеала (ср.: «что позволено Юпитеру, то не позволено быку»), то у не способного освободиться от гнета природы индивида нет оправдания, разве что его опыт может послужить кому-то уроком.

Акцентируя внимание на втором члене иерархии, о которой упоминает И.А. Ильин, заметим, что собственно любовь, исключает какое бы то ни было проявление равнодушия как в отношении к личности, так и в отношении всего остального. Дело в том, что, будучи знаком безлюбости, равнодушия, а также идущее с ним рука об руку безразличие, отмеченное отсутствием интереса, лишено всякой корысти, порождают пренебрежение другим, независимо от того, что или кто выступает в качестве этого Другого. В итоге, отсутствие установки на бережное отношение ко всему, что меня окружает, задает особый характер взаимодействию такого Я со всем, что этим Я не является. Речь идет о всевозможных манипуляциях, которые оказываются допустимы в случае, когда эгоистичное Я ставит себя выше кого бы то ни было. Напротив, любовное отношение к миру предполагает участное принятие всего, что этот мир в себя вбирает. Соответственно на смену господствующей позиции, которую занимает эгоистичное Я, приходит позиция равноценности меня и Другого, причем, равенство сторон в данном случае не стирает их обусловленное дружостью различие, поскольку речь идет о равных возможностях для признания их ценности друг для друга.

Поскольку со всей полнотой искомые ценности проявляются исключительно в диалоге, именно диалог выводит нас на третий член иерархии, который, согласно И.А. Ильину, определяется предметностью. Думается, в контексте разрабатываемой нами проблематики можно говорить о предмете речи или общей теме, которая служит связующим звеном между Я и Другим. Причем, с учетом любви, которая предшествует предметности, очевидно, что объединяющая Я и всех Других тема не может получать развитие в опоре на сугубо локальный, «шкурный» интерес, преследующий достижение конкретной выгоды для отдельного Я, вследствие чего знаком исчерпанности темы может быть только выход на одинаково положительный для всех результат. Последний опознается в ситуации, когда созидание доминирует над разрушением, польза – над вредом, добро – над злом и т.п.

В итоге, главная цель каждой личности – максимально реализовать себя, причем, не столько по отношению к себе самому, что с неизбежностью расставляет иные акценты в обозначенной И.А. Ильиным иерархии – быть свободным не от себя самого, т.е. своего природного эгоизма, а от всех других, любить не другого, а свое Я, за каждой темой скрывая потребность исключительно к собственной выгоде, – сколько, по отношению ко всем остальным. Подобным образом и искусство обретает свою подлинную ценность не в себе самом, а в диалоге с читателем, зрителем или слушателем, когда художествен-

ный текст предстает полем методологических операций, посредством которых каждый из них обретает возможность вхождения в пространство духа, где происходит подлинная встреча с самим собой как с Другим.

Принимая во внимание тот факт, согласно которому первая, сугубо материальная, природа человека и искусства есть только своего рода стартовая площадка для выхода на природу нематериальную, являющую собой триединство свободы, любви и предметности, необходимо разобраться в том, каким образом происходит ее актуализация. С этой целью, обратимся к категории «эмотивность», разрабатываемой волгоградской научной школой, исследовательская оптика которой сосредоточена на эмотивных сигналах текста [7]. Напомним, что наряду с актуальными эмотивами, к которым относятся эмотивное значение, открыто демонстрирующее эмоцию говорящего (напр.: *подлец, хам, милашка, красавчик* и т.п.) и эмотивная коннотация, в которой эмоции говорящего опознаются не прямо, а косвенно, на уровне созначения (напр.: *котик, птичка, осел, корова* и т.п.), существуют так называемые виртуальные эмотивы. Имеется в виду эмотивный потенциал слова, знание о котором позволяет признать неоспоримость следующего факта. Всякий языковой знак, в котором, на первый взгляд, отсутствует прямо или косвенно выраженная эмоция говорящего, в действительности, содержит в себе таковую на уровне потенциала. Причем, неявный характер виртуальных эмотивов ставит актуальные эмотивы в особое положение, поскольку, именно эмотивное значение и эмотивная коннотация создают определенный контекст, на фоне которого эмотивный потенциал может быть реализован либо под знаком плюс (положительная эмоция), либо под знаком минус (отрицательная эмоция).

Предельно упрощая ситуацию, мы имеем все основания утверждать, что если актуальные эмотивы коррелируют с данным, то эмотивный потенциал – с созданным, за которым угадывается вполне осознанный выбор. Качество такого выбора напрямую связано с уровнем развития личности, вследствие чего состоятельность диалога напрямую связана с ситуацией, когда искомый выбор, совершенный отдельным читателем, зрителем или слушателем с неизбежностью несет общее для всех благо. По сути, его признание и будет знаком совместного бытия участников диалогической ситуации, представленных творцом (писателем, художником, композитором) и ценителем (читателем, зрителем, слушателем). Неслучайно поэтому в диалогической концепции М.М. Бахтина данное выступает синонимом абстрактного теоретического знания (познавательный момент текста), созданное – конкрет-

ного поступка, в первую очередь, поступка мысли (этический момент текста) [1]. Речь идет о поступающем, частном сознании как опыте мыслительности, принципиально отличающемся от действия автоматически запущенного природой и потому безучастного ко всему механизма.

Напротив, невозможность сделать состоятельным диалог, складывающийся между опосредованным художественным произведением Я творца и непосредственным Я ценителя, со всей очевидностью демонстрирует ущербность отмеченного тотальной несвободой от природного эгоизма индивида, который заставляет его пренебрегать всем тем, что выходит за рамки «шкурного» интереса, и, как следствие, порождает безлюбость и беспредметность. Последняя опознается в неспособности бескорыстного общения, предмет речи которого не связан прямо с решением насущных задач, стоящих перед индивидом.

Думается, что для восполнения ущербного сознания необходимо последовательное обращение как к образцам словесного (проза, поэзия) и несловесного (музыка, живопись) художественного творчества, так и к синтетическим художественным творениям, основанным на взаимодействии двух и более видов искусства (балет, театр, кинематограф и т.п.). Отмеченные тексты культуры призваны актуализировать диалогическую ситуацию, которая противостоит механическому взаимообмену вербальной и невербальной информации, осуществляемому на уровне индивидуальной концептуальной системы. Правомерность представленной позиции обусловлена тем, что категория «эмотивность» оказывается универсальной для самых разных видов искусства. При этом именно виртуальные эмотивы ставят читателя, зрителя или слушателя перед необходимостью осуществлять опыт рефлексии, самостоятельно кодируя и декодируя входящие в состав произведения искусства вербальные и невербальные элементы, выступающие в качестве внешней по отношению к индивидуальной концептуальной системе информации с тем, чтобы перевести ее во внутренний опыт, безусловная ценность которого для всех участников диалогической ситуации не вызывает сомнения[.]. Принципиальным в данном случае оказывается следующее обстоятельство: диалог с искусством одновременно осуществляется как извне индивидуальной информационной системы, т.е., на уровне данного, так и изнутри, что находит свое выражение на уровне созданного, обуславливая единство вербального и невербального, рационального и иррационального, дискретного и континуального, внешнего и внутреннего.

Литература:

1. *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и форме в словесном художественном творчестве // Работы 1920-х годов. Киев : Next, 1994. С. 257–321.

Literature:

1. *Bakhtin M.M.* A problem of contents, material and a form in verbal art creativity // Works of the 1920th years. Kiev : Next, 1994. P. 257–321.

2. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М. : Лабиринт, 2005. 336 с.
3. *Даниэль С.М.* Термин и метафора в интерпретации живописного произведения //Сов. Искусствознание. М., 1986. Вып. 20. – С. 47-56.
4. *Ильин И.А.* О русской идее. Собрание сочинений : в 10 т. Кн. 2. / И.А. Ильин; Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. М. : Русская книга, 1993. Т. 2. 480 с.
5. *Медушевский В.В.* Интонационная форма музыки : монография. М. : Композитор, 1993. 262 с.
6. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. 288 с.
7. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
8. *Шаховский В.И.* Этико-эстетический аспект экологичности эмоций в произведениях искусства / В.И. Шаховский, П.С. Волкова // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). 2015. № 1. С. 31–41.

2. *Brudny A.A.* Psychological hermeneutics. M. : Labyrinth, 2005. 336 p.
3. *Daniel S.M.* Termin and a metaphor in interpretation of the work of painting/ / Ows. Art Studies. M, 1986. Issue 20. P. 47–56.
4. *Ilyin I.A.* About the Russian idea.Collected works: In 10 t. Prince of 2 / I.A. Ilyin; Sost. and comment. Yu.T. Lisitsa; Artist L.F. Shkanov. M. : Russian book, 1993. T. 2. 480 p.
5. *Medushevsky V.V.* Intonational form of music : monograph. M. : Composer, 1993. 262 p.
6. *Nalimov V.V.* Spontaneity of consciousness: Probabilistic theory of meanings and semantic very tectonics of the personality. M. : Prometheus publishing house of MGPI of Lenin, 1989. 288 p.
7. *Shakhovsky V.I.* Linguistic theory of emotions : monograph. M. : Gnosis, 2008. 416 p.
8. *Shakhovsky V.I.* Ethic and esthetic aspect of environmental friendliness of emotions in works of art / V.I. Shakhovsky, P.S. Volkova // the Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). 2015. № 1. P. 31–41.

Кочубей Игорь Валерьевич
 профессор HC SD
 American Concert Alliance
 i_valeryev@mail.ru

РАЗГРОМ КАРМАТОВ И СМЕРТЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАСРА ИБН АХМЕДА...

Аннотация С позиций общенаучного метода «Rem parvulamcognoscere», разрабатываемого автором настоящей статьи, описывается разгром заговорщиков, вероятно, умышлявших на жизнь эмира Саманидского государства Насра II ибн Ахмеда (914–943) и на прекращение царствования Саманидской династии. Заговор был составлен представителями духовенства и гулямской гвардии. Основным историческим письменным источником автору статьи послужило сочинение «Сийасат-намэйасийар ал-мулук» везира Низама ал-Мулка (1018 или 1019/1020–1092). Говорится о разгроме карматского движения в Мавераннахре и Хорасане. В статье ставится вопрос об обстоятельствах, при которых наступила смерть (бывшего) эмира Насра ибн Ахмеда, а также смерть многих видных деятелей эпохи названного эмира.

Ключевые слова: Насра II ибн Ахмед, Нух I ибн Наср, Саманидская династия, транзит власти, духовенство исламское (суннитское), гулямская гвардия, заговор, карматское движение, разгром, гибель.

В Саманидском государстве были две силы – такие, которые оказывали мощнейшее влияние на всё; такие, которые служили столпами для официальной религии Саманидов – суннитского ислама; такие, которые ориентировались всецело проаббасидски. Две эти силы были – исламское духовенство и тюркская гвардия. Пропаганда карматских идей не оказала на них влияния. Поэтому неудивительно, что тяготение правителя к союзу с Фатимидами на фоне крепнущего движения карматов имело своим следствием яростное противодействие со стороны духовенства и военных...

Ненависть по отношению к карматам находила себе пищу еще и в действиях их бахрейнских «соратников». В 930 году Абу Тахир-кармат (умер в 944 году) во главе 600 всадников и 900 пеших воинов ворвался в Мекку (в месяц паломничества!), грабил и убивал мусульман (погибло свыше 30000 человек). В довершение всего Абу Тахир похитил и вывез из Мекки Черный камень и другие священные предметы мусульманской религии. Расправы над паломниками этот вое-

Igor' V. Kochubey
 Professor HC SD
 American Concert Alliance
 i_valeryev@mail.ru

THE DEFEAT OF THE QARMATIANS AND THE DEATH OF HIS MAJESTY NASR IBN AHMAD...

Annotation. Destroying conspirators, which probably planned to assassinate the Samanid state's emir Nasr II ibn Ahmad (914–943) and to bring down the Samanid dynasty's reign – is described within the framework of the general-scientific method «Rem parvulamcognoscere» being developed by the paper Author. The conspiracy was created by the representatives of the clergy and Ghilman guard. The Author's key historical written source has been the work «Siyāsatnāme hya Siyar al-mulūk» written by the grand vizier Nizam al-Mulk (1018 or 1019/1020–1092). The present paper also referred to the defeat of the Qarmatians' movement in Transoxiana and Khurasan. The question of the circumstances of the death of the (former) emir Nasr ibn Ahmad, as well as of the death of many of the named emir time's prominent figures – is raised in the paper.

Keywords: Nasr II ibn Ahmad, Nuh I ibn Nasr, Samanid dynasty, transit of power, Islamic (Sunni) clergy, Ghilman guard, conspiracy, Qarmatians' movement, defeat, death.

начальник устраивал ежегодно – вплоть до самой его смерти. Сообщения о действиях Абу Тахира, достигавшие Мавераннахра, вызывали самую страстную ненависть по отношению к карматам... И вот лидеры духовенства и тюркской гвардии решили воспользоваться настроениями в обществе в своих собственных целях.

Достаточно подробным повествованием о заговоре (и, важно, о его конце) против карматов, который был составлен представителями духовенства и гулямской гвардией и который был направлен также против саманидского эмира Насра II ибн Ахмеда (أبو الحسن نصر بن أحمد), годы правления в качестве эмира 914–943) и Саманидской династии – мы обязаны выдающемуся деятелю исламского средневекового Востока, знаменитому везиру Низаму ал-Мулку (نظام الملك, годы жизни 1018 или 1019/1020–1092).

Целями заговорщиков были истребить всех карматов, свергнуть Насра ибн Ахмеда и прекратить правление Саманидов.

Монета, чеканенная саманидским эмиром
Насром II ибн Ахмедом (914–943)

Однако случилось так, что кто-то из заговорщиков сообщил о готовящемся перевороте Нуху I ибн Насру (نوح بن نصر, годы правления в качестве эмира 943–954), и тот совместно с его отцом разработал план сохранения власти Саманидов. Вначале отец и сын обманом завлекли к себе «главарей» заговора и казнили их, а затем сами явились в собрание заговорщиков (см., например, книгу [3, с. 161–165]). О том, что произошло дальше, – слово везиру ал-Мулку: «Вельможи поглядели и увидели государя с сыном, которые проходили через ворота дворца. Все встали и приветствовали. Никто не понимал, что произошло. «Должно быть, – говорили, – государю припала охота посетить это угощение». Наср, сын Ахмеда, пошел и сел на свое место. Сзади него выстроились оруженосцы, а Нух встал по правую руку отца. Царь сказал:

– рисаживайтесь, ешьте свой хлеб.

Когда они покончили с этим, Наср сказал:

– Мне стало известно о том, что вы замыслили против меня, вы хотели убить меня. Ваши сердца прониклись недобрым чувством ко мне, мое сердце ожесточилось против вас. Ваши сердца ожесточились потому, что я сошел с пути сунны, что ступил на путь плохой веры? Есть ли изъян в Нухе, моем сыне?

– Нет, – ответили ему.

– Я назначаю его своим преемником, – сказал Наср, – теперь он ваш государь. Прав ли я был или согрешил, отныне я буду замаливать свои грехи и каяться. А тот, кто подговаривал вас к заговору, получил по заслугам.

По приказанию Насра голову сипехсалара вытащили из мешка и бросили перед ними. Потом он сошел с престола, сел на молитвенный коврик. Нух взошел на престол и сел на место отца. Вожди войска, слыша и видя все это, пребывали в изумлении и не смогли ни слова вымолвить в свое оправдание. Они все разом заявили:

– Это была вина сипехсалара, мы – рабы и исполнители воли твоей.

Нух на это сказал:

– Я во всех смыслах Нух, а не Наср. То, что случилось, случилось. Я исполнил ваши желания.

Потом он повелел принести оковы, заковать отца, отправить его в цитадель и заточить там. А потом он обратился к ним:

– А теперь вставайте, мы отправимся пиршествовать.

Когда они сели за пиршественный стол и каждый испил по три чаши вина, Нух сказал: «Вы условились выпить по три чаши вина, а потом разобрать всю царскую пиршественную утварь и разделить между собой. Пусть каждый из вас заберет себе по три предмета утвари, так, чтобы всем хватило».

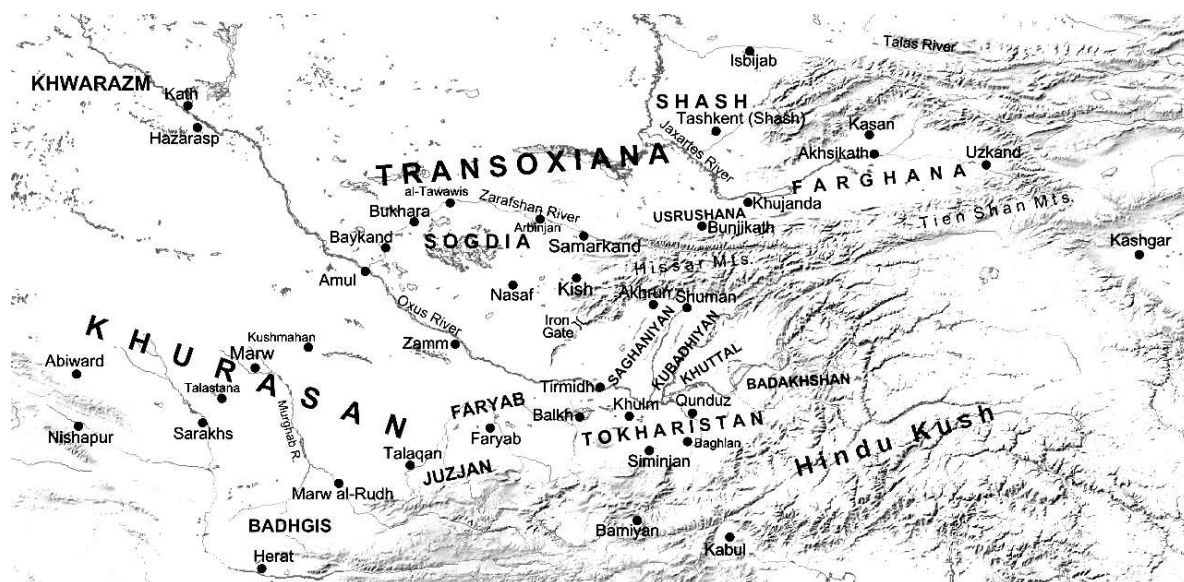
Все они взяли и положили в свои сумки, поставили печати и вручили доверенному человеку. Тогда Нух сказал: «Сипехсалар задумал против нас зло и получил по заслугам. Отец мой сошел с пути сунны и получил свое. Вы условливались после пиршества двинуться в поход против неверных в Баласагун на священную войну. Но вот перед нашими домами стоит священная война против неверных. Так займемся же священной войной. Всех, кто в Мавераннахре и Хорасане обратился в ересь и ступил на путь, на который ступил мой отец, убивайте и забирайте себе их имущество. Я отдаю вам все то золото и серебро, что было на пиршестве у отца, отдаю все то, что есть в казне. Имущество батинитов достойно только ограбления. Когда мы покончим с этим, то все двинемся против кафилов (здесь: турков. – И. В. К.). Немедленно приведите Мухаммеда Нахшаби, последователей его и последователей моего отца» [3, с. 165–166] (перевод всего цитированного отрывка с персидского языка выполнен, по-видимому, академиком А. М. Мирзоевым [4]).

Вот как заканчивается это место у цитируемого мною средневекового автора: «Потом отрубили головы Хасану, Микдаду, Мансуру Чагани и нескольким военачальникам, которые обратились в батинитство. Они стали рыскать по городам и убивать всех, кого находили из их числа. В тот же день послали военачальника с отрядом с приказом перейти Джейхун, войти в Мерверруд, схватить сына Саваде и убить его. Потом всем воинам приказали обнажить мечи и убивать каждого, кто последовал этой ереси из подданных и воинов. Они в течение семи дней и ночей кружили по Бухаре и ее окрестностям, убивали и грабили. Кончилось тем, что в Мавераннахре и Хорасане не осталось ни одного их сторонника»

[3, с. 167]. Итак, из обильно цитированного нами сообщения Низама ал-Мулка видно, что ради сохранения власти за Саманидами Нух I ибн Наср выполнил все требования обеих «партий» (и духовенства, и гвардии). С их помощью он расправился с карматами и вообще со всеми сторонниками Фатимидов.

В одном сочинении (обнаруженном В. Жуковским) сообщается, что из-за распространения и усиления «ересей» в Мавераннахре – при саманидском дворе собрали факихов и других ученых из Самарканда, Бухары, Мавераннахра, а не-

коему Хадже Абулкасиму Самарканди поручили составить трактат об основах сунны и жизни мусульманской общины. Скорее всего, эти меры как-то коррелируют с гонениями на карматов. Покончив с карматами, «официальное» суннитское духовенство направило свою нетерпимость на другие течения в Исламе. Такое предположение позволительно сделать, если отталкиваться от того факта, что понадобилось срочно переписать упомянутый только что труд Хаджи Абулкасима Самарканди на парси дари (кстати, за этим почти тут же последовал перевод «Тафсири Табари»).

Карта исторического региона Мавераннахра (Трансоксианы) с основными населенными пунктами

И еще один факт обратил на себя внимание автора статьи: в 937–942 годах многие весьма заметные деятели... исчезают, и причины этого неизвестны.

Именно в указанный интервал времени умерли Абулфазл М. Бал'ами (ابوالفضل محمد بن عبيدالله بلعمي), Джейхани-второй (ابوعلی محمد جيهانی), Абу Абдаллах Рудаки (ابوعبدالله جعفر بن محمد رودکی), Абу Таййиб-Мус'аби, – и обстоятельства их ухода из жизни темны. Так, Абу Мансур А. Са'алиби заканчивает сообщение сведений об Абу Таййиб-Мус'аби туманно, но трудно отделаться от впечатления, что при этом как будто и прозрачно: «Он пострадал от сглаза, окропил землю своей кровью» (приводится в «Иатимат ад-дахр» Абу Мансура Са'алиби). Абулфазл М. Бал'ами был смещен со своего поста в 937–938 годах и умер, согласно сообщению Абу Саида А. Сам'ани Марвази, в 940 году; обстоятельства его смерти загадочны (по мнению академика А.М. Мирзоева, весьма вероятно, что смерть бывшего везира отнюдь не была естественной).

Видный иранский литературовед и историк, писатель и поэт, переводчик профессор Саид Нафиси, обдумав все эти сведения, пришел к следующему заключению: «Установлено, что не-

сколько выдающихся мужей саманидского двора, которые занимали различные посты, исчезли между 326 и 331 г. Это может служить доказательством того, что избиение и преследование карматов происходили именно в эти годы, что разгар их приходился на 329 год [...]» (см. в издании [5, с. 584]).

Иранскому ученому вторит таджикский исследователь акад. А.М. Мирзоев: «И действительно, смерть этих деятелей невозможно представить вне связи с описанными событиями. Если Наср ибн Ахмед принимал у себя карматов – сторонников Фатимидов, то, естественно, при этом присутствовали наиболее приближенные люди, которые, несомненно, не могли не пострадать при гонениях на карматов. Согласно сведениям некоторых источников, Наср ибн Ахмед еще до своей кончины расстался со многими своими приближенными. Ибн ал-Асир, повествуя о событиях 331 г., пишет, что смерть настигла Насра ибн Ахмеда внезапно, что при этом никого из его приближенных не было, так как одни из них покинули его, другие были убиты, а третьи уже скончались. Гардизи в своем сочинении, указав на это обстоятельство, пишет, что Абу Таййиб-Мус'аби восстал и произошли беспорядки. Сведения обоих источников подтверждают высказанные нами соображения. Отсюда очевидно, что избиение и преследование карматов нача-

лись за несколько лет до смерти эмира Насра и что одной из причин исчезновения влиятельных деятелей саманидского двора были именно эти события» [4].

Естественную же смерть самого Насра ибн Ахмеда профессор, академик Саид Нафиси полагает «маловероятною»: «Скорее всего, похоже на то, что он погиб в результате этих событий» [5, с. 584].

Наиболее известные фатимидские пропагандисты – Абу Йа'куб Исхак ибн Ахмед Сагзи и Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед Нахшаби – были убиты в Бухаре в 942 году; Наср ибн Ахмед скончался в следующем году. Смерти саманидского правителя – покровителя карматов – и двух самых выдающихся деятелей этого движения почти в одно и то же время представляются мне довольно подозрительными... (см. также [7, с. 105]).

Подводя итог, можно прийти к заключению: вероятно, смерть самого Насра II ибн Ахмеда связана с описанными выше событиями (разгромом карматского движения).

Деление на культурное и природное – для понимающего человека есть *явным образом* деление условное... Если человек – в определенном смысле – принадлежит природе, можно ли сказать, что этика, сострадание и тому подобные «высшие материи», «умствования» так же относятся к «феноменам природы»?

Властвование одного человека над другим демонстрирует нам довольно широкий спектр образцов отправления этой власти; власть одного человека над многими, над массами – то есть, грубо говоря, власть политическая почти всегда (а может быть и всегда) столь же далека от этичного, как и низшая природа; и политика – все эти «надстроечные» феномены – «парадоксально» смыкаются с низшей природой...

Целесообразность и скрытые страсти (быть может, последние даже *фундируют* политическую целесообразность?) – вот истинные божества политики; а пред ними – так умалена, так ничтожна ценность группы!.. не говоря уже о ценности жизни отдельного человека – «единицы», «винтика», «щепки», которые «летят» при «рубке леса»...

Такое *субъект-объектное* отношение хорошо коррелирует с практиками (более или менее массовых) репрессий. Так, например, великий политический субъект, циньский император Цинь Ши Хуан-ди (годы жизни 258 до н.э. – 210 до н.э.), имея цель пресечь конфуцианскую традицию в культуре, – счел целесообразным погребсти заживо 460 ученых-конфуцианцев (см. монографическое исследование руководителя Китайского отдела Британской библиотеки Фрэнсис Вуд [6, р. 2–33]).

Как представляется автору, это было обдуманым решением государя, далеко отстоящим от аффективного (см. также [7, с. 106]).

Кратчайшие биографические сведения о некоторых упомянутых лицах:

Низам ал-Мулк [Абу Али аль-Хасан ибн Али ибн Исхакат-Туси, получивший известность под арабским титулом «Порядок Царства» (نظام الملک), годы жизни 1018 или 1019/1020–1092] – персидский государственный деятель на службе у сельджукских султанов.

Мирзоев Абдулгани Мухаммадович (годы жизни 1908–1976) – видный таджикский советский литературовед. Действительный член Академии наук Таджикской Советской Социалистической Республики (с 1957 года), Заслуженный деятель науки Таджикской ССР (с 1959 года). Преподавал таджикскую литературу в Таджикском государственном университете. Руководил каталогизацией фонда восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Автор нескольких монографий, более полутора сотен публикаций по истории таджикской литературы и работ по общим вопросам классического наследия, истории таджикских советских поэзии и фольклора.

Нафиси Саид (годы жизни 1895–1966). Профессор персидской литературы в Тегеранском университете (с 1934 года); член Иранской Академии литературы и языка (с 1935 года). Стоял у истоков создания и был одним из руководителей Иранского общества культурных связей с СССР (1943 год). Написал около 2 000 работ по вопросам литературы и истории народов Ирана, Центральной Азии, Индии, «Историю Бахрейна», «Социально-политическую историю современного Ирана», работы по лексикографии, по западноевропейским и русской литературам. Переводил с восточных и европейских языков научную и художественную литературу. С. Нафиси – один из любимых иранских авторов (впрочем, немалочисленных) автора статьи. Перу С. Нафиси принадлежат романы «Фарангис» и «На полпути в рай».

Иллюстрации:

Монета, чеканенная саманидским эмиром Насром II ибн Ахмедом. Источник заимствования – репозиторий [8]; первичный источник: URL : <http://www.cngcoins.com>. Использовано автором на основании неопубликованной свободной лицензии CC BY-SA 3.0 и изменено лишь в целях черно-белой печати.

Карта исторического региона Мавераннахра (Трансоксианы) с основными населенными пунктами. Источник заимствования – репозиторий [9]; первичные источники: «DEMIS Mapserver» (геофизическая основа карты; общественное достояние); Khalid Yahya Blankinship. The End of the Jihâd State: the Reign of Hishâm ibn Abdal-Malik and the Collapse of the Umayyads. – State University of New York Press, 1994. P. 243, The History of al-Tabari, Vol. XXIII :the Zenith of the Marwanid House / translated by Martin Hinds. – State University of New York Press. 1990. P. XVI; Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate : Mesopotamia, Persia, and Central Asia, from the Moslem Conquest to the Time of Timur. – New York

: Barnes & Noble, 1905. Использовано автором на основании непертированной свободной лицен-

зии CC BY-SA 3.0 и изменено лишь в целях черно-белой печати.

Литература:

1. *Кочубей И.В.* Cognoscere – rem parvulam : (на подступах к новому методу работы с историческими источниками) // Семиотика культуры & искусства : материалы Четвертой Международной научно-практической конференции «Семиотика культуры и искусства» (Краснодар, 26 ноября 2006 г.) = Semiotics of Culture & Art: Proceedings of the Fourth International Conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, November 26, 2006) / редакторы-сост. П.С. Волкова и И.В. Кочубей; Под общ. редакцией И.И. Горловой. Краснодар : Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2007. С. 17–23.

2. *Кочубей И.В.* К обоснованию нового научного метода // Социально-гуманитарные знания : центр. науч.-образоват. журнал, включ. в перечень Высшей аттестац. комис. при М-ве образования и науки Рос. Фед. М., 2008. № 1. С. 313–318.

3. Низам ал-Мулк. Сийасат-намэйасийар ал-мулук. Техран, 1315 (год выпуска указан по Солнечной хиджре; = 1936). С. 161–167. Издание на персидском языке, вышедшее в правление Его величества Реза Пехлеви.

4. Библиотека / Архив И.В. Кочубея.

5. *Нафиси С.* Комментарий // Та'рих-и Бейхаки. Т. II. С. 584. Издание на персидском языке.

6. Wood F. China's First Emperor and His Terracotta Warriors. New York (The State of New York) : St. Martin's Press, 2008. P. 2–33.

7. *Кочубей И.В.* Homo ante Aulaeum: как умирали знаменитые / П.С. Волкова; М-во культуры Рос. Фед., ФГБОУ ВО «Сарат. гос. консерватория им. Л.В. Собинова», Центр комплекс.художеств. иссл.-Смерть как социокультурный феномен : монография / Саратов : [СГК им. Л.В. Собинова], 2019. Приложение. С. 93–126, [1] цв. вклеек, [2]–[4] чер.-белых вклеек.

8. Classical Numismatic Group [a collective author]. Coin of Nasr II, an Samanid Emir. URL : https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/8e/NasrII_SamanidCoinHistoryofIran.jpg (дата опубликования 23.01.2014; дата обращения: 21.06.2019). Графич. файлв формате *.jpg, размер: 800 × 409 пкс, 161 кБ.

9. Cplakidas [никнейм автора]. Map of Khurasan, Transoxiana and Tokharistan. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Nasr_II#/media/File:Transoxiana_8th_century.svg (дата создания 25.07.2011; датаобращения: 21.06.2019). Графич. файлв формате*.svg, размер: 1 280 × 620 пкс, 1,24 МБ.

Literature:

1. *Kochubey I.V.* Cognoscere – rem parvulam: (on approaches to a new method of work with historical sources) // Semiotics of culture & art: materials of the Fourth International scientific and practical conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, on November 26, 2006) = Semiotics of Culture & Art: Proceedings of the Fourth International Conference «Semiotics of Culture and Art» (Krasnodar, November 26, 2006) / editors-sost. P.S. Volkova and I.V. Kochubey; under general edition of I.I. Gorlova. Krasnodar : Krasnodar state university of culture and arts, 2007. P. 17–23.

2. *Kochubey I.V.* To justification of a new scientific method // Social and humanitarian knowledge: [center. науч. – to form. the magazine, in a key. in the list of the Highest аттестац. комис. at M-ve science and education of Dews. Fed. M., 2008. № 1. P. 313–318.

3. To bottoms al-Mulk. Siyasat-name йасийар it is scarlet-muluk. Tehran, 1315 (year of release is specified on Solar Hijra; = 1936). P. 161–167. The edition in Persian which appeared in government of its majesty Reza Pekhlevi.

4. library / Kochubey's I.V. archive.

5. *Nafisi S.* Comment // Ta'Rikh-iBeykhaki. Vol. II. P. 584. The edition in Persian.

6. *Wood F.* China's First Emperor and His Terracotta Warriors. – New York (The State of New York): St. Martin's Press, 2008. P. 2–33.

7. *Kochubey I.V.* Homo ante Aulaeum: as Volkova P.S. Smert as a sociocultural phenomenon died well-known : monograph / M-in the cultures of Dews. Fed., FGBOOU WAUGH «Sarat. state. conservatory of L.V. Sobinov», Center complex. arts. иссл.-Saratov : [SGK of L.V. Sobinov], 2019. Application. P.93–126, [1] цв. inserts, [2]–[4] cher. – white inserts.

8. Classical Numismatic Group [collective author]. Coin of Nasr II, an Samanid Emir. URL : https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/8e/NasrII_SamanidCoinHistoryofIran.jpg (date of publication: 23.01.2014; date of the address: 21.06.2019). – Grafich. the file in the *.jpg format, the size: 800 × 409 пкс, 161 kb.

9. Cplakidas [author's nickname]. Map of Khurasan, Transoxiana and Tokharistan. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Nasr_II#/media/File:Transoxiana_8th_century.svg (date of creation 25.07.2011; date of the address: 21.06.2019). – Grafich. the file in the *.svg format, the size: 1,280 × 620 пкс, 1.24 MB.

Лугинина Анна Григорьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии
и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т.Трубилина
milena.555@mail.ru

Anna G. Luginina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Sociology
and Cultural Studies,
Cuban State Agrarian
I.T. Trubilina University
milena.555@mail.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья знакомит с опытом выражения и осмысления правовых отношений в художественных образах студентами юридического факультета Кубанского аграрного университета, предпринятым в рамках изучения дисциплины «Культурология». Представлены результаты выставок студенческих работ с комментариями к некоторым произведениям. Данное исследование может способствовать возникновению доверительных отношений между преподавателем и студентами, которые смогут увидеть в немне только требовательного педагога и знатока своего предмета, но, прежде всего, человека, который поможет им раскрыть свой потенциал, найти свое предназначение, увидеть различные варианты приложения своих способностей.

Ключевые слова: правовые отношения, абстрактное искусство, художественный образ, эмотивность.

Н афорзацкниги «Федор Плевако. Самые яркие речи» [1] вынесена цитата: «Законодатель знает, что есть случаи, когда мерить мерой закона – значит смеяться над законом и совершать публично акт беззакония» (1880 год, **дело крестьян села Люторич**). Как нам кажется, эта фраза, сказанная мэтром адвокатской деятельности, прямая отсылка к старейшему принципу медицинской этики «Прежде всего не навреди». Обнажается довольно тонкий, хрупкий механизм правового поля, природу которого необходимо понять студентам юридических факультетов. Перед ними ставится нелегкая задача постижения сущности правовых отношений со всеми характерными для них признаками: нормативность, общеобязательность, государственно-волевой характер, системность, формальная определенность, обеспеченность возможностью государственного принуждения. В определении понятия «право», предлагаем Большой юридической энциклопедией, читаем: «право, как и государство, принадлежит к числу наиболее сложных общественных явлений» [2, с 448]. Понимая, что общественные отношения довольно трудно уложить в какие-то бы ни было системы, а уж, тем более, заставить эти системы беспере-

LEGAL CONSCIOUSNESS IN TEXTS OF CULTURE

Annotation. The article introduces the experience of expressing and comprehending legal relations in artistic images by students of the law faculty of the Kuban State Agrarian University, undertaken as part of the study of the discipline «Cultural Science». The results of exhibitions of student works with comments on some works are presented. This study can contribute to the emergence of a trusting relationship between the teacher and students, who will be able to see in it not only a demanding teacher and a connoisseur of his subject, but above all a person who will help them to reach your potential, to find your destiny, to see different options of application of their abilities.

Keywords: legal relations, abstract art, artistic image, emotivity.

бойно функционировать, будущие юристы поставлены в довольно жесткие рамки своей профессиональной деятельности, основанной на законах формальной логики и строгой вербализации. Принимая решения, опираясь на закон исключенного третьего (виновен – невиновен) необходимо осознавать весь груз ответственности за судьбу человека (сострадать) и, в тоже время, быть уверенным и непоколебимым в сделанных выводах. С одной стороны, строгий закон, с другой – подчас необъяснимые, причудливые проявления человека, не укладывающиеся в заданную аксиологически-нормативную структуру. Например, в культовом художественном фильме режиссера Э. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966 г.), следователь Максим Подберезовиков на суде заявляет в отношении подсудимого Юрия Деточкина: «Он, конечно, виноват. Но он... не виноват!». Проблематичная и, в данном случае (по задумке режиссера), комичная ситуация возникает вопреки закону исключенного третьего. В кинематографе на высоком художественном уровне предлагается осмысление подобной дихотомии и сложного морального выбора. Экранизация романа английской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника»,

осуществленная в 1962 году режиссером Робертом Маллиганом, также является энциклопедией высокого художественного вкуса и утонченности социальных взаимоотношений. Эти примеры заставляют задуматься над необходимостью более глубокого и альтернативного анализа правового поля.

В связи с обозначенной проблемой, в рамках изучения дисциплины «Культурология» студентам первого курса юридического факультета КубГАУ было предложено понятие «право» представить в художественных образах, используя методы нефигуративного искусства. В данной работе мы решали несколько задач.

Во-первых, студенты погрузились в ситуацию исследования и свободного поиска информации.

Во-вторых, чтобы создать уникальную работу им пришлось уйти от однозначности трактовки понятий с помощью декодирования первичных и привычных смыслов юридической деятельности, обратившись к потенциальным (виртуальным) мотивам ее проявления[3].

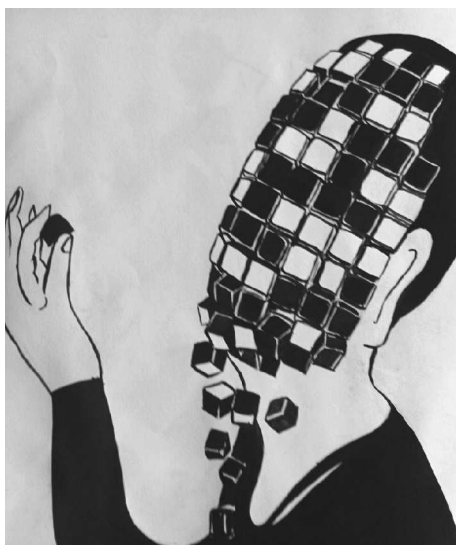
В-третьих, абстрактная живопись выступила здесь одновременно и в качестве метода, и в качестве предмета познания, хотя такие стиливые направления в искусстве, как супрематизм, авангардизм, сюрреализм, кубизм, примитивизм, экспрессионизм весьма сложны для понимания студентов, чье обучение не связано с миром

искусства. Исследование этих форм живописи помогло студентам освоить новые социальные пространства и виртуальные миры современности.

В результате были организованы две выставки: «Право в пространстве абстракции: proetcontra» (2017 г.) [4] и «Правосознание в текстах культуры: этика и эстетика» (2019 г.) [5], в которых была отражена связь культурологической теории и прикладного исследования. Сами тогоне подразумевая, юристы создали уникальную палитру трансцендентальных образов и континуумов. Внутри выставок возникали некие социально-философские концепции: правокак надежда, возможность свободы и право как рамка для личностных духовных реализаций. А в итоге – примиряющий диалог обозначенных оппозиций, в пространстве которого происходит не только прирост нового знания о «праве», но и актуализация сокровенных смыслов, затрагивающих глубинные пласты «права». То, что трудно или страшно выразить словами сублимировалось в художественных образах иногда тревожных, настораживающих, а подчас ярких, красочных и полных оптимизма.

Обратимся к некоторым работам.

Мирная Анна (ЮФ 1607) представила картину в стиле кубистического сюрреализма «Безумный подобен отсутствующему».

Черно-белая гамма произведения отсылка к латинскому крылатому выражению «Tertiumnon-datur». Такая жесткая позиция в отношении социальных практик прагматизирует актуализацию человека, обезличивает, вынуждает следовать готовым шаблонам в действиях и суждениях. Лицо (воплощение индивидуальности, эмоциональности) приняло вид грубой, фрагментированной маски, так как у человека нет возможности видеть общую картину мира. Дискретное мировидение стирает связи между причинами и следствиями, а также нивелирует утверждение в понимании. Отсюда безумие как результат непо-

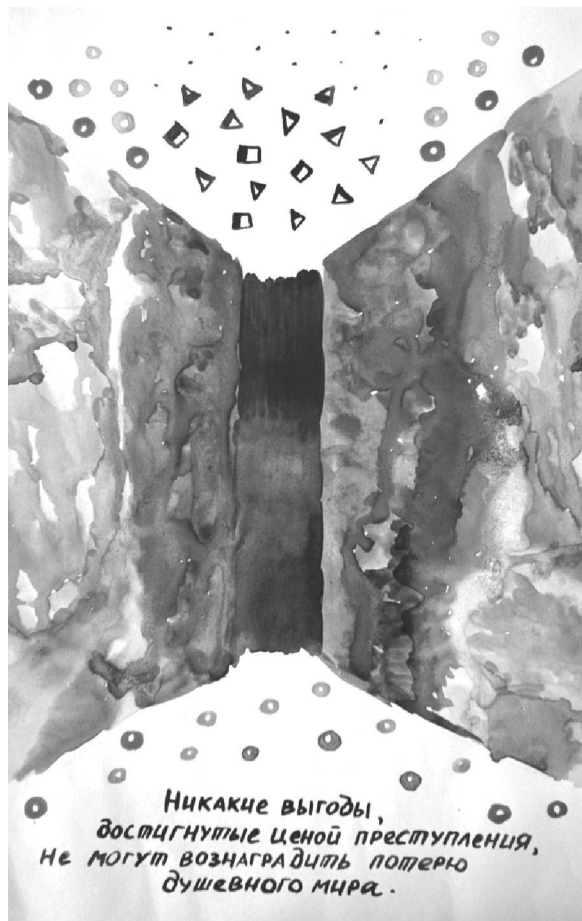
нимания, неспособности осознанного поведения и осмысленных реакций. Плавные линия тела напоминают о человеческом: нежном, отзывчивом, восприимчивом, чувственном. Под разрушающейся маской видна пустота, человек отсутствует, как и заявлено в названии работы.

Красочность и игривость следующего произведения отвлекает от цитаты, которую замечаешь не сразу, а когда она прочитана, возникает вопрос о ее связи с изображением. Яркая игрушка йо-йо, работающая по принципу маятника Максвелла, возвращает запущенные диски в руки

хозяина по инерции. Таковы законы физики, по аналогии с которыми работают законы жизни. Автор данной работы Димитрияди Елена (ЮФ 1606) затрагивает проблему нравственной ответственности. Игра ассоциируется с детством, беззаботностью, радостью и азартом. Увлекаясь, можно не заметить, что обидел человека, нарушил закон, потерял близких.

Нидерландский культуролог Йохан Хейзинга видел игровое начало во всех видах культурной жизни, не исключая науку и даже пра-

во. Например, пишет он «судопроизводству, каковы бы ни были идеальные основы права, в высшей степени присущ характер состязания», а также элемент спектакля – «судьи и в наши дни, прежде чем приступить к отправлению правосудия, выходят за рамки «обыденной жизни»: облачаются в мантию или хотя бы надевают парик» [5, 130-131]. Какой бы серьезной ни была бы игра, человек может выйти за пределы аксиологического поля культуры и впасть в первобытное состояние игрового транса.

Широкая Полина (ЮФ 1710) выполнила технически сложную работу и презентовала ее как «Нейроны права в цветах музыки». Розово-фиолетовая палитра означает любовь к мудрости, знанию. Черный фон указывает на рождение этой цветовой пульсации из покоя и бездны. Также, выбранная колористика может перекликаться с традицией, когда в британском суде квадраты черной материи судья разрывал при произнесении смертного приговора. Отсылка в названии к музыке делает работу трогательной и глубокой так как визуализация сопровождается звуковым мотивом. Автор призывает не только видеть, но и слышать – это попытка в пластических образах выразить звуковую гармонию.

Обозначенные студентами векторы рефлексии разнообразны. Работа по их систематизации предлагается как задание следующему поколению будущих юристов. Знаменательно, что создается уникальный наглядный современный материал для анализа. Таким образом, осуществ-

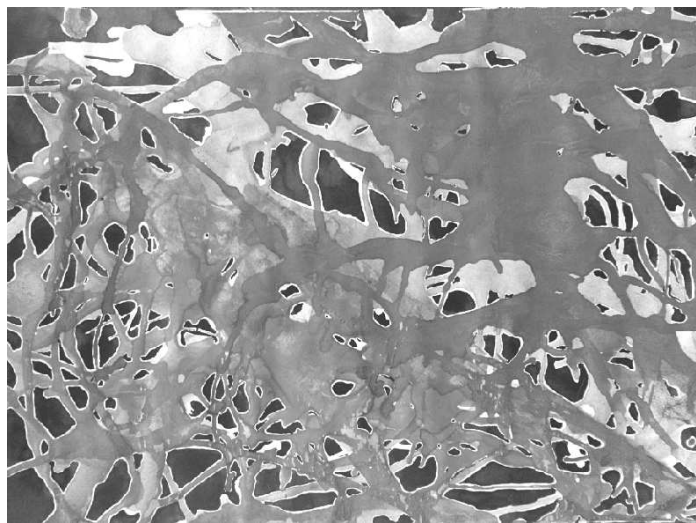
ляется диалог поколений, сознаний, эмоций, что делает процесс обучения динамичным и отвечает потребностям современного быстро меняющегося мира.

Данное исследование может способствовать возникновению доверительных отношений между преподавателем и студентами, которые смогут увидеть в нем не только требовательного педагога и знатока своего предмета, но прежде всего человека, который поможет им раскрыть свой потенциал, найти свое предназначение, увидеть различные варианты приложения своих способностей. Такой подход осуществим только в диалоговой форме и альтернативных методах освоения материала.

Метод погружения студентов в мир искусства, непосредственное соприкосновение с художественным продуктом – это разновидность метафизических упражнений, выработка навыков освоения элитарной культуры и попытка переосмыс-

ления современных проблем в координатах вечных ценностей. Помимо этого предполагается приблизиться к пониманию специфики приклад-

ных и теоретических принципов будущей профессии, а также конкретизации и практическому применению получаемых по дисциплине знаний.

Литература:

1. Плевако Ф. Самые яркие речи. М. : ООО «Изд-во АСТ», 2018. 320 с.
2. Большая юридическая энциклопедия. М. : Изд-во Эксмо, 2005. 688 с.
3. Шаховский В.И. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания / В.И. Шаховский, П.С. Волкова // ЭНЖ Мир лингвистики и коммуникации. 2017. № 4. С. 138-163. URL : www.tverlingua.ru
4. Лугинина А.Г. Право в пространстве абстракции: pro et contra (репортаж с выставки) // ASPECTUS. 2017. № 1(14). С. 86–91.
5. Студ Life № 09 (154) студенческая программа КубГАУ 09.06.2019 г. (https://vk.com/video-25265807_456239215). Просмотров 24.07.2019г.
6. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. 539 с.

Literature:

1. Plevako F. The most striking speech / FedorPlevako. M. : Publishing house AST, 2018. 320 p.
2. Big legal encyclopedia. M. : Publisher Eksmo, 2005. 688 p.
3. Shakhovsky V.I. Emotivity as a principle of cognitive and semantic activity of consciousness / V.I. Shakhovsky, P.S. Volkova // ENJ World of Linguistics and Communication. 2017. № 4. P. 138–163. URL : www.tverlingua.ru
4. Luginina A.G. Law in the space of abstraction: pro et contra (report from the exhibition) // ASPECTUS. 2017. № 1(14). P. 86–91.
5. StudLife № 09 (154) student program of KubSAU 06.06.2019 (https://vk.com/video-25265807_456239215). Viewed. 07/24/2019
6. Heyzinga J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow / J. Heyzing; Per. with the netherlands. V. Oshisa. M. : LLC «Publishinghouse AST», 2004. 539 p.

Штурба Виктор Александрович

доктор исторических наук,
профессор,
Отличник народного просвещения
РСФСР,
Отличник образования высшей школы
РСФСР,
профессор кафедры
педагогике и психологии,
Кубанский государственный университет
sturbav@mail.ru

Горбунова Юлия Михайловна

аспирантка кафедры
педагогике начальной школы,
Кубанский государственный университет
popova_ulka@mail.ru

Victor A. Shturba

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Excellence in Public Education
of the RSFSR,
Excellent student of higher education
of the RSFSR,
Professor Department of Pedagogy
and Psychology,
Kuban State University
sturbav@mail.ru

Julia M. Gorbunova

Graduate student
of the Department of Pedagogy
of Elementary school,
Kuban State University
popova_ulka@mail.ru

**КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ**

**CULTURAL TRADITIONS
OF THE COSSACKS
OF THE SOUTH OF RUSSIA**

Аннотация. Статья посвящена анализу и систематизации представлений об особенностях культурных традиций, сформировавшихся у казачества Юга России в дореволюционное время. По мнению авторов, которые являются потомками терских, кубанских и донских казаков, эти традиции сохранились в генетической памяти современных потомков казаков и заслуживают глубокого уважения, потому что их предки вписали славные страницы в историю нашей страны. По мнению авторов, без знания культурных традиций казачества прошлых веков современному казачеству не удастся в полной мере стать их достойными продолжателями.

Ключевые слова: казачество, культура и традиции казачества, казачья педагогика, красный террор, инициация.

Annotation. The article is devoted to the analysis and systematization of ideas about the features of cultural traditions that emerged from the Cossacks of the South of Russia in pre-revolutionary times. According to authors who are descendants of Terek, Kuban and Don Cossacks, these traditions are preserved in the genetic memory of modern descendants of Cossacks and deserve deep respect because their ancestors wrote glorious pages in the history of our country. According to the authors, without knowledge of the cultural traditions of the Cossacks of past centuries, the modern Cossacks will not be able to fully become their worthy successors.

Keywords: cossacks, culture and traditions of the Cossacks, Cossack pedagogy, Red Terror, initiation.

Казачество является традиционным объектом исследования у представителей современной науки не случайно. Формируясь как общность людей, бегущих от произвола помещиков или от наказания за совершенные правонарушения на незаселенные территории, находящиеся на окраинах нашей страны, они на ранних этапах своей истории представляли собой «вольницу», порой пытавшуюся оказывать вооруженное влияние на государственную власть. Активное участие казаков в Смуте на рубеже XV–XVI вв. (которое всё же закончилось тем, что казаки изгнали интервентов из страны и приняли деятельное участие в установлении новой царской династии), восстания Разина, Пугачёва, Булави-

на – всё это показывает, что вольница шла на службу России тернистым путём [1, с. 25]. И тем не менее, со временем казачество превратилось в социальную общность, ставшую оплотом государства и выполнявшим многочисленные государственные функции:

– охраны границ от воинственных народов, вторгавшихся на территорию с целью грабежей, захвата в плен мирного населения с целью его закабаления или работорговли;

– казачество использовалось государством для колонизации, освоения и исследования новых территорий;

– казачьи формирования со временем превратились в составную часть вооруженных сил Российского государства, принимая активное участие в его защите от внешних угроз;

– казаки выполняли полицейские функции, принимая участие в обеспечении общественного порядка.

Причиной столь высокой востребованности казачества в нашей стране в дореволюционные годы объясняется особенностями его организации не просто как служилого сословия, а части общества со специфическими условиями жизнедеятельности. Выражалась она в том, что все лица мужского пола у казачества с раннего детства приписывались к конкретной воинской структуре по месту жительства, и вся их жизнь была посвящена воинской службе в этом воинском подразделении, а территории компактного проживания казаков получили статус территориально-административных округов – войск (Терского, Кубанского, Донского и т.д.)¹.

Казачество имело, по сравнению с другими слоями российского общества, помимо многочисленных обязанностей и немало привилегий, что накладывало отпечаток на его образ жизни, традиции и культуру, на взаимоотношения с государственной властью. Эти обстоятельства служат объяснением того, что она относилась к казачеству как к оплоту своей власти, и это обстоятельство послужило основанием для лидеров Советской России для причисления казачества к контрреволюционным силам с последующим распространением на него «красногортрора», объектами которого стали не только сами казаки, но и их семьи, потому что подавляющая часть казаков не воспринималась властью большевиков как ее союзники, в результате чего казачество в этой кровопролитной борьбе понесло невосполнимые потери. Казачьи войска были ликвидированы, цвет казачества погиб, десятки тысяч казаков ушли в эмиграцию, [1, с. 27]. Но истребить казачество, как и историческую память о нем и его традициях у потомков казаков советской власти не удалось, о чем свидетельствует новейшая постсоветская история современной России.

Эти обстоятельства служат достаточно веским основанием для того, что судьба казачества привлекла внимание современных историков и культурологов, а его традиции не только реанимируются, но и оказывают определенное влияние на ту часть современного российского общества, которая в настоящее время проживает на территориях, где по сей день продолжают проживать потомки казаков. Эти обстоятельства вынудили еще руководство СССР изменить свое отношение к казачеству. Так, в ст. 2 Закона

¹ Во второй половине 2018 г. ушли из жизни при разных обстоятельствах известный историк российского образования В.В. Штурба и его аспирантка Ю.М. Горбунова. Коллектив редакции журнала посчитал необходимым в память об этих светлых людях опубликовать данную статью, не изданную при их жизни в отечественных научных изданиях.

РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.91 г. утверждалось, что в отношении казачества «по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся его насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения» [2].

Таким образом, несмотря на сложные исторические времена, сохранились традиции казачества, а их потомки проявляют большой интерес к своим предкам.

Для современных исследователей немалый интерес представляют труды по истории казачества, в частности, таких знатоков кубанской истории и её бытописателей, как Я.Г. Кухаренко [3], И.Д. Попко [4], Е.Д. Фелицын [5], Султан Хан-Гирей [6], П.П. Короленко [7], Ф.А. Щербина [8]. Весомый вклад в исследование истории донского казачества внесли М.П. Астапенко [9], Ю.Г. Волков [13], В.Д. Сухоруков [16], М.Н. Хазулин [17] и др. Исходя из выше изложенного, следует сделать вывод о том, что казачество представляет одно из замечательных проявлений русской государственной и народной жизни. Казак был одновременно и передовым колонизатором окраин государства, и охранителем границ этого последнего, и защитником русской национальности, и борцом за православие, и творцом оригинальных форм народного быта. В этой многотрудной роли казачества кроется его историческая сила и значение: казачество развивалось рука об руку с развитием Русского государства [5, с. 6].

На пленницах казаки часто женились, хотя семейная жизнь не была в то время у них в почёте. В XVI веке на Дону редко встречались семейные казаки: слишком суровыми являлись условия для создания нормальной семьи, да и хозяйства казаки не вели, всё своё время, проводя в походах и боях.

Картина семейной жизни изменилась в XVII веке, особенно в его второй половине. Народонаселение Дона к этому времени значительно увеличилось, была обеспечена большая, чем век назад, безопасность проживания, растя продолжателей своего рода и дела [9, с. 46].

Состав семьи в XVII в. вряд ли мог быть большим. По мнению В.Н. Королёва, его рост связан с распространением земледелия, требовавшего многих рабочих рук [17].

Семейному праву уделил внимание в своих этнографических исследованиях на Дону М.Н. Харузин. Как пишет этот автор, дети считались знаком «благословения Господня над семьёй», а неимение их «почиталось за Божье наказание». Безусловное верховенство над детьми воли отца казаки обосновывали, исходя из христианских представлений: «Власть отца от Бога и по подобию Божию: один отец всего света – Бог. Он

всему хозяину; так и отец в семье»; «Отец в дому как Авраам в раю: Авраам в раю первый, и отец в дому первый есть» [9, с. 47]. Хотя и авторитет матери, родившей детей в муках, был высоким: «По смерти отца она его место заступает»,

жизнь замужней казачки обычно ограничивалась кругом семьи и знакомствами с соседками. При встрече с казаком женщина в любом случае должна была уступить ему дорогу, не забывая при этом кланяться мужчине-воину.

Детей казаки воспитывали в строгости и любви. Их старались не бить, а если и наказывали, то ставили в угол на соль или горох. Физическое воспитание могло воспитать труса, а казак должен быть храбрым и смелым воином. Воспитание детей, особенно мальчиков, у донских казаков преследовало одну цель: сделать из казачонка война, способного встать на защиту родного Дона и матушки-России.

Новорожденному «на зубок» родственники и знакомые приносили пули, у изголовья младенца клали саблю, пистолет, лук и ружьё, таким образом приобщая его к воинской службе. Постоянно слыша от родных и близких людей разговоры о походах, боях и войнах, наблюдая это в практической жизни, малолетки-казачата и говорить начинали не со слов «отец» и «мать», а со слов «пу» — стрелять и «чу» — ехать на коне. Трёхлетние казачата уже умели ездить на лошади по двору, а пятилетние бесстрашно и умело скакали на лихом дончаке по улицам казачьего городка [9, с. 47].

В начале заселения Кубани на её территории преобладали холостые казаки, поэтому правительство края в течение первой половины XIX века предприняло ряд мер по переселению в казачьи станицы женского населения — «вдов, девок», семей с большим числом женщин. Постепенно налаживался семейный быт [10, с. 218]. Семьи на Кубани были большими, что объяснялось распространением в определённых районах хуторского (натурального) хозяйства, с постоянной нуждой в рабочих руках и, в какой-то мере, со сложной обстановкой военного времени. В конце XVIII — начале XIX веков рождение пяти-семи детей в семье было обычным явлением. Некоторые женщины рожали по пятнадцать-семнадцать детей. Высокой, правда, была и детская смертность. Лишенный квалифицированной медицинской помощи даже в середине XIX века, народ использовал средства народной медицины и примитивную магию. Так, если в семье часто умирали дети, то в кумовья полагалось пригласить первого встречного. Если же малыш часто болел, и известные средства не помогали, мать пыталась обмануть болезнь, «продавая» ребёнка через окно дома. «Покупатель», уплатив деньги, надевал на ребёнка крест, становился его крёстным и через дверь возвращал малыша под отчий кров.

Дети рано приобщались к труду. С пяти-семилетнего возраста они выполняли посильную работу. Их умственному и физическому развитию способствовали игры с игрушками или без

них. Игры без игрушек часто сопровождались пением. Распространены были и символические игры («Солнце и конь», «Коршун», «Казак», «Перепёлушка» и другие), а также забавы типа катания с горок, на коньках, качелях [11, с. 296–306].

У каждого новорожденного казака или казачки, помимо биологических отца да матери, были крёстный отец и крёстная мать. О выборе крёстных кровные родители заботились заранее. Это не должны были быть родственники (как принято сейчас). Крёстного подбирали отец — это должен быть человек надёжный (кунак, односум, побратим и т.п.), у которого было чему поучиться. Это он, в первую очередь, формировал дух казака. И немаловажный фактор — крёстный отец, крёстная мать должны были быть способными участвовать в воспитании ребёнка — жить недалеко от крестника (крестницы). Крёстную подыскивала кровная мать из числа своих подруг (желательно, хотя бы немного старше её возраста). Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крёстного — он делал из казака воина. Главная же задача крёстной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казачке отношение к девушке-казачке как к жене, матери и хозяйке. Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крёстная. Она формировала из девочки женщину-казачку, как уменьшую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крёстный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

Казачка всегда была главная в курене, все хозяйство держалось на ней. Весь день и круглый год казачка в работе — по дому, по огороду, в хлеву, на винограднике. Там где нужно — вовремя прополоть, вычистить, полить, подвязать. Казачка успевала и сена накосить, и стены побелить, и кизяка заготовить. Да еще всю семью хорошо накормить-напоить. А потом придет время — нужно урожай собрать да сохранить: капусту заквасить, огурцы засолить, тёрн замочить, вишню высушить. Чуть присядет казачка — надо вязать пуховые платки и шерстяные носки, шить одежду для себя и для детей. По хозяйству на казака надежда плохая: то он на действительной службе, то на сборах, то призван по мобилизации. Так всякая домашняя работа ложилась, в основном, на женские плечи. Но казачки никогда не роптали на свое положение, считая его совершенно нормальным, то есть естественным. Во время изнурительной работы в жару, в пыли они ухитряются оставаться красивыми и веселыми. Обвязывают (укутывают) лицо платком, оставляя только узкую щель для глаз. После умывания натирают лицо и руки козлиным жиром, отчего цвет лица казачек всегда нежный и прозрачный. Казачки всегда веселы, если соберутся вместе, то сейчас же заиграют песню.

Если замужняя казачка постоянно дома, то ее малая дочка постоянно вертится возле матери, подражая, помогая и перенимая ее опыт, и тогда из нее тоже вырастает нормальная женщина-казачка [11].

Обязанностью родителей было «вскормить, вспоить, воспитать «в страхе Божиим» и приучить к хозяйству», обучить грамоте и ремёслам. Когда дети вырастут, следовало женить их, а для сыновей приготовить «справу» (обмундирование, коня, оружие).

Особое значение для казачьей общины имели инициации – посвятельные обряды (пострижены на 40-й после рождения и сажание на коня в 3 года) и военные испытания юношей 15–17 лет. Они имели целью физическую и психологическую подготовку молодёжи к хозяйственной, социальной, брачно-семейной и духовной жизни общества, они сопровождаются испытаниями. В течении двух недель или месяца юноши упражнялись в верховой езде, стрельбе на скаку, джигитовке, бое плетьюми, переплывали в полном вооружении реку. Лучшие получали поощрительные призы от атамана – оружие, уздечку и др. За это время молодёжь проходила испытание и в итоге переходила в другую возрастную и социальную группу. Поэтому подобные смотры могут быть приравнены к древним инициациям (ритуалам посвящения) в новых организационных условиях [11].

С течением времени возраст 14–15 лет сохранил своё значение перехода в следующую страту – юношескую. В то же время, приобщение молодых казаков к воинству передвигались на более позднее время, вместе с изменением возраста призыва на службу. В группу «малолетков» – совершеннолетних, привлекавшейся к внутренней станичной службе и проходивших необходимое обучение, юноша переходил в 17 лет, с 1875 г. – в 18; с 1909 по 1917 г. – 19 [11].

По указу от 31 декабря 1765 г. от казаков требовалось, чтобы «на всякий случай потребное по их обряду ружьё, лошадей и прочее исправно имели». В.Д. Сухоруков показал, что воинские навыки юноши старше 15 лет получали, благодаря играм и тренировкам в предместьях населённых пунктов, где они проводили время, упражняясь в стрельбе из лука или ружья, джигитовке, участвовали в охоте. Войсковой атаман проводил военные игры и смотр, на котором оценивались быстрота лошадей в скачке, навыки стрельбы, обмундирование и вооружение [12, с. 98–104].

Девочку воспитывали иначе, чем мальчика, развивая в ней женственность, хозяйственность, терпение, отзывчивость. С малолетства казачке внушалось: самое главное в жизни – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – в крепкой семье, достатке. Когда девочка начинала ходить, праздновали «первый шаг», дарили ленточки «на первый бантик», гребёнку «на косочку», «платочек в церкву ходить».

Уже с раннего детства девочки помогали матери в хозяйстве, помогали нянчить младших братьев и сестер, что не исключало радости и веселья: девочки и пели, и плясали. А обучали их этому взрослые женщины. Девочки слышали, как пели песни бабушка, мать, сестры, и начинали им подражать.

Девушка должна была собственными руками приготовить себе приданое, которое накануне свадьбы выставлялось на всеобщее обозрение. По искусно сделанной вышивке, сплетённому кружеву судили о том, какая хозяйка входит в дом.

Уважение к старшим было основой казачьего уклада. Казаки с особым уважением и почтением относились к старшим, и особенно к испытанным в боях воинам. Молодёжь не имела права сидеть в присутствии стариков без разрешения. Если пожилой казак проходил по улице, то люди моложе его вставали, почтительно кланялись и садились лишь тогда, когда он удалялся от них на некоторое расстояние. Молодые люди стыдились при старике малейшую непристойность, иначе всякий старец мог не только напомнить юноше о его обязанностях, но и наказать его, не опасаясь гнева родителей [13, с. 409–416]. Именно старики способствовали воспитанию у молодых казаков сознательной дисциплины, военно-патриотических традиций было главным в семье казаков. Казаки-ветераны были для детей идеалом личности, нравственным компасом, помогали войти им во взрослый мир во всех его проявлениях. В основе патриотического воспитания было заложено формирование у казаков любви к своему Отечеству и качеств, необходимых для его вооруженной защиты, включающие совокупность средств и приемов, используемых воспитателями (командирами и представителями духовенства) в совместной деятельности с казаками для достижения поставленной цели. К числу таких методов, в первую очередь, относились: просвещение, религиозное нравственное воспитание, пример, поощрение.

С историей казачества дети знакомились в семье, где передавались от старших примеры ратных подвигов. Главный девиз казаков: «За Веру, Царя и Отечество» был определяющим в воспитании казака с детских лет. Казак считал: «Без догляду и дети не растут».

В казачьих семьях радовались рождению будущего казака: «Сын – зернышко, а дочь – полова, ветер дунет – от дома улетит». В беседе, в рассказах, действиях казак передавал свой жизненный опыт, уклад всей казачьей жизни сыновьям. Все секреты, от военных до бытовых, казаки передавали детям. А казачью форму готовили сыну задолго до посвящения в казаки.

В семье царил культ казачьей формы, которую одевали по праздникам и в строю. На войсковые празднества, сходы и другие важные мероприятия, проходившие в г. Екатеринодаре, непременно приглашали смысленых мальчиков от всех казачьих поселений края, с тем, чтобы эти события были запечатлены в их детском сознании. Они передавали все увиденное своим детям. Так и ковалась эта живая цепочка казачьей жизни, культуры.

Семья казаков строго выполняла свои обязанности перед казачьей общиной. Казак должен был строго воспитывать детей, учить чтить старших, выполнять 10 Заповедей Господних, являющих-

ся жизненным правилом казака-христианина. Он разъяснял, толковал, показывал их значения детям. В семьях детям постоянно напоминалось, что за непослушание последует наказание, чтобы проступки больше не проявлялись, и ребенок должен научиться избегать повторения ошибок. В детстве и подростковом возрасте это было действенным способом нравственной школы, формировалось самосознание, социально-культурная адаптация.

Семья, казачья община являлись главными воспитателями. Это была народная педагогика с ее особыми воспитательными традициями и результатами воздействия на психику воспитуемых, отшлифованная вековыми традициями. Она воспитывала характер воина, защитника, ответственного за свое доброе имя.

У казаков были свои обычаи, язык, культура, своя история, психология, своя структура бытия и быта. Нерушимыми были – верность славе предков, любовь к родной земле и ее защита. В казачьих семьях из поколения в поколение передавались сказания о подвигах и ратных делах. Все это было эмоционально окрашено.

Речь казаков была богата поговорками, пословицами, ярко отражающими атмосферу вольности и независимости, героизма. Язык казаков – чудесный сплав украинского и русского языков, завораживал душу, поэтому рассказы отцов и дедов становились запоминающимися, воспитание проходило без нудных нравоучений.

Детей редко били. Достаточно было отцу, старшему брату, деду выразить свое неудовольствие укоризненным взглядом или нахмуренными бровями. Читлась в семье мать. Она оставалась за главную в семье, когда казак уходил в поход: «Жинки дома хозяйнуют, а казаки в Сечи».

В казачьих семьях в труде принимали участие даже малые дети. Мать следила за тем, чтобы с малых лет дети умели заботиться о других, оказывали помощь друг другу, старикам. Именно в раннем детстве мать первая вкладывала в воспитание народную мудрость. В воспитание включалось старшее поколение, поощряли трудовые умения и учили, как действовать в тех или иных ситуациях. Их опыт был неоценим. Именно в семье дети усваивали систему норм и правил поведения, учились подчиняться и брать ответственность на себя. Роль отца возрастала по мере роста мальчика. Он учил «порядку и делу», как говорят в народе. Меньше баловал, был строг, требователен. Он учил держаться в седле и джигитовке, ухаживать за лошастью. Но главной задачей отца было вырастить настоящего казака, готового к воинской службе. Народная мудрость сохранила об этом много пословиц: «Где саблей не возьмешь, пикой достанешь», «Казак без коня – как зима без снега», «Сабля казаку и славу принесет, и честь спасет».

Воспитание в казачьей семье не передавалось в «готовом» виде детям, а накапливалось, развивалось и обогащалось всеми членами семьи. Оно плавно выходило из ее рамок, передава-

лось казачьему обществу, то есть становилось намного шире. Здесь и школа воинской подготовки шире, и жестче наказания, вплоть до порки публичной и даже смертной казни. Молодой казак уже ощущал себя членом казачьего братства, понимая его значимость. Особенностью воспитания было то, что дети осознавали уникальность истории казачества, специфику своей культуры (одежда, обычаи, язык), то есть в казачьих семьях легче происходила этническая самоидентификация детей, отождествление себя с казачьей общиной.

Детей учили уважать обычаи народов Кавказа. Обычай быть гостеприимным воспитывался с детства, что в условиях территориальной разобщенности на Кавказе было очень важно. Казаки интересовались жизнью, бытом, культурой горских народов, сравнивали со своим укладом. Учили детей уважать человека, понимать состояние и желание людей, преодолевать конфликты, неурядицы, быть терпимыми к религиозным чувствам горцев. Хотя и встречались случаи нетрадиционных решений конфликтов между горцами и казаками. Но все эти случаи обсуждались, устанавливались правила достижения цели без крови.

Особое значение предьявлялось в семье к здоровому образу жизни: физической закалке, трезвости, чистоте. Казак не мог показаться пьяным на улице, только в темноте через огород он мог пройти к дому. Дети не имели права садиться за стол с грязными руками. В семье строго следили за репутацией детей, ведь семейная жизнь казака в станице становилась достоянием всех. Казачье общество оценивало казака и членов его семьи по поступкам, делам, строго судило о его надежности – ненадежности, умении держать данное слово. Благодаря этому, поддерживались определенные взаимоотношения между поколениями: дочь и сын не могли противоречить отцу, старики всегда сидели на почетном месте, почтительно со старшими здоровались [14].

Существовали две модели казачьей общины: «семейная» и «сечевая» (засечная). При семейной модели казаки жили, соответственно, семьями в укрепленных поселениях – так называемых городках, позднее такие казачьи поселения стали называть «станицами» и «хуторами». Жизнь поселения зиждилась на принципе рода, охватывающем прошлое, настоящее и будущее. Казаки чтити заветы предков, черпая мудрость у предшествующих поколений. Старались достойно жить в настоящем, с беззаветной отвагой защищать Отечество. Растили детей так, чтобы не стыдно было за своих потомков в будущем. Весь жизненный уклад казаков был подчинен этим целям.

Население станицы подразделялось на группы по возрастному принципу – так называемые «партии» или «беседы». Старики, женатые казаки, холостые казаки, казаки-малолетки (еще не служившие или не участвовавшие в боевых действиях), казачата-подростки и совсем маленькие дети-казачата – каждая из этих групп имела свои «беседы».

Больше всего в станицах уважали стариков, олицетворявших вековую мудрость, хранителей воинского и житейского опыта и традиций. Они воспитывали новые поколения казаков и отвечали за младшие «беседы». Но за воспитание подрастающей казачьей смены отвечали не только старики. Шефство над младшими «беседами» передавалось по цепочке – в каждой из «партий» были наиболее опытные и мудрые казаки, занимавшиеся обучением членов более младших «партий», прививавшие им нравственные принципы. Это гарантировало наиболее полную и гармоничную передачу профессиональных казачьих знаний и навыков, мировоззрения, традиций от поколения к поколению.

«Сечевые» или «засечные» казаки получили такое название, поскольку их укрепленные поселения назывались «сечи» или «засеки». Засеки или располагались рядом с границей государства, или были возведены на самом вероятном направлении вражеской атаки. «Сечевые» казаки также жили общиной и делились на «партии» по возрастному признаку. Однако все они либо были холостяками, либо подолгу жили в разлуке с семьей. Традиции и боевой опыт сечевые казаки передавали по тому же принципу, что и семейные, но с одним отличием: каждый закаленный в сражениях казак брал «под свое крыло» от одного до десяти молодых бойцов, которых называли «джурь» или «новики».

На засеке каждый казак был как на ладони, почти круглосуточно, находясь на виду у своих соратников, поэтому схитрить, обмануть боевых товарищей, выставить себя в более выгодном свете, чем на самом деле – было попросту невозможно. Воспитательный процесс в таких условиях обладал завидной эффективностью.

Что особенно хорошего заключали в себе модели казачьего общества? Что не помешало бы и нам перенять у казаков?

Во-первых, следуя родовым принципам, каждый казак невольно начинал воспринимать собственный организм, душевные качества и духовную составляющую не только как элементы своей личности, а как инструменты для продолжения рода достойного, чтобы сыновья и дочери могли по праву гордиться своим родом, сумели передать потомкам всю его силу, мудрость и отвагу. А для этого и самому казаку надо было безукоризненно выполнять свой долг защитника Отечества, чтобы, не краснея, смотреть в глаза отцам, дедам и прадедам. Поэтому свое здоровье казаки берегли – ели полезную сытную пищу, гнушались вредными привычками, и даже в старину умели проводить профилактику разных заболеваний.

Во-вторых, подразделение всей общины на возрастные группы помогало поддерживать живую связь между поколениями, передавать традиции из уст в уста и на личном примере доказывать

юным поколениям ценность многовековой мудрости.

Процесс воспитания и обучения подростков и молодежи вершился на глазах у общины. По сути, этот педагогический процесс не прерывался и когда казак достигал зрелости – он все так же продолжал прислушиваться к советам старших, теперь уже к седых стариков и перенимать их опыт. А одновременно учил молодых уму-разуму. Такой уклад сводил на нет проблему «отцов и детей», терзающую современное общество.

В-третьих, в общине все отлично знали друг друга, многие были родственниками. У казаков всего поселения была общая судьба, общее призвание – защита Отечества, одна на всех идеология. Поэтому криминализация общества была немыслимой, люди с преступными склонностями выявлялись мгновенно и либо сразу жестоко наказывались и навсегда излучивались от своих заблуждений, либо изгонялись. Все казаки были вооружены и умели противостоять любой внешней агрессии, поэтому порядок и покой на вверенной общине территории гарантировались. Казаки всегда могли постоять за себя и перед иноземными захватчиками и перед агрессией и произволом со стороны властей [15].

Довольно своеобразными являлись обычаи и нравственность казаков того времени, представляя собой, как отмечает историк В.Д. Сухоруков, «смесь добродетелей и пророков, свойственных людям, которые жили войною и грабежами. Жадные к добычам, свирепые в набегах на земли неприятельские, казаки в своём общезжитии были привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровства между собою; но грабёж на стороне и особенно у неприятелей был для них вещь обыкновенною.

Религию чтили свято. Трусов не терпели и вообще поставляли первейшими добродетелями целомудрие и храбрость. В наказаниях за преступления казаки были жестоки. В куль да в воду была главная казнь за измену, трусость, убийство и воровство; она есть утопление в реке человека, завязанного в мешке» [16].

Таким образом, вся жизнь, традиции, воспитание, преемственность поколений несли в себе культ казака, подтверждая идею невозможности воспитать ребёнка в традициях казачества от случая к случаю. У воспитания стояла чёткая цель для будущего мальчика, так же и для девочки. Начиная с рождения, на ребёнка влияло все: от родителей – до соседей, от атамана до старика, поэтому основная масса мальчиков вырастала смелыми, отважными войнами, а девочки посвящали свою жизнь семье, воспитанию детей, помощи старикам, налаживанию комфортного и уютного быта, ожиданию мужа и встречи его красивой и жизнерадостной.

Литература:

1. Казачий Дон. Пять веков воинской славы. М., 2010.
2. См. ст. 2 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991г.
3. Пискунов Ф. «Збирнык творив Кухаренко, наказного атамана земли войска Черноморского. Посмертневывданя». Киев., 1880.
4. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Санкт-Петербург., 1858.
5. Фелицын Е.Д. Кубанское казачье войско 1696-1888 г. Воронеж, 1888 г. С.
6. Хан-Гирей. Бесленей Абат. Кавказ. 1847.
7. Короленько П.П. Черноморцы. СПб., 1874.
8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар., 1910
9. Астапенко М.П. История казачества России. Том 1. Ростов-н/Д., 2008.
10. Ратушняк В.Н. Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. Краснодар, 1996.
11. Бытовые и боевые традиции: воспитание казака, отношение к женщине-казачке. URL : <http://kagalnitskievesti.ru/kazaks/tradic/but/>
12. Казачий Дон. Пять веков воинской славы. М., 2010.
13. Волков Ю.Г. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов-н/Д., 1998.
14. Крыжанстовская Е.В. Основы казачьего семейного воспитания. URL : <http://www.skvk.org/8306>
15. Щупленков О.В. История и традиции казачества – основа патриотического воспитания молодёжи. URL : <http://kazakinfo.ru/index.php/stati/54-novoe-kazachestvo-i>
16. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.
17. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск., 2007.
18. Харузин М.Н. Этнография. Лекции. Спб., 1909.

Literature:

1. Cossack Don. Five centuries of military glory. M., 2010.
2. See Art. 2 of the Law of the RSFSR «On the Rehabilitation of Repressed Peoples» dated April 26, 1991.
3. Piskunov F. «Zbirnyk having created Kukharenko, the ataman of the land of the Black Sea army. Posthumously extradited». Kiev., 1880.
4. Popko I.D. Black Sea Cossacks in their civilian and military life. SPb., 1858.
5. Felitsyn E.D. Kuban Cossack army 1696-1888 Voronezh, 1888 P.
6. Khan Giray. Besleny Abat. Caucasus. 1847.
7. Korolenko P.P. Black Sea people. SPb., 1874.
8. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack army. Ekaterinodar., 1910
9. Astapenko M.P. History of the Cossacks of Russia. Volume 1. Rostov-on-Don, 2008.
10. Ratushnyak V.N. Essays on the history of the Kuban from ancient times to 1920. Krasnodar, 1996.
11. Domestic and military traditions: the education of a Cossack, attitude to a female Cossack. URL : <http://kagalnitskievesti.ru/kazaks/tradic/but/>
12. Cossack Don. Five centuries of military glory. M., 2010.
13. Volkov Yu.G. Don Cossacks in the past and present. Rostov-on/D., 1998.
14. Kryzhanstovskaya E.V. Fundamentals of Cossack family education. URL : <http://www.skvk.org/8306>
15. Schuplenkov OV The history and traditions of the Cossacks are the basis of the patriotic education of youth. URL : <http://kazakinfo.ru/index.php/stati/54-novoe-kazachestvo-i>
16. Sukhorukov V.D. Historical description of the land of the Don Army. Novocherkassk, 1903.
17. Korolev V.N. Don Cossack towns. Novocherkassk, 2007.
18. Haruzin M.N. Ethnography. Lectures. SPb., 1909.

Шефель Сергей Викторович

доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
(г. Симферополь)
sergey_shefel@mail.ru

Захарова Вера Александровна

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Крымский филиал Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия
(г. Симферополь)
zakharova7vera@mail.ru

**ЭКОПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ
СОЛИДАРИСТСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРЫМЧАН**

■ ■ ■

Аннотация. В статье проводится анализ факторов, способствующих выявлению диапазона и форм трансляции экологических ценностей в процессе реализации различных экосоциальных практик в этнокультурных средах Крыма, потенциала их социальной коммуникации, в частности, в таких аспектах, как рекреационная, производственная деятельность и гражданско-правовое общение. Актуализируется проблема преодоления деформаций и изъянов в правовом сознании жителей региона в контексте согласования усилий этнических сообществ Крыма для решения неотложных задач их скорейшей интеграции в культурное и правовое поле современной России.

Ключевые слова: Россия, Крым, правовая культура, правоприменение, экологические ценности, этнокультурный потенциал.

■ ■ ■

На территории Крымского полуострова сформировалась уникальная по многим социокультурным параметрам этноментальная

Sergey V. Shefel

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Humanitarian
and Social and Economic disciplines,
Crimean branch
Russian State of the University of Justice
(Simferopol)
sergey_shefel@mail.ru

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Researcher,
Crimean branch of Federal research
Sociological Center
Russian Academy of Sciences,
Senior Lecturer
Departments of Humanitarian Affairs
and Socio-economic disciplines
Crimean branch
Russian State of the University of Justice
(Simferopol)
zakharova7vera@mail.ru

**ECO-LEGAL FOUNDATIONS
OF THE SOLIDARITY POTENTIAL
OF THE ETHNOCULTURAL
INTERACTION OF CRIMEANS**

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes factors contributing to the identification of the range and forms of translation of environmental values in the process of implementing various eco-social practices in the ethno-cultural environments of Crimea, the potential of their social communication, in particular, in such aspects as recreational, industrial activity and civil-law communication. The problem of overcoming deformations in the legal consciousness of the region's residents in the context of coordinating the efforts of the ethnic communities of Crimea to solve the urgent tasks of their speedy integration into the cultural and legal field of modern Russia is becoming more relevant.

Keywords: Russia, Crimea, legal culture, law enforcement, environmental values, ethnocultural potential.

■ ■ ■

среда. Ее характеризует наличие разных этносов, предки которых пережили как ситуации межэтнических конфликтов, так и конструктивного

взаимодействия. В поисках наиболее эффективной модели сотрудничества в условиях созидания новой для себя социокультурной реальности крымские этносы обращаются к переосмыслению подходов в использовании экологических традиций, представляющих общий для них континуум сосуществования. Его правовую конфигурацию и императивное содержание определяют Основной закон (Конституция) Российской Федерации [11] и Конституция Республики Крым [10], а также наработанный за последние пять лет федеральными и местными органами законодательной, исполнительной и судебной влаstinормативно-правовой багаж и опыт его применения.

Именно на почве модернизированного законодательства и под влиянием обновляемой практики правоприменения происходит специфичный по своим результатам процесс самоидентификации крымчан как граждан новой для них Родины – Российской Федерации. На этой основе крымчане имеют возможность консолидироваться как новый государственно-правовой конструкт, но в первую очередь как ментально новая социокультурная общность. Впрочем, хотя данный правовой базис и задает интеграционную динамику всем аспектам межэтнического общения, степень его воздействия все же выявляется разной и иногда неоднозначной в отношении его отдельных составляющих. Не в последнюю очередь это зависит от целеполагающего или дезорганизующего использования (вплоть до злоупотребления правом) [16] правового потенциала модернизации крымского социума отдельными представителями прежде всего исполнительной ветви власти.

В этой связи актуализируется проблема преодоления деформаций и изъянов в правовом сознании жителей региона в контексте согласования усилий этнических сообществ Крыма для решения неотложных задач их скорейшей интеграции в правовое поле современной России. Осознавая необходимость решения этой проблемы, возникает потребность нащупать и задействовать те «рычаги» сопряжения межэтнических усилий, которые бы позволили включить в этот процесс наибольшее число крымчан.

В качестве одного из таких «рычагов» может выступать солидарно осуществляемая субъектами межэтнических отношений программа экоправового всеобуча. Ее развертывание опирается на понимание того, что в ментальности крымских этносов заложена объединяющая их идея достижения гармонии социума с природной средой как источником жизни. Формализовать ее в сфере практической деятельности крымчан позволяют как прямые нормы конституционного права, так, в частности, и закрепленные на их основе императивы экологического и природоресурсного законодательства, своими корнями уходящими в экологическую культуру христиан [22] и мусульман [9; 21].

Принятые в развитие указанных императивов решения органов законодательной и исполнительной власти, контролируемые институтами судебной ветви власти и иных компетентных

инстанций, ответственных за доминирование экологических ценностей в сфере применения норм природоресурсного законодательства, позволяют созидать и сохранять живую ткань деятельности, укрепляющей межэтническое сотрудничество. В ней и заключается исходные условия воплощения солидарного потенциала нарождающейся межэтнической общности крымчан как реального социального конструкта в обновляющемся культурном пространстве современного российского Крыма. Выстраиваемая на почве солидарного континуума экологических традиций крымских этносов, подпитываемая системным процессом императивного обновления федеральном и региональном законодательстве в сфере экологического и природоресурсного права, модель экоправового воспитания представляется эффективным источником гармонизации межэтнических отношений крымчан.

В этой связи экоправовые основания процесса модернизации крымской социальной реальности выражаются в содержании специфического элемента культурного пространства – социокультурного межэтнического синтеза, формируемого на почве сопряжения традиционных экологических традиций разных этносов с современными экологическими инновациями. К числу последних относим расширяющуюся и уже зарекомендовавшую себя инициативу представителей разных этнических групп Республики Крым по созданию экопоселений [20]. При этом их опыт еще недостаточно осмысленотечественными учеными как в сфере социологии, так психологии и культурологии. Первопроходцами в разработке данной проблематики являются А.А. Кулясова [12], И.П. Кулясов [12], М.В. Рыбакова [18; 19], М.Ю. Щукина [19], А.Шубин [25], О.Н. Яницкий [26].

Между тем, данный вид социальной практики позволяет выявить ранее не проясненные гуманитарными науками возможности ее потенциала для осуществления так необходимого на современном этапе постиндустриальной модернизации крымского сообщества экоправового всеобуча. Его ментальной сердцевиной, по нашему мнению, должно стать экоправовое воспитание крымчан какскладывающийся в форме социально организуемого конструкта механизм целенаправленного воздействия социокультурных институтов на их правосознание с целью активизации глубинных экофильных оснований их правового бытия и формирования активной позиции относительно защиты комплекса прав объектов природной среды при безусловном признании равенства прав на жизнь, как субъектов, так и объектов экосферы, а также утверждение их в качествеключевых императивов в стратегии жизнотворчества, прежде всего, в целях укрепления экоправовой государственности и обеспечения ее устойчивого развития. Интегрируя в свой эвристический базис экологическое и правовое знание, указанный конструкт получает аксиологическое обоснование в меру экоправовой рефлексии ценностных ориентаций, выражающих суть экообщения разноплановых в этноконфессиональном аспекте человеческих сообществ с природной средой [23, с. 268].

Как нам представляется, ныне не только в Крыму, но в других регионах Российской Федерации важно с учетом реалий ее геополитического положения как трансконтинентальной державы, обладающей на евразийском пространстве наиболее пестрым этноконфессиональным разнообразием с присущими ему особыми аспектами ментального кода социокультуры (на что, в частности, обратили внимание С.Н. Амельченко [1], Р.С. Байниязов [2], В.А. Сахроков [21]) и опыта полиэтничного взаимодействия [6; 24], а также задач развития не только ее правовой, но и экологической государственности [7; 14; 23], творчески использовать все экооснования человечества, в т.ч., и традиции самоорганизации социума, живущие на экофильной ментальности народов Евразии и особенностях их этнопсихологии [3–5; 8, с. 203–257, 289–327; 9; 13; 15; 17; 21; 26].

Между тем, в контексте осмысления возможностей экстраполяции опыта народов Евразии в плоскость моделирования системы экоправового воспитания в России, в целом, и в таком ее поликультурном регионе как Республика Крым еще многое предстоит сделать. Значимость этой процедуры актуализируется ролью ментальности ее населения как своеобразного «мостика» между социокультурами, в т.ч., и экоправовыми традициями, народов Евразии. Значимость такой позиции позволяет не только понять цели экоправового воспитания как важнейшего средства модернизации процесса правовой социализации крымчан, но и связать развертывание этого процесса с осмыслением уроков уже накопленного опыта функционирования на территории полуострова экопоселений как важного аспекта структурирования культурного пространства региона.

«Крымская весна» 2014 г. стала точкой отсчета возрастания подобного рода экологических инициатив, значимых для создания как материальных, так и ментальных оснований двуединого процесса оздоровления природной среды полуострова и обеспечения экологического благополучия крымчан. За последние пять лет наблюдается тенденция учета при определении экопоселений возможностей эффективного встраивания элементов данного способа жизни в стратегию экономического и экологического развития нашего региона. Это позволяет согласиться с квалификацией статуса экопоселений как многопланового и эффективного природно-хозяйственного экологического комплекса, охватывающего все основные формы жизнедеятельности человека в интеграции с окружающей природной средой, целостно интегрированные в экологическую, экономическую, социальную и культурную деятельность [18]. В этой связи, экопоселения, безусловно, можно рассматривать как форму социально-экологических практик, которые базируются на взаимопонимании и участии их основателей в формировании условий для созидания социально-культурного пространства, способствующего возникновению и поддержанию «определенного стиля и образа жизни с минимальным воздействием на окружающую среду» [19, с. 317]

Вышеизложенное позволяет выявить возможности экопоселений в укреплении гражданской идентичности крымчан путем консолидации универсальных ценностных ориентиров, способных солидаризировать специфическое этноконфессиональное сообщество Республики Крым в аспекте наращивания средств реализации потенциала экологической культуры и ответственности за экологическое состояние региона, синтезировав тем самым упомянутый ценностный контекст процесса обновления подходов к гармонизации межэтнических отношений в рамках как традиционных, так инновационных экосоциальных практик.

Анализируемая экосоциальная практика имеет, в частности, перспективы для реализации солидаристского потенциала экоправового воспитания крымчан благодаря разнообразию ландшафтов Крымского полуострова, его благоприятным климатическим условиям, возможности встраивания в систему экологического туризма и рекреации как социальных конструктах, опирающихся на экологические традиции поликультурного крымского социума. Развитие сети экопоселений в Крыму будет способствовать повышению эффективности мероприятий по выработке у крымчан и гостей региона конструктивной экологической и гражданской позиции как значимых социологических критериев закрепления в структуре их постиндустриального социокультурного кода идеалов патриотического межэтнического солидаризма.

Вместе с тем, консолидация социологической информации об особенностях становления и развития гражданской идентичности жителей экопоселений и углубление культурологического анализа возможностей использования потенциала экоправового воспитания может способствовать выявлению диапазона и форм трансляции экологических ценностей в процессе реализации основных направлений взаимодействия экопоселений с институтами многоуровневой внешней для них среды социальной коммуникации, в частности, в таких аспектах как рекреационная, производственная деятельность и гражданско-правовое общение. Это позволит выработать рекомендации, направленные на обоснование и внедрение в практику модели конструктивного взаимовыгодного сотрудничества экологических поселений с органами власти (например, содержательное наполнение мероприятий экоправового и патриотического воспитания, сопровождение «зеленого» туризма со стороны экопоселения и предоставление площадок для реализации продукции, обеспечение обустройства маршрутов «зеленого» туризма, популяризация ценностей и образа жизни экопоселенцев в СМИ и т.д., со стороны органов власти), и научными центрами региона и страны в целом (апробация инновационных альтернативных источников энергии, технологий утилизации и переработки отходов, фильтрации вод и т.д., несущие выгоду обеим сторонам), что будет способствовать оптимизации движения бюджетных средств в рамках реализуемой государственной политики в сфере повышения уровня гражданско-правового и экологического правосознания крымчан.

Литература:

1. *Амельченко С.Н.* Структура ментального кода российской культуры как основа целостности ее бытия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13(304). Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. С. 59–69.
2. *Байниязов Р.С.* Правосознание и российский правовой менталитет // Бизнес-информ. 1999. № 13–14. С. 31–40.
3. *Бандурин А.П.* О терминальных и инструментальных эколого-ценностных регулятивах современного сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2012. Вып. 2 (93). С. 19–23.
4. *Баронин А.С.* Этническая психология. Киев : Тандем, 2000. 264 с.
5. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М. : Изд. центр. РГГУ, 2000. 1008 с.
6. *Библер В.С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
7. Вершило Н.Д. Эколого-правовые основы устойчивого развития / Н.Д. Вершило; Под ред. М.М. Бринчука. М. : Формула права, 2008. 320 с.
8. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: (антология) / Пер. с англ. и франц.; сост. Л.И. Василенко и В.Е. Ермолаева; вв. ст. Ю.А. Шрейдер. М. : Прогресс, 1990.
9. *Гусейнова Ж.О.* Отношение ислама к природе как к объекту интересов и потребностей человека // Исламоведение. 2010. № 2. С. 9–20.
10. Конституция Республики Крым. Электронный ресурс. URL : <https://rk.gov.ru/ru/structure/39> (дата обращения 08.08.2019)
11. Конституция Российской Федерации. М. : Изд-во АСТ, 2018. 32 с.
12. *Кулясов И.П.* Экопоселения – новая форма сельских сообществ в России / И.П. Кулясов, А.А. Кулясова // Экология и жизнь. М., 2008. № 10. С. 20–26.
13. *Лапина З.Г.* Экологическое воспитание – творческая индивидуальность будущего / З.Г. Лапина, Чжоу Хун, К.И. Шилин. М. : ГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2002. 256 с. (Первая энциклопедия третьего тысячелетия. Т. 6).
14. *Лозо В.И.* Правовые основы экологической стратегии Европейского Союза [Концепция, про-

Literature:

1. *Amelchenko S.N.* The structure of the mental code of Russian culture as the basis for the integrity of its being // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2013. № 13 (304). Philosophy. Sociology. Culturology. Vol. 29. P. 59–69.
2. *Bainiyazov R.S.* Legalconsciousness and the Russian legal mentality // Business-inform. 1999. № 13–14. P. 31–40.
3. *Bandurin A.P.* About terminal and instrumental ecological-value-related regulations of modern consciousness // Bulletin of the Adygea State University. Ser. : Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural science. Maykop, 2012. Issue 2(93). P. 19–23.
4. *Baronin A.S.* Ethnic Psychology. Kiev : Tandem, 2000. 264 p.
5. *Batkin L.M.* European Man Alone with Himself: Essays on the Cultural-Historical Foundations and the Limits of Personal Identity. M. : Publishing. Centre. Russian State Humanitarian University, 2000. 1008 p.
6. *Bibler V.S.* The culture. Dialogue of cultures (determination experience) // Voprosyphilosophii. 1989. № 6. P. 31–42.
7. *Vershilo N.D.* Ecological and legal foundations of sustainable development / N.D. Vershilo; Ed. M.M. Brinchuk. M. : Formula of Law, 2008 . 320 p.
8. Global problems and universal values: (anthology) / trans. from English and French; comp. L.I. Vasilenko and V.E. Ermolaeva; introduction Art. Yu. A. Schreider. M. : Progress, 1990.
9. *Guseynova Zh.O.* The attitude of Islam to nature as an object of human interests and needs // Islamic Studies. 2010. № 2. P. 9–20.
10. Constitution of the Republic of Crimea. Electronic resource. URL : <https://rk.gov.ru/ru/structure/39> (date accessed 08.08.2019)
11. The Constitution of the Russian Federation. M. : AST Publishing House, 2018 . 32 p.
12. *Kulyasov I.P.* Ecovillages – a new form of rural communities in Russia / I.P. Kulyasov, A.A. Kulyasova // Ecology and life. M., 2008. № 10. P. 20–26.
13. *Lapina Z.G.* Ecological education – creative individuality of the future / Z.G. Lapina, Zhou Hong, K.I. Shilin. M. : State Unitary Enterprise Publishing House «Oil and Gas», Russian State University of Oil and Gas named after THEM. Gubkina, 2002. 256 p. (First Encyclopedia of the Third Millennium. Vol. 6).
14. *Lozo V.I.* The legal basis for the environmental strategy of the European Union [Concept, software,

граммное обеспечение, систематизация и комментарий действующего законодательства ЕС]. Харьков : Право, 2008. 368 с.

15. *Майер-Абих К.М.* Восстание в защиту природы. От природной среды к целостному социо-природному пространству / К.М.Майер-Абих; Пер. с нем. А. Ермоленко. Киев : Либра, 2004. 196 с. (на укр. яз.)

16. *Малиновский А.Л.* Злоупотребление правом : монография. М. : МЗ-Пресс, 2002. 128 с.

17. *Несс А.* Менталитет будущего / А. Несс, П. Мейляндер. URL : <http://greenworld.org.ru>

18. *Рыбакова М.В.* Потенциал экоселений в социально-экологической модернизации современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Изд-во : ИНИОН РАН. М., 2015. С. 366–371

19. *Рыбакова М.В.* Экоселения как социальная экологическая практика общества / М.В. Рыбакова, М.Ю. Щукина // Социально-гуманитарный знания. 2012. № 4. С. 316–324.

20. Сайт Поселения.ру: Родовые поместья, родовые поселения, экоселения. URL : <http://poselenia.ru/search-рp>. (дата обращения 30.01.2019).

21. *Сахроков В.А.* Экософия культуры ислама: социология будущего / В.А. Сахроков, К.И. Шилин. М.-Новосибирск : ООО «Издательство ЮКЭА», 2001. 154 с. (Первая энциклопедия третьего тысячелетия. Т. 5).

22. *Хрибар С.Ф.* Права природы. Христианский взгляд // Гуманитарный экологический журнал. 2003. Т. 5. С. 29–32.

23. Экософия права : монография / Под общ. ред. д.ф.н., проф. С.В. Шефеля. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. 378 с.

24. Этнонациональные конфликты на Северном Кавказе: от конфронтации к сотрудничеству / Под общ. ред. проф. М.Ю. Попова. Ростов-н/Д. : ООО «Наука-Спектр», 2009. 447 с.

25. *Шубин А.* Альтернативные общины: экзотика или дорога в будущее // Бюллетень Московского ИСАР. 1998. С. 8–16.

26. *Яницкий О.Н.* Экологическая парадигма как элемент культуры // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 83–93.

systematization and commentary on current EU legislation]. Kharkov : Law, 2008. 368 p.

15. *Mayer-Abikh K.M.* Rebellion in defense of nature. From the natural environment to an integral socio-natural space / Transl. with him. A. Ermolenko. Kiev: Libra, 2004. 196 p. (in Ukrainian)

16. *Malinovsky A.L.* Abuse of law : monograph. M. : MZ-Press, 2002. 128 p.

17. *Ness A.* The mentality of the future / A. Ness, P. Meylander. URL : <http://greenworld.org.ru>

18. *Rybakova M.V.* The potential of eco-settlements in the socio-ecological modernization of modern Russia // Russia: trends and development prospects. Yearbook. Publishing House: INION RAS. M., 2015. P. 366–371

19. *Rybakova M.V.* Ecovillages as a social ecological practice of society / M.V. Rybakova, M.Yu. Schukina // Social and humanitarian knowledge. 2012. № 4. P.316–324.

20. The site of Settlement.ru: patrimonial estates, patrimonial settlements, eco-settlements. URL : <http://poselenia.ru/search-рp>. (date of treatment 01/30/2019).

21. *Sakhrokov V.A.* The ecosophy of the culture of Islam: the sociology of the future / V.A. Sakhrokov, K.I. Shilin. M.-Novosibirsk: Publishing House UKEA LLC, 2001. 154 p. (First Encyclopedia of the Third Millennium. Vol. 5).

22. *Khribar S.F.* The rights of nature. Christian view // Humanitarian environmental journal. 2003. Vol. 5. P. 29–32.

23. The ecosophy of law: monograph / Ed.: Doctor of Philosophy, prof. S.V. Shefel. Simferopol : IT «ARIAL», 2016. 378 p.

24. Ethnonational conflicts in the North Caucasus: from confrontation to cooperation / Ed.: prof. M.Yu. Popov. Rostov-on/D. : Nauka-Spectr LLC, 2009. 447 p.

25. *Shubin A.* Alternative communities: exotic or road to the future // Bulletin of Moscow ISAR. 1998. P. 8–16.

26. *Yanitsky O.N.* Ecological paradigm as an element of culture // Sociological studies. 2006. № 7. P. 83–93.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Васьков Максим Александрович
доктор социологических наук,
профессор Академии педагогики
и психологии,
Южный федеральный университет
vaskovmaxim@mail.ru

Ямалов Алис Валерьевич
эксперт,
Научный центр
международных и межрегиональных
системных исследований
и прогнозирования «Мир Кавказа»
vaskovmaxim@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМА В АБХАЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И КОНФЛИКТОГЕННЫХ РИСКОВ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются особенности Исламской религии в современном абхазском обществе. Исследование проводится с учётом трансформационного характера современной Абхазии, в которой присутствуют как архаические, так и современные аспекты социальных отношений. Роль Ислама рассматривается в широком историческом контексте, учитывающем особенности жизни мусульман Абхазии в различные исторические периоды, влияние фактора, который связан с абхазской общиной проживающей в Турции. Изучаются конфликтогенные риски и политический контекст.

Ключевые слова: исламское общество, политика, война, культура, социальные связи, исторический контекст.

■ ■ ■

Ислам в Абхазии имеет свою специфику, которая оказывает влияние на характер социально-политических процессов в этом регионе, что, безусловно, нужно учитывать, в том числе, и с позиций политических наук. Наиболее корректным будет сравнение с другими регионами Кавказа, которые не являются независимыми государствами, а входят в состав Российской Федерации. В отличие от других народов проживающих на территории Северо-Восточного Кавказа, которые в наибольшей степени выступают носителями исламских традиций и религиозной идентичности с той ситуацией и вариантом ислама, которая объективно есть Абхазии, то можно увидеть целый комплекс отличий.

Maxim A. Vaskov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Academy
of Pedagogy and Psychology,
Southern Federal University
vaskovmaxim@mail.ru

Alis V. Yamalov
Expert,
Science Center International
and Interregional System Studies
and Forecasting
«The World of the Caucasus»
vaskovmaxim@mail.ru

FEATURES OF ISLAM IN ABKHAZIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS AND CONFLICT RISKS

■ ■ ■

Annotation. The article discusses the features of the Islamic religion in modern Abkhaz society. The study is conducted taking into account the transformational nature of modern Abkhazia, which contains both archaic and modern aspects of social relations. The role of Islam is considered in a wide historical context, taking into account the peculiarities of the life of Muslims of Abkhazia in various historical periods, the influence of a factor that is associated with the Abkhaz community living in Turkey. Conflict risk and political context are being studied.

Keywords: Islam society, politics, war, culture, social ties, historical context.

■ ■ ■

Прежде всего, обращает на себя внимание полное отсутствие так называемого суфийской мировоззренческой и обрядовой исламской традиции. В случае с абхазскими мусульманами практически отсутствует четко фиксируемая в других территориях Кавказа дифференциация на различные религиозные течения, которые имеют достаточно глубокие и чётко определяемые отличия. В частности, речь идёт о заметных отличиях в исламских традициях вайнахских народов и народов Дагестана – тарикатов и вирдов.

Дифференциация исламских течений, появление школ в исламском законодательстве, обрядовых традициях и философии – это показатель и надёжный признак развитой религиозной системы.

В Абхазии был достаточно упрощённый их вариант, который к тому же был очень сильно смешан с различными языческими течениями и традициями.

Причём, они имели приоритет в повседневной жизни абхазов. В силу этого обстоятельства вполне закономерным явлением стало то, что после завершения эмиграции из Абхазии в Османскую Империю всех наиболее ревностных и последовательных приверженцев даже такого упрощённого и смешанного с языческими верованиями ислама, в Абхазии он стал практически не заметен. Например, на территории Абхазии не было ни одной действовавшей мечети, не говоря уже об отсутствии даже минимального уровня исламского духовного образования в сфере исламской обрядовой традиции и законодательства.

Постсоветский период в истории абхазского общества, связан с героическими и формирующими современное мировоззрения абхазского народа и, одновременно, трагическими событиями, характер которых был определён войной за независимость, сопровождавшейся большими человеческими жертвами, материальными потерями и разрушениями.

В результате распада Советского Союза и его общественно-политической системы к власти в Грузии пришли деятели Народного фронта З.К. Гамсахурдия и М.И. Костава. Их репутация была сформирована ещё в советский период, поскольку они были одними из ключевых политических фигур для грузинского сегмента в диссидентском антисоветском движении. Они изначально выступали, используя конструкт из квазидемократической и, одновременно, крайне националистической риторики, которая внутри самой Грузии не только мобилизовала их сторонников и была эффективной альтернативой изживавшейся идеологии советского интернационализма, но она привела к резкому обострению в межнациональной обстановке и создала условия для противостояния автономий и центральной власти. Против нацистской, по сути, идеологии новых властей Грузии выступили Абхазия и Южная Осетия, которые вынуждены были защищать право своих народов на жизнь.

Требования и предпринимаемые конкретные действия, связанные с попытками геноцида и насилия в отношении представителей национальных автономий, направленные на создание в Грузии моноэтнической республики, привели к открытой агрессии со стороны Грузии и вооружённому конфликту.

Пришедшее на смену З. Гамсахурдия правительство Э.А. Шеварнадзе проводило прямое вооружённое вторжение в Абхазию и сопутствующую военным действиям политику геноцида абхазского народа, но военные действия закончились полной победой армии Республики Абхазия и утверждением её государственности.

В возрождении ислама в Абхазии большую роль сыграло участие мусульман регионов Северного

Кавказа и представителей абхазской диаспоры из Турции в войне с Грузией. С учётом вопросов международных отношений, было неизбежно, что ведущую роль сыграли в ней именно российские добровольцы и оказанная ими помощь абхазскому народу. Их реальный вклад в победу Абхазии действительно невозможно переоценить. Если чёткое религиозное сознание и готовность следовать всем основным нормам ислама было у абхазов, проживавших в Турции, то у добровольцев, представлявших регионы Кавказа, религиозное чувство было вторичным по отношению к начинавшей возрождаться общекавказской идентичности. Но с течением времени исламский фактор во взаимоотношениях абхазов и представителей народов российского Северного Кавказа возрастал.

Структурированное влияние ислама осуществлялось во время войны Абхазии за независимость со стороны такой мощной на тот исторический период организации, как Конфедерация горских народов Кавказа (далее, КГНК).

КГНК в память о тех событиях до сих пор пользуется в Республике Абхазия очень большим уважением, при том, что влияния данной организации в собственно российских регионах уже давно не чувствуется. В рассматриваемый исторический период КГНК была представлена достаточно одиозными деятелями, например будущим террористом Ш.С. Басаевым и тому подобным деятелями, которые впоследствии отметились во время войны в Чеченской Республике и участием в многочисленных террористических актах.

Героический период в становлении современного абхазского общества совпал с общей тенденцией на Кавказе к возрождению традиций, как национальных, так и религиозных. Это время было впоследствии названо всплеском этничности [1].

С распадом Советского Союза и исчезновением ранее господствовавшей коммунистической идеологии народы, входившие в его состав, начали искать новую идентичность и мировоззренческие ориентиры и, как правило, находили их в национально-этническом пространстве и религии. К тому же, начали возрождаться, казалось бы, давно утраченные политико-идеологические конструкты и представления. В этих условиях абхазское общество, которое, к тому же, находилось в состоянии системного кризиса и экзистенциальной военной угрозы начало искать ориентиры в среде близких абхазам по языку и крови народов Кавказа. В частности, речь идёт обо всём обширном адыго-черкесском ареале, включая и диаспору в Турции, Сирии, и других арабских странах. Данное положение дел не могло не привести к усилению исламского фактора.

В это же время, российские регионы Кавказа переживали этап бурного возрождения одновременно ислама, как мировоззренческого и религиозного принципа, и возможности выйти за те рамки, которые очерчивал ранее железный занавес, и стать частью глобального исламского

мира. Ислам был фактором в многочисленных конфликтах на Кавказе, особенно, если они разворачивались между не просто народами, а именно той их частью, которая принадлежала к различным религиозным конфессиям. Здесь наиболее ярким может считаться осетино-ингушский конфликт, но, к сожалению, были и другие очаги противостояния с национально-религиозным фактором.

В Абхазии построено светское, но достаточно традиционное и закрытое по отношению к системе политики общество с клановой системой политических отношений. Оно строится на балансе сил различных политических групп влияния, а вовсе не на авторитете, какой - либо внешней по отношению к этим кланам политической или религиозной силы. Такую выжидательную позицию определяло ещё и то обстоятельство, что ислам чётко ассоциировался как у политической элиты Абхазии, так и у обычных людей с влиянием Турции [2, с. 443].

На территории современной Республики Абхазии ислам утвердился только в эпоху Нового Времени, причём, в условиях жесткого доминирования, идеологического и силового воздействия Османской Турции. Несмотря на то, что привносился ислам в достаточно классическом суннитском варианте и с полнотой шариатского законодательства и социальных практик, какой-либо глубокой религиозностью и скрупулёзным соблюдением исламских традиций и предписаний жители Абхазии, как и подавляющее большинство этнически близких к ним народов Северо-Западного Кавказа, не отличались. Большинство были мусульманами чисто формально или лишь частично соблюдали необходимые предписания и номы, отдавая предпочтение традициям, а не религиозным правилам и устоям.

Традиционно, для абхазов, их этническая идентичность, а не принадлежность к исламской умме или христианскому миру были первоочередными приоритетами. Если мы возьмём для сравнения с иными территориями, которые входили в состав Османской или Российской империи, то можем увидеть абсолютно противоположную ситуацию.

Например, очень интересны итоги воздействия исламизации и та религиозно-культурная ситуация, которая сложилась в государствах, расположенных в Средней Азии. Здесь можно смело констатировать, что под влиянием ислама появился принципиально иной тип общества, соответствующих социальных отношений и связанных с ними моделей идентичности [3, с. 19]. «Плавильным котлом» была Османская Турция по отношению к абхамам, которые появились там после окончания Кавказской Войны.

Для современного миропонимания абхазского общества и формирования существующей в нём системы социальных связей и отношений, а также определённого актуального мировоззрения, очень большую роль играют ход и последствия Кавказской Войны XIX-го века. В тех событиях, которые не потеряли своей актуальности для

Кавказа и сейчас, абхазы принимали активное участие. Учитывая сложность происходивших тогда событий, ислам стал определённым идентификатором цивилизационного выбора, а не просто маркером лояльности или нелояльности по отношению к Российской Империи и её политике.

Если учесть тот фактор, что Кавказская Война закончилась на территории, которая относилась к месту исторического проживания абхазов в Красной поляне только в 1864 г., то именно в этом регионе война продолжалась дольше всего и носила наиболее ожесточённый характер, возможно было бы прогнозировать дальнейшее углубление и расширение исламизации абхазского народа, поскольку ислам был, наряду с национализмом, основной движущей силой в войне, которая носила характер национально-религиозной, но обозначалась исключительно религиозными терминами Газават или Джихад. В этой ситуации ислам должен был выступать консолидирующей и побуждающей к продолжению противостояния с Российской Империей силой, поскольку позволял найти универсальную идеологию и преодолеть национальные конфликты среди горцев и мог обеспечить международную поддержку возобновлению войны с Российской Империей со стороны мусульманских государств и, прежде всего, Османской Турции.

Христианство, которое так же является национально-религиозной основой консолидации и сотрудничества, не могло быть принято большинством горцев. Это было связано с тем, что война шла с православной в своей основе Российской Империей, традиционно противостоявшей не только собственно горцам Кавказа, но их основному покровителю в лице Османской Турции, которая, наоборот, в ходе Кавказской войны пыталась позиционировать себя в качестве защитника ислама против новых крестоносцев.

Ситуацию изменило такое явление, как массовое переселение абхазов-мусульман на территорию Турции, которое получило в истории название мухаджирства и привело к значительно трансформации всего абхазского общества, последствия которой играют определяющую роль в социальных процессах и в настоящее время. В последующий исторический период мухаджирство свело проблему адаптации и интеграции горцев-мусульман на Западном Кавказе в систему социально-правовых норм Российской Империи, практически, к самым минимальным значениям.

Исход мусульманского населения, который был связан не столько сдавлением российских властей, сколько с агитацией со стороны мусульманского духовенства, агентов османского правительства и решением князей и дворян, которые после отмены крепостного права в Российской Империи боялись потерять своих зависящих от них крепостных, полностью изменило всю ситуацию в Абхазии и на Кавказе, в целом. Можно в этой связи тот отметить интересный факт, что горцы Кавказа отказывались верить, что в Российской Империи достаточно комфортно живут большие мусульманские общины, например,

в Астрахани, Казани, Сибири. Они считали такую информацию обманом и не хотели верить даже тем горцам, которые служили в Императорской армии и сами видели реальное положение мусульман в России.

Исход такого большого количества мусульманского населения в Османскую Турцию создал все необходимые предпосылки для возрождения христианства в Абхазии. Данная политика была связана как с централизованными действиями со стороны Российской Империи, так и мерами частного порядка, которые инициировались со стороны духовенства Грузии. В частности, активность в этом вопросе, причём, представленная как возвращение к заветам предков, была особенно заметна в таких регионах, как Абжуйская и Самурзаканская Абхазия. Учитывая слабую укоренённость ислама в абхазском обществе того времени, сохранившиеся воспоминания о недавнем христианском прошлом, а так же верность горским традициям и обычаям, к которым христианство относилось более лояльно, чем ислам, начался процесс достаточного быстрого и массового перехода абхазов в православное христианство.

Получившее наибольшее распространение в Абхазии христианство подверглось в ходе культурной революции, практически, полному разгрому, но советская национально-религиозная политика исключала и условия для возрождения в Абхазии ислама. Фактически, получилось так, что ещё оставшиеся, пусть и в меньшинстве, абхазские мусульмане были просто не замечены теми государственными структурами СССР, которые занимались религиозными вопросами.

В частности, основное учреждение, которое занималось исламом в данном регионе, было «Духовное управление мусульман Закавказья», но оно должно было заниматься вопросами ислама только по отношению к суннитам – аджарцам и азербайджанцам – шиитам. Абхазия официально осталась вне поля зрения практически всех официальных структур, которые должны были заниматься религиозными (исламскими) вопросами. На территорию Абхазии, которая стала в качестве автономии входить в состав Грузинской ССР, полномочия структур, занимающихся исламом от имени советской власти, просто не распространялись.

Коренная трансформация основ жизни общества, внедрение новых идеологических систем, ломка всего жизненного уклада, которые происходили во время распада советской государственности, а также формирование нового социального порядка в начале 1990-х гг. полностью изменило ситуацию. Внутренние трансформационные процессы, одновременно с этим, усилили внешнее влияние на все социальные и политико-идеологические процессы, происходившие в недавнем прошлом в бывшей автономной республике Абхазия, которая теперь стремилась к обретению государственной независимости [4].

На характер религиозной ситуации, как, впрочем, и на все процессы в республике повлиял ход и

последствия войны за обретение независимости и защиту от грузинской оккупации. Социальные последствия данного периода заключались в формировании резкого неприятия всего, что исходило со стороны Грузии, в том числе, и в религиозном вопросе. На этот момент подавляющее большинство абхазов сохраняли приверженность к христианству, которая скрывалась в советское время, но это христианство не принималось со стороны грузинской Церкви. Возросла роль непосредственно Московского, а так же Константинопольского патриархата, особенно второго, учитывая, фактически, предательскую позицию со стороны московских патриархов по отношению к абхазским христианам, поскольку московская патриархия отстаивала принцип канонической территории грузинской церкви.

Что касается ислама, то большую роль в создании условий для его возрождения сыграло значительное участие в боевых действиях на стороне Абхазии против грузинских националистов З. Гамсахурдия и Э. Шеварнадзе добровольцев, из, преимущественно, южных и кавказских регионов Российской Федерации, причём, они воспринимались без какого-либо отождествления с Российской Федерацией как таковой. В данном контексте особое значение имеет участие вооружённых отрядов, состоявших из уроженцев мусульманских республик российской Северной Кавказа. Совместная защита абхазского народа представителями различных народов российского Кавказа, для которых ислам в условиях падения значения понятия гражданственности и несформированности российской государственной идентичности стал, по сути, единственным объединяющим фактором. Эти события способствовали так же тому, что ислам, вообще, стал ведущим фактором общекавказской идентичности в России [5].

В это же время, формируется ряд тенденций, которые впоследствии стали играть негативную роль в российско-абхазских отношениях. В частности, представители радикальных политических движений, к которым можно отнести и воевавших в Абхазии представителей возрождающегося казачества, негативно относились к идее российского государства. Подавляющее большинство таких добровольцев жили идеями, восходившими к Кавказской войне, расказачиванию, репрессиям, тем более, что само российское государство в этот исторический период проявляло непоследовательность и слабость, что на Кавказе всегда воспринимается крайне негативно. Для их формирования была определена историческая основа, которая была связана с особенностями процесса Кавказской войны. Однако нельзя забывать и об отрицательных тенденциях, которые были связаны с неготовностью политико-административной элиты новой России грамотно отреагировать на процессы, происходившие на Большом Кавказе, вообще, и, в частности, на территории Абхазии.

Достаточно слабой и непоследовательной была попытка российских властей в крайне неблагоприятных условиях остановить развитие конфликта между Грузией и Абхазией, когда уже

стала очевидной невозможность достижения в этом вопросе компромисса. Так же свою негативную роль сыграло участие России в экономической блокаде, общая слабость политики российской административно-управленческой элиты, что привело к ослаблению позиций России, в целом, в отношениях с Абхазией. Положение смогло выправиться только после признания Российской Федерацией независимости Республики Абхазия после войны с Грузией в 2008 году.

Описанная выше тенденция к возрастанию роли ислама во всём регионе совпала с процессом активного формирования сил в абхазском обществе, ориентированных на сближение и союз с Турцией. Это, безусловно, имело свои внешние корни и сложную систему детерминаций.

Прежде всего, можно говорить о значении именно государственной политики Республики Абхазии после обретения государственно независимости де-факто, по переселению потомков мухаджиров, подавляющее большинство которых составляли именно граждане Турции. Их переселение на историческую родину неизбежно привело к росту числа уже собственно граждан Республики Абхазия, которые открыто и последовательно исповедовали ислам. В связи со значительным увеличением мусульман в Республике Абхазии, для развития и координации деятельности мусульманской общины было в 1999 году создано Духовное управление мусульман. Инициатором его создания стал первый Президент Республики Абхазия В.Г. Ардинба. Для него, историка по образованию и крупного специалиста в области истории и культуры Абхазии, на первом месте было признание не религиозных различий, а национальной, языковой и культурной общности всех абхазов.

Руководство Духовного управления мусульман Абхазии сосредоточилось в руках АдилаГаблии, уроженца Турции, который начал проводить активную политику в протурецком духе и с определёнными антироссийскими тенденциями. Такая активность в непривычном для Абхазии направлении религиозной политики и, в целом, активная позиция представителей мусульманской общины в вопросах общественной жизни Республики Абхазия стали источником напряжённости и конфликтов в высшей клановой элите [6]. Вообще фактор истории и исторической памяти является для Абхазии очень значимым, но имеющим откровенно противоречивые тенденции. В частности актуальным для современного абхазского общества является вопрос об отношении с Россией. Риторика, связанная с обращением к событиям Кавказской войны, пытается сделать Россию виновником раскола абхазского народа и его отрыва от корней в адыго-черкесском мире. С другой стороны именно Россия выступает сейчас гарантом безопасности и источником средств для развития Республики Абхазия. Нужно отметить, что в контексте таких

Литература:

1. *Иордан М.В.* Этническая культура: теоретико-методологическая преамбула к эмпирическому

разноречивых тенденций очень трудно сориентироваться как простым жителям Абхазии, так политикам, принимающим ключевые для страны решения.

Так же она не могла не получить самое противодействие со стороны набравших силу в период войны за независимость и послевоенный период в целом традиционных для Абхазии клановых объединений. Здесь ключевым был вопрос власти, поскольку главы кланов, опираясь на нормы и представления связанные с обычным правом не хотели делить своё влияние с адептами ислама, которые к тому же ориентировались на Турцию, как центр принятия ключевых решений [7, с. 37].

Такая ситуация, в целом, и обострявшееся противостояние по конкретным вопросам существенно повлияло и значительно замедлило активность и темпы роста численности мусульманской общины в Республике Абхазия. В этих условиях руководство Духовного управления мусульман пошло на определённое изменение своей политики и, прежде всего, попыталось обеспечить лояльность со стороны близких к России представителей абхазской элиты и собственно российских представителей и установило партнёрские отношения с некоторыми официальными мусульманскими организациями действовавшими на территории Российской Федерации.

Ислам в современной Абхазии находится под очень серьёзным и системным внешним влиянием. В этом контексте можно говорить, прежде всего, об интересах со стороны Турции, которая располагает самой большой по численности адыго-абхазской диаспорой, настроенной отрицательно по отношению к России. Турция имеет в данном регионе можно сказать традиционные интересы и рассматривает Кавказ как часть своего глобального пантюркистского проекта [1]. В отношении адыго-абхазского ареала Турция исходит из общности не столько этнического происхождения, адыго-абхазы не являются тюрками, сколько из-за общности религиозной и традиционных исторических связей, которые, по мнению турецкой стороны, были насильственно разорваны действиями России.

Здесь необходимо отметить следующий момент. В ближайшей актуально-политической перспективе, остается открытым важный вопрос о том, насколько мусульмане Республики Абхазия смогут найти самоопределение в сложных факторах, связанных не только с влиянием Турции, но и задачами сохранения Абхазской независимости, национально-патриотической идеологией и соответствующими движениями, а так же интересами Российской стороны [8]. От которой на настоящий момент зависит существование Республики Абхазия как независимого государства, поскольку именно Россия признала Республику Абхазия и предоставила ей гарантии безопасности и экономическую поддержку.

Literature:

1. *Jordan M.V.* Ethnic culture: theoretical and methodological preamble to empirical study // Ethnic

исследованию // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М. : Нальчик, 1997.

2. *Филиппова Е.И.* Этнополитические конфликты в Абхазии и Южной Осетии: причины, динамика, уроки / Е.И. Филиппова, М.Ю. Мартынова, С.Н. Абашин, И.С. Савин, В.И. Соколов, А.А. Ярлыкапов, Г.Г. Косач, С.М. Маркедонов // В сборнике: Этничность и религия в современных конфликтах. М., 2012. С. 443.

3. *Шевченко О.М.* Черноморско-каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции / О.М. Шевченко, М.А. Васьков, Ю.Г. Волков, А.В. Лубский, И.П. Добаев, Ф.А. Барков, Е.Ю. Баженова, А.О. Дайкер, В.В. Черноус, А.В. Сериков. Издательство Южного федерального университета. Ростов-н/Д., 2015. С. 19.

4. *Малашенко А.* Ислам для России. М.: Московский центр Карнеги – Российская политическая энциклопедия. 2007

5. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская идентичность в процессах российской социокультурной трансформации: к методологии анализа и механизмам регулирования / Х.Г. Тхагапсоев; Южнороссийское обозрение ЦСРИИП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. // Этноэтатизм и этнократии на Юге России Вып. 37, 2006.

6. *Магомедов А.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.

7. *Дягтерев А.К.* Исламизм: социологический дискурс / А.К. Дягтерев, В.В. Черноус // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2(62). С. 37.

8. Исторические предпосылки современных процессов и тенденций на Северном Кавказе // Серия: проблемы национальной безопасности/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 11 (263). URL : <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm>

culture: the problem of self-preservation in the modern context (cultural essays). М. : Nalchik, 1997.

2. *Filippova E.I.* Ethnopolitical conflicts in Abkhazia and South Ossetia: causes, dynamics, lessons / E.I. Filippova, M.Y. Martynova, S.N. Abashin, I.S. Savin, V.I. Sokolov, A.A. Shortcut, G.G. Kosach, S.M. Markedonov // In the collection: Ethnicity and religion in modern conflicts. М., 2012. P. 443.

3. *Shevchenko O.M.* Black Sea-Caspian Region: Challenges and Threats to Russia 's National Security in the Context of Geopolitical, Geo-Religious and Geo-Economic Competition / M.A. Vaskov, Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky, I.P. Dobayev, F.A. Barkov, E.U. Bazhenova, A.O. Dyker, V.V. Chernous, A.V. Serikov. Southern Federal University Publishing House. Rostov-on/D., 2015. P. 19.

4. *Malashenko A.* Islam for Russia. М. : Carnegie Moscow Center – Russian Political Encyclopedia. 2007

5. *Thagapsoyev H.G.* Caucasus Identity in the Processes of Russian Sociocultural Transformation: to the Methodology of Analysis and Mechanisms of Regulation//Ethnoetatism and Ethnocracy in the South of Russia/South Russian Review of CSRIIP IPPC of RSU and ISPI RAS. Issue. 37, 2006.

6. *Magomedov A.* Mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political re-establishment «"from below» (comparative analysis on the example of republics and regions of the Volga region). Moscow Public Science Foundation; LLC «Publishing Center of Scientific and Educational Programs», 2000.

7. *Djagterev A.K.* Islamism: sociological discourse / A.K. Djagterev, V.V. Chernous // Scientific thought of the Caucasus. 2010. № 2(62). P.37.

8. Historical Prerequisites of Modern Processes and Trends in the North Caucasus // Series: National Security Problems/Analytical Journal of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2005. № 11(263). URL : <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm>

Любецкий Николай Петрович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
спортивных дисциплин,
Донской государственной
технической университет
lyubeckiyn@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

СОЗДАНИЕ НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИИ И ОТКАЗ ОТ ИДЕОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Аннотация. Две мировые войны и регулярно повторяющиеся в XX–XXI веках финансово-экономические кризисы подводят авторов статьи к мысли о кризисе социально-политической системы капитализма, который сегодня достиг пика. Кроме того, развитие России значительно сдерживает идеология либерализма, в корне противоречащая менталитету русского народа, его культурно-историческим и духовно-нравственным корням. Авторы в статье подробно излагают условия, необходимые для возрождения современной России, а именно: возвращение к Традиции и отказ от идеологии либерализма.

Ключевые слова: либерализм, капитализм, семья, православие, постмодернизм, идентичность, воспитание, нравственность, личность, гражданское общество, русский народ, болезнь европейничанья, элита.

Мы живем в очень любопытную эпоху – в эпоху постмодерна, в эпоху крушения больших нарративов, в эпоху «believeinanything» («верь во всё что угодно»), в эпоху «фальшивых новостей» и «постправды». Эта эпоха, возникшая после двух мировых войн, когда ощущение рациональности мира начало уходить из массового сознания. Люди, которые ещё в 1913 году были уверены в том, что всё в мире разумно, логично и подчиняется определённой логике и законам, а потому принципиально подвластно человеку, уже через треть века, после двух мировых войн, осознали, что это не совсем так, что

Nikolay P. Lyubetsky
Candidate of Sociological Science,
Associate Professor of Department
Sports disciplines,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Samygin Sergey I.
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of chair of Human Resource
Management and Sociology,
Rostov State Economic University
(RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

CREATING THE NECESSARY REQUIREMENTS OF THE REVIVAL OF RUSSIA: RETURN TO TRADITION AND REFUSAL FROM IDEOLOGY OF LIBERALISM

Annotation. The two world wars and financial and economic crises that regularly recur in the XX–XXI century bring the authors of the article to the idea of a crisis of the social and political system of capitalism, which has reached its peak today. In addition, the development of Russia is significantly constrained by the ideology of liberalism, which fundamentally contradicts the mentality of the Russian people, its cultural, historical and spiritual-moral roots. The authors in the article set out in detail the conditions necessary for the revival of modern Russia, namely: a return to the Tradition and a rejection of the ideology of liberalism.

Keywords: liberalism, capitalism, family, orthodoxy, postmodernism, identity, upbringing, morality, personality, civil society, the Russian people, the disease of Europeanism, the elite.

человек во многом иррационален, что он склонен к саморазрушению, что «большие идеи» не спасают человека от саморазрушения [1, с. 39].

По мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Культура постмодернизма, сколько бы приставок «пост» мы к ней ни прибавляли, не способна вывести современного человека из глубокого нравственного и духовного кризиса, в котором он оказался. Почему? Потому что культура, построенная, на отрицании опыта предшествующих поколений, на отрицании традиций, на разрушении вечных нравственных истин, априори

ри деструктивна и ввергает людей в духовный хаос. Потому в перспективе она нежизнеспособна [2, с. 231].

Глава Русской Церкви неоднократно подчеркивал в своих выступлениях, что так называемые «универсальные» ценности секулярного модерна и постмодерна не выдержали исторической проверки: мир становится всё менее стабильным и предсказуемым, всё более опасным. Именно это вызывает новое стремление в Европе к традиционализму, консервативной демократии и обществу социальной справедливости. По мнению итальянского философа Юлиуса Эвола традиция – это неизменное в изменениях. Однако эта, справедливая сентенция итальянского философа не про Россию начала – конца XX века.

Как свидетельствует драматический опыт русского общества XX века, отечественная творческая интеллигенция, в силу низкой политической культуры, политической несамостоятельности, болезни «европейничанья», русофобии и богоборчества, не справилась с ролью стратега и мудрого поводыря для своего народа – максималиста и правдолюбца. Главная трагедия русского народа заключалась в том, что он позволил оболгать национальную историческую память, надругаться над своей традицией, веками создававшейся усилиями предков, позволил разделить себя на враждующие лагеря и поставить политические и социальные различия выше национального единства и культурной общности [3, с. 68]. Вместо якоря стабильности общества и русского государства, отечественная либеральная интеллигенция, «мозги нации», в связи с утратой идентичности, в условиях системного цивилизационного кризиса, явилась не спасителем России на крутых изломах отечественной и мировой истории, а катализатором социально-экономических и политических потрясений в нашей стране, что привело к чудовищным людским и материальным потерям в XX веке и сегодня поставило на грань выживания нашу экономически и духовно ослабленную евразийскую цивилизацию [4, с. 130]. Василий Осипович Ключевский как-то отметил, что «история – это надзирательница, которая ничему не учит, но жестоко наказывает за незнание уроков».

История России XX века свидетельствует о том, что революции, как правило, совершаются сверху, элитой, которая увлекает народ энергетикой разрушения. Это бывает либо своя компрадорская элита, оторванная от традиций, либо – чужая, озабоченная колониальными интересами. Простой народ органически не склонен к революционности, напротив, он – хранитель традиции, что, отнюдь, не мешает ему желать социальной справедливости. Обе катастрофы, которые постигли нашу страну в начале и в конце XX века, были вызваны тем, что национальная элита оказалась неспособна адекватно ответить на вызовы времени. Дали о себе знать и отрыв российской элиты от народа, и её увлечение идеями, не имеющими культурно-исторических корней в русской действительности. Сегодня в России ищут образ будущего. Мы, вместе с Патриархом Кириллом считаем, что образ будущего –

это образ народа и образ элиты, достигших взаимодополнения. Настоящая элита – это те, кто принял на себя ответственность за судьбу страны, кто отождествляет личные интересы с национальными, государственными интересами. Элиты и народ должны быть нераздельным, единым целым [5, с. 88]. И это важное условие возрождения России.

В условиях глобальной «гибридной войны», то есть, жесткого противостояния России и Запада, когда вопрос стоит уже о самом существовании России, российская интеллигенция (креативный слой) может и должна вновь стать «локомотивом истории» и мощной созидательной силой в судьбе России XXI века, в создании социально-эффективного общества и государства, если она окончательно избавится от болезни «европейничанья», богоборчества и русофобии, и будет солидарна с собственным народом, в вопросах или социалистического будущего России, или на началах просвещённого консерватизма и евразийства (глубокая антипатия к Западу и европоцентризму), а капитализм и либерализм отпадают и это уже точно, ибо это путь к новому рабоче-владельческому строю и к деградации всей общественной структуры. Так, вместе с нами, считают видные представители современной российской элиты: Александр Проханов, Сергей Кургинян, Андрей Фурсов, Сергей Глазьев, Александр Дугин, Николай Стариков, Михаил Делягин, Никита Михалков, Наталья Нарочницкая, Леонид Ивашов и многие другие. Последние 200 лет – это история противостояния финансового и промышленного капитала. В XIX веке верх брал финансовый капитал, а в первые три четверти XX века промышленный капитал смог взять реванш. С 1970-х годов вновь началось резкое усиление финансового капитала, который вместе с корпоратократией подмял под себя капитал промышленный.

Великий американский мыслитель XX–XXI вв. Линдон Ларуш всегда был сторонником того, что он называл «физическая экономика», то есть реальная экономика. Он прекрасно понимал, что финансоволиберализованный капитализм – это капитализм паразитический, мародёрский. Еще более суровый приговор капитализму вынес доклад Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планет», опубликованный в декабре 2017 года, констатировавший, что в 80-х годах прошлого века произошло вырождение капитализма: 98 % финансовых операций носят ныне спекулятивный характер, в офшорных зонах спрятано от 21 до 32 трлн долл.! [6, с. 73]. Что касается либерализма, то, по мнению русского писателя и публициста Александра Проханова: «Либерализм ввёл в обиход нашей жизни безумный эгоизм отдельно взятой аморальной личности, свирепое стяжательство, поклонение чудовищному божеству («золотому тельцу») во имя которого совершаются злодеяния, насилие, разворовывание несметных богатств России, обесценил труд... Либерализм – страшное для русских людей слово. Десятилетиями Россия, как рыба, плавала в серной кислоте либерализма. Горбачёвский либерализм привёл к гибели великого красного цар-

ства. Либерализм рассёк территории и перессорил народы. Либерализм разгромил великую советскую индустрию, уничтожив тысячи удивительных технологий. Либерализм испепелил великую армию и оставил от советского флота обломки кораблей. Либерализм отверг великие ценности, которые питали Россию во всю её историю, и заставил русских поклоняться «золотому тельцу». Либерализм ввёл в моральный кодекс человечества гомосексуализм, людоедство, суицид, ненасытное потребление, ядовитую иронию и нигилизм. Либерализм установил господство либерально мыслящего меньшинства над всем остальным народом, создав узкий класс миллиардеров, помышляющих о своём бессмертии, и миллионы обездоленных, страдающих людей, обречённых на унылую жизнь и скорую смерть. Теперь президент Путин отказывается от религии либерализма, и нам предстоит понять, что придёт на смену этому идолопоклонству. Мы должны отказаться от либеральной экономики, которая остановила развитие России, привела её в состояние перманентного кризиса и сделала сателлитом транснациональных монополий. Эту экономику сменит плановая, рациональная, основанная на цифровом регулировании. Искусственный интеллект станет управлять отраслями и производствами. Либерализм уйдёт из внешней политики, которая оставила руины от Советского Союза, пепелища Ирака и Ливии, бомбовые воронки в Сирии». [7, с. 1]. Мы согласны с Александром Прохановым в том, что либеральная идеология должна исчезнуть из жизни российской интеллигенции (интеллектуалы), нашего народа, правящей и спортивной элиты. А это возможно, если физическое воспитание, духовное просвещение и образование российской молодёжи, – в рамках здорового образа жизни («ЗОЖ») [8], –будет осуществляться в социально-справедливом, сильном и умном государстве, проявляющем реальную заботу о человеке, а главное – в традиционной качественной российской семье, где родители уделяют серьёзное внимание воспитанию и образованию ребенка, подростка, становлению качественного человека на фундаменте ценности универсальных знаний, патриотизма, гражданственности, Православия, семейных ценностей и целостного представления о мире [9]. Семья – структурная единица стабильного, здорового социума, главный элемент солидарного общества. Сохранение народа, культуры, языка, государства – все это осуществляется при посредстве семьи, поскольку именно с семьей связан механизм передачи опыта по цепи поколений. Если взглянуть на этот процесс со стороны, можно дать ему точное название: традиция. Не какая-то конкретная традиция, а традиция как метод связи поколений в режиме общего делания. Семья – главный механизм передачи традиции. В семье мы сохраняем и передаем будущим поколениям историю, язык, культуру, религию, профессиональный и житейский опыт. Передаем – понимая, чувствуя, что «семья» – это не только мы и наши дети, но и будущие поколения, которые нас не увидят, но непременно о нас узнают. Семья важна и с духовной, религиозной точки зрения. Именно поэтому Иоанн Златоуст говорил о семье, что она – малая церковь. В семье человек учится любви, а

через любовь, которая есть Бог, человек спасется. Семья – это школа любви, а значит – школа спасения. [10, с. 224–225]. Это возможно, если государственная идеология российского государства будет основана не на либерализме, а на традиционных ценностях Русской цивилизации (духовность, нравственность, совесть, милосердие, сострадание, целомудрие, ответственность, патриотизм, свобода, жизнь, здоровье, любовь, гражданственность, государство, семья, дети, общественное выше личного, коллективизм, социальная справедливость, труд, творчество, карьера, ответственная власть и т.д.).

Сегодня уже очевидно, что современное человечество вошло в период цивилизационного кризиса, сопровождающегося беспрецедентными техническими долговременными изменениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности: экономике, финансах, технологии, социальных структурах, геополитике, межличностных отношениях, религиозном сознании. Происходят все эти изменения в современном либеральном обществе на фоне, завуалированной, но яростной борьбы ценностей Постмодернизма с традиционными ценностями; борьбы, призванной закрепить социальное неравенство и существование однополярного мира PaxAmericana, он же – «империя доллара», который зиждется на трёх китах: финансовое доминирование, информационное доминирование и военное доминирование. Вот, что по этому поводу сказал на заседании юбилейного Всемирного русского народного собора от 01.11.2018 г. Президент РФ В.В. Путин: «Мы видим, какие усилия предпринимаются сегодня, чтобы переформатировать мир, разрушить цивилизационные ценности и те культурно-исторические пространства, которые складывались веками, – произнес Путин. – Цель – создать разного рода безликие протектораты, ведь разобщенными народами, лишенными национальной памяти, низведенными до уровня вассалов, проще и удобнее управлять, использовать как разменную монету в своих интересах». В том числе и на постсоветском пространстве. «При этом используется и пещерный национализм, русофобия, осуществляется беспардонное, грубое вмешательство в церковную жизнь», – добавил он. И такая политика опасна и чревата серьезными последствиями. «Но убежден, жизнь все расставит по своим местам, потому что нельзя заставить людей идти против своей веры, своих традиций, семейной родословной, в конце концов, против права, справедливости и просто здравого смысла», – сказал президент. «Именно сейчас решается, каким будет мир будущего, в предстоящие десятилетия – будет ли это мир монолога и так называемого кулачного права, права сильного, или диалога и взаимного уважения, насколько гармонично будут сочетаться технологические новинки и этические и нравственные нормы» [11, с. 2].

Для воспитания российской молодёжи на основе традиционных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности сегодня необходимо поднимать качество и уровень образования в общеобразовательной школе, спортшколе, вузе, в общественно-физкультурном движении «спорт для

всех» – на основе «навыков XXI века» (коммуникация, креативность, критическое мышление и командная работа), на основе индивидуального здоровья, нравственного «здорового образа жизни», профессионализма, патриотизма, достойного уровня и качества жизни; на фундаменте культурно-исторического опыта и духовно-нравственной Традиции, присущих именно нашей уникальной восточно-христианской русской православной евразийской цивилизации, не исключая и её советский период – знамя Победы над Рейхстагом и полёт Юрия Гагарина в космос. Без укрепления здоровья детей и подростков, укрепления российской государственности, без воспитания нравственного, качественного человека, без Православия невозможно целостное представление о мире, формирование социально зрелой, творческой личности, социально-эффективного, сплочённого, стабильного общества и возрождение могучей России. Сегодня всё большее значение в деле сохранения целостности России приобретает нравственность. Новейший философский словарь определяет мораль (нравственность) как «совокупность принятых в том или ином социальном организме норм поведения, общения и взаимоотношений». По мнению отечественных психологов, безнравственность – это психическое заболевание. Кроме того, возрождение России невозможно без идеологии православия, также важна: экономическая, информационная и продовольственная безопасность, качественное образование, где в процессе обучения педагогом должен быть сделан акцент на подготовку детей к жизни, а не к экзаменам, на формирование когнитивных навыков самостоятельного, системного мышления, тренировку оперативной и долговременной памяти, на освоение смыслов, а не на бездумное запоминание разного рода фактов. Православная культура, доступное здравоохранение и качественное образование, достойное граждан России качество жизни, крепкая здоровая семья, современная мощная наука, тесная связь науки с производством; продовольственная, экономическая, энергетическая, информационная и финансовая независимость страны, наличие в стране патриотической национальной элиты, современная армия и океанский флот, военнокосмические войска, порядок, трудовая и воинская дисциплина, соблюдение законности – вот основа могущества России. Надо перестать стараться понравиться Западу – Россию должны или уважать, или бояться. Необходимо выращивать сильную телом и духом отечественную интеллигенцию («мозги нации»), но в рамках настоящего русского мировоззрения, ибо только физически и психически здоровый, уравновешенный человек способен к обучению и самосовершенствованию, с интересом занимается всем и может быть законопослушным. Интеллигенцию необходимо не только выращивать, её надо беречь, ибо «русская интеллигенция – научная и рабочая – была, остаётся и ещё долго будет единственной ломовой лошадкой, запряженной в тяжкий воз истории России» (М. Горький. «В.И. Ленин». М., 1931). Нашей державе, в рамках политики опережающего развития, нужен человек-творец, гражданин и патриот, а не потребитель с моралью протоплазмы и психологией соци-

ального иждивенца – «я потребляю, значит, я существую». Поэтому необходимо сделать государственным приоритетом создание, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях Русской цивилизации, эффективной системы воспитания – образования пассионарного молодого поколения, признающего служение Богу и Отечеству в качестве высшей цели жизни и активно участвующего в созидании великой России. Следует утвердить единые чёткие нравственные ориентиры и критерии для сферы культуры, информационного пространства и СМИ. В эпоху постмодерна это будет сделать особенно непросто в силу того, что создаваемая информационными технологиями современная личность отличается от традиционной, как правило, отсутствием жёсткой структуры (глубоких убеждений, устоявшейся системы ценностей) и пластичностью, т.е. способностью легко менять свои взгляды и пристрастия в зависимости от сравнительно слабых внешних раздражителей и информационных сигналов. Кроме того, современную, невротизированную личность отличает повышенная эмоциональность, отсутствие критического мышления, внушаемость и мозаичность (т.е. разорванность) как восприятия, так и составляемой на основе этого восприятия картины мира. Как отмечает известный отечественный конфликтолог Елена Ларина: «Ситуацию усугубляет стремительное падение как качества доступной человеку информации, так и его способности воспринимать её. Доля оригинального текстового контекста в интернете упала с 75–80 % в 2000 г. до 30–35 % в 2010 г., а в 2017 г. не превышала 5–7%. Интернет превратился в свалку косноязычного и неосмысленного плагиата. Сегодня в российском обществе растёт доля населения, которая глубокие информационно насыщенные, практически полезные ресурсы воспринимает как бесполезную информацию. Уже сегодня большинство людей просто не обладают необходимыми знаниями и познавательными навыками, чтобы воспринять (а тем более – осмыслить) сложный контент. Трансформация личности под воздействием информационных технологий дополняется воздействием разнообразных лекарств в их никем не изучаемых сочетаниях. [12, с. 65]. И как тут не вспомнить слова философа Античности Платона: «Невежество – это ещё полбеды, значительно хуже – бессмысленное накопление бессмысленных знаний». Это как раз то, с чем столкнулся наш мир сегодня. Информации, знаний – всё больше, а смыслов – всё меньше. А манипуляция знаниями, информацией становится даже не приметой, а настоящей сутью времени (социальные сети, СМИ являются агентами, инструментами этих, на наш взгляд, негативных, изменений).

Социально-справедливое государство должно гарантировать безусловный приоритет семьи в воспитании детей, за исключением случаев явной угрозы для их жизни и причинения тяжкого вреда здоровью, разработать и реализовать комплекс мер, направленных на создание условий для рождения трёх и более детей, запрет ювенальной юстиции, которая в руках либералов является инструментом разрушения семьи. По мнению Патриарха Кирилла ценность любого

закон – в опоре на нравственное чувство, ибо закон без любви и справедливости превращается в прокрустово ложе. Было бы справедливо ввести смертную казнь с конфискацией имущества за государственную измену, нанесения ущерба интересам государства и общества в особо крупном размере, терроризм, организацию производства и распространение наркотиков, особо тяжкие преступления в отношении несовершеннолетних. Образование, медицина и культура должны быть не сферой услуг, а приоритетными направлениями деятельности государства. Сверхзадача российского педагога заключается в том, чтобы выявить одарённость ученика, замотивировать ребенка и способствовать развитию его природных задатков, а главная задача педагога – «научить учиться» российскую молодёжь, причём учиться непрерывно всю жизнь – «непрерывное образование» и, главное, привить вузовской молодёжи любовь к знаниям, к России. Однако процесс реформирования системы российского высшего образования в постсоветский период постепенно парадоксальным образом ведет не к его улучшению и адаптации к сложному и меняющемуся современному миру, а к деградации [13, с. 103]. Последняя выражается в сокращении количества вузов, падении качества образования, уменьшении вклада российских учёных в мировую науку [14, с. 17–20]. Важно, чтобы стратегия и методология образования российской молодёжи находилась в руках лучших представителей нашей евразийской цивилизации, а не в цепких руках западников – глобалистов, ненавидящих русскую культуру, православие и Россию. Стать сильным духом и телом, быть самостоятельным, трудолюбивым, ответственным, стремиться к Знаниям, к Творчеству, следовать в жизни данному слову, научиться различать Добро и Зло!, сохранять приверженность Традиции и сложившимся убеждениям, любить родителей, уважать старших, преподавателей и любить Родину; постараться познать целостную картину Мира, стать завтра лучше, чем сегодня, что-то сделать полезное для других, изменить мир к лучшему («Возвышенный дух в совершенном теле») – вот прекрасная цель для молодого россиянина, начинающего жить. Все вышеприведенные нами индивидуальные компоненты морального сознания и неукоснительное следование им в своей дальнейшей жизни очень важно для восстановления идентичности в интеллектуальной среде. Идентичность – это система культурно-исторических и духовно-нравственных координат, опираясь на которую, индивид получает возможность ориентироваться в социуме, выстраивать стратегии поведения, которые соответствуют господствующим социальным реалиям [15, с. 119]. Цивилизационная идентичность – это поддержание и постоянное воспроизводство определенного склада, набора ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций, которые составляют отличительное культурное наследие восточно-христианской, русской православной, евразийской цивилизации. Идентичность конструируется на основе Традиции, сакрального и памяти. Память – исток идентичности. Групповая мораль как раз и характеризует степень идентичности, включённости человека в

ту или иную общность, восприятия им коллективно поставленных целей. А это возможно, прежде всего, в условиях смены главного вектора цивилизационного развития России с капитализма на православный социализм или просвещённый консерватизм; возможно при подъеме российской экономики, улучшении качества и продолжительности жизни людей. Необходим отказ от рекомендаций МВФ, следует принципиально изменить экономическую политику государства в целях обеспечения приоритетной поддержки реального сектора экономики, разумного протекционизма в интересах отечественного товаропроизводителя, обеспечения финансового суверенитета. Мы считаем, что соблюдение вышеизложенной экономической модели и цивилизационной парадигмы позволит создать предпосылки для формирования в России морального сознания, а значит для создания в нашей стране современного креативного, гражданского общества, которое, по мнению видного российского социолога Ю.Г. Волкова, является новым типом человеческого общежития, в котором развитие обеспечивается за счет человеческого, творческого капитала на основе деятельности социально зрелых, свободных граждан, ответственных личностей, имеющих навыки социальной рефлексии, социальной активности и компетентность (качественный человек). Основные источники движения к социально-эффективному, справедливому, гражданскому обществу – национальное согласие (единство народа, интеллигенции и власти), политическая воля, позитивная организация масс, промышленная модернизация с опорой на фундаментальную и прикладную науку, стремление различных социальных групп способствовать обновлению российской жизни и укреплению российской государственности. В нашем представлении (в отличие от прозападной трактовки) гражданское общество, соответствующее современному этапу исторического развития России, – это социально-политическая система взаимодействия власти и народа, осуществляемого через личную инициативу отдельных граждан, общественные организации, местное самоуправление и структуры государственного аппарата, направленного на укрепление государства и построение в его рамках такого общественного строя, который бы удовлетворял представлению о законности и социальной справедливости подавляющего большинства граждан нашей страны в целях сохранения социального мира и поступательного развития государства и общества. Главное, что должно присутствовать в таком гражданском обществе – это постоянное легитимное, профессиональное взаимодействие власти и общества, их обоюдное стремление к единству, законности и справедливости, а не противопоставление и вражда, которые характерны для определений гражданского общества западного образца. Это взаимодействие должно осуществляться на всех уровнях управления страной – от муниципального до регионального и федерального на основе настоящего местного самоуправления без какого-либо партийного влияния, тем более без влияния так называемой «правлящей партии». По мнению мецената, члена Совета по развитию малого и среднего предпринимательства при

губернаторе Владимирской области Михаила Михайловича Кривоносца и русского историка Вячеслава Геннадьевича Манягина, изложенного ими в экспертном докладе «Гражданское общество: русская модель» – «...основная проблема русского государства и российского общества – отчуждение государства от власти и народа от государства. Это естественно для современной капиталистической формации, где реальная власть принадлежит глобальным монополиям (ТНК) и банковским структурам. ТНК не только переросли государственные границы, но и смогли использовать свои базовые государства в собственных целях. Государство для ТНК одновременно и враг, и инструмент в борьбе с конкурентами». М.М. Кривоносцов и В.Г. Манягин, справедливо считают (и мы присоединяемся к их мнению), что перед нашим обществом и властью стоят три задачи, которые мы должны решить, чтобы выжить в ближайшем будущем: 1) преодолеть отчуждение государства от власти и общества от государства; 2) преодолеть социально-экономический кризис капитализма с выходом на новую ступень развития; 3) избежать ошибок на пути преодоления цивилизационного кризиса и построить на просторах Евразии такую социально-политическую структуру, которая будет наиболее адекватна культурным и историческим традициям, экономическим и социальным особенностям народов Евразии в целом и России, прежде всего. И начинать это строительство надо с формирования национальной и цивилизационной идентичности, создания в России реального гражданского общества как системы взаимодействия общества и власти [16, с. 19]. Задача сильного и умного, социального государства – сохранять суверенитет, формировать благоприятную среду, очеловечить экономику, инвестировать в социально значимую инфраструктуру и проявлять реальную заботу о человеке. Государство на основе законности и справедливости должно служить гражданам России, а не глобальным спекулянтам. Но главное – это долгосрочный проект государства, направленный на поддержание достоинства и уважения нашего народа к отечественной истории, культуре, литературе, к своим святыням и национальным героям; проект, направленный на строительство государства духовности, а это невозможно без опоры власти на русскую православную церковь, на русский государствообразующий народ. Российское государство 21-го века должно официально выражать культурные, духовные, экономические и информационные чаяния русского государствообразующего народа. Поэтому было бы исторически справедливо юридически зафиксировать в конституции Российской Федерации государствообразующий статус русского народа в России, как системообразующей основы Российской государственности [17, с. 40, 42]. Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть её «Россией без русских», лишённой национально и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства. Подобный сценарий чреват катастрофическими последствиями не только для нашего государства, но и для всего мира. Роль русских и

их исторической традиции имеет для России государствообразующее значение, а также – является условием формирования многокультурной и полиэтнической гражданской нации и цивилизационной общности. Другим условием их формирования является право народов и этносов на этнокультурное своеобразие [18, с. 102]. Для построения социально-эффективного, справедливого, гражданского общества будущего нужны совместные усилия российского общества, интеллектуалов и государства по демографическому росту титульного населения страны, по реиндустриализации страны, декорпоративизации, искоренению коррупции, деархаизации и модернизации общественно-политической жизни России на идее божественной справедливости, сплочённости общества и Православии, что невозможно без активного участия в этих процессах патриотической российской интеллигенции, которая бы действительно являлась и мозгами нации, и духовной элитой России. Только такое сплочённое общество (команда) может отвечать на серьёзные исторические угрозы – вызовы, добиваться прорывов, обеспечить рост производства до 10 % в год на основе нового технологического уклада, противостоять внешнему давлению и отстаивать суверенитет страны. Однако, неуёмное приобретательство, наглая нажива, тотальный гедонизм эпохи постмодерна взяли сегодня верх над всем, включая совесть и веру. Но это контрпродуктивно. Сегодня не грех вспомнить, что на «пике» своего могущества, СССР давал 20 % мирового промышленного производства, а его экономика составляла до 60 % экономики США. А сегодня долларовой ВВП РФ 2018 года (по номиналу) соответствует примерно 1,653 трлн долл., что в 10 раз меньше ВВП США! [17, с. 17, с.]. С такими установками о качественном росте населения нашей страны и о каком-то прорыве можно не говорить. Вот что по этому поводу сказал Предстоятель РПЦ, Святейший Патриарх Кирилл на юбилейном Всемирном Русском народном соборе: «Главнейшая ошибка нового времени – в отказе от Традиций, однако все попытки искоренить христианскую идентичность обернулись крахом». Поэтому без серьёзной программы создания нормальной среды и воспитания качественного человека, мы обречены на статистические манипуляции показателями уровня обеспеченности минимальной пищей и кровом [18, с. 91]. Что касается нашей стратегии в информационно-психологической войне, объявленной нам Западом, то победная стратегия в этой войне должна быть одна – наступление. Драматическая история XX века показала, что без интеллигенции жить нельзя, поэтому мозги нации надо беречь! В противном случае, не надо быть пророком, но тогда процесс исторического распада теперь уже современной России продолжится. И этот геополитический процесс будет продолжаться до тех пор, пока нынешняя Россия не приобретет свою особую идеологическую и стратегическую самоидентичность, то есть когда российское общество и основные элитные группы страны будут знать и согласованно действовать в рамках общего представления, какой должна быть Россия к середине и к концу XXI века – причём в условиях неизбежной кардинальной смены либеральной

цивилизационной парадигмы, не выдержавшей испытания Временем, ибо её либеральный вектор направлен на деградацию, в архаику, в постиндустриальное общество господ и слуг, то есть, в «новое варварство» глобализма, когда в жесточайшей борьбе за будущее целые государства, этносы, культуры будут нещадно, без сантиментов стираться Ластиком Истории. Подавляющее большинство проблем связано как раз с включением в либеральную «матрицу» «глобального рынка», которое началось не в 1991-м и даже не в 1985-м г., а гораздо раньше, чуть ли не со времён Хрущёва. Заявленный Путиным отказ от абсолютной ценности либерализма может обрести истинную силу только в том случае, если за словами последуют соответствующие действия – и даже не столько на международной арене, сколько внутри страны. Уничтожьте в России вопиющую социальную несправедливость, уберите либеральную прозападную «верхушку» во власти и собственности, включите вместо механизма рыночной конкуренции механизмы творческого синергетического сотрудничества – и тогда на фоне «русского прорыва»

США с Великобританией будут выглядеть даже не «Верхней Вольтой», а Древним Римом эпохи его распада [21, с. 4]. В эпоху глобализации Россия может выжить только в качестве сплочённого общества и суверенного государства, на фундаменте патриотизма, гражданственности и Православия, то есть интеллектуально-нравственного центра мира – с высочайшей духовностью, нравственностью, высочайшей культурой и высочайшими знаниями. При этом главное внимание должно уделяться не только добычи нефти и газа, а развитию человеческого потенциала российского общества, потому что иных ресурсов, позволяющих пережить уже идущий глобальный системный кризис со всеми его рисками, включая военные, у нас нет. В условиях агрессивной политики англосаксов по отношению к демократической России и скрытой враждебности к нам немцев, всё ещё мечтающих о Четвертом рейхе, девизом идеологии воспитания – образования нашей российской молодёжи, если мы хотим, чтобы у России было будущее, должен стать девиз Александра Невского «За Веру и Отечеству! Не в силе Бог, а в Правде!».

Литература:

1. Мифология русской мечты // Общ.-полит. журнал «Изборский клуб». 2019. № 1(67). С. 39.
2. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. Диалог с историей / Послесл. А.В. Щипкова. М. : Абрис, 2019. С. 231.
3. Там же. С. 68.
4. *Любецкий Н.П.* Российская интеллигенция: утрата идентичности : монография. М. : РУСАЙНС, 2018. С. 130.
5. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. Диалог с историей. С. 88.
6. *Агеев А.* Цифровизация как шанс и риск // Общ.-полит. журнал «Изборский клуб». 2019. № 3(69). С. 73.
7. *Проханов А.* Последняя ночь либерализма // Завтра. 2019. № 26(1333). С. 1.
8. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье российской молодежи в эпоху глобализации / Н.Х. Гафиатулина, Н.П. Любецкий, С.И. Самыгин. М. : РУСАЙНС, 2016. 235 с.
9. *Верещагина А.В.* Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40, № 1(40). URL : <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3527>
10. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. Диалог с историей. С. 224–225.
11. Диалог традиций // Российская газета. 2018. 247 (7710). 2 ноября. С. 2.

Literature:

1. The mythology of the Russian dream // Society-polit. magazine «Izborsk club». 2019. № 1(67). P. 39.
2. *Kirill*, Patriarch of Moscow and All Russia. Dialogue with history / Afterword. A.V. Shchipkova. M. : Abris, 2019. P. 231.
3. In the same place. P. 68.
4. *Lyubetsky N.P.* Russian intelligentsia: loss of identity : monograph. M. : RUSAINS, 2018. P. 130.
5. *Kirill*, Patriarch of Moscow and All Russia. Dialogue with history
6. *Ageev A.* Digitalization as a chance and a risk // General-polit. magazine «Izborsk club». 2019. № 3(69). P. 73.
7. *Prokhanov A.* Last night of liberalism // Tomorrow. 2019. № 26(1333). P. 1.
9. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of Russian youth in the era of globalization / N.Kh. Gafiatulina, N.P. Lyubetsky, S.I.Samygin. M. : RUSAINS, 2016. 235 p.
10. *Vereshchagina A.V.* Successful childhood as a basis for the social health of young generations: indicators of the sociological dimension / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina // Engineering Bulletin of the Don. 2016. Vol. 40. № 1(40). URL : <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3527>.
10. *Kirill*, Patriarch of Moscow and All Russia. Dialogue with history. P. 224–225.
11. The dialogue of traditions // Russian newspaper. 2018. 247 (7710). November 2. P. 2

12. *Делягин М.* Человек-трансформер // *Общ.-полит. журнал «Изборский клуб»*. 2019. № 1(67). С. 65.
13. *Касьянов В.В.* Кризис высшего образования как социокультурная катастрофа / В.В. Касьянов, Н.П. Любецкий, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 8–9. С. 103.
14. *Касьянов В.В.* Университетов не должно быть много: классический университет в структуре реформируемой системы высшего образования России / В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 2. С. 17–20.
15. *Кривопусков В.В.* «Русский мир» как ориентир цивилизационной идентификации и социальной интеграции россиян. Ростов-н/Д., 2016. С. 119.
16. *Кривонос М.* Гражданское общество: Русская модель (экспертный доклад) / М. Кривонос, В. Манягин // *Общ.-полит. журнал «Изборский клуб»*. 2018. № 5(61). С. 19.
17. *Мальцев А.* Об александровском наказе президенту // *Общ.-полит. журнал «Изборский клуб»*. 2018. № 5(61). С. 40, 42.
18. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. Диалог с историей. С. 102.
19. *Общ.-полит. журнал «Изборский клуб»*. 2019. № 1(67). С. 17, 31.
20. *Симчера Я.* О качестве роста населения России // *Общ.-полит. журнал «Изборский клуб»*. 2018. № 5(61). С. 91.
21. G20: триумф Путина и кое-что ещё // *Завтра*. 2019. № 26. С. 4.
12. *Delyagin M.* Transforming Man // *Society.-Watered. magazine «Izborsk club»*. 2019. № 1(67). P. 65.
13. *Kasyanov V.V.* The crisis of higher education as a sociocultural catastrophe / V.V. Kasyanov, N.P. Lyubetsky, S.I. Samygin // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2017. № 8–9. P. 103.
14. *Kasyanov V.V.* There should not be many universities: a classical university in the structure of the reformed system of higher education in Russia / V.V. Kasyanov, V.V.Kovalev, S.I. Samygin // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2017. № 2. P. 17–20.
15. *Krivopuskov V.V.* «Russian World» as a landmark of civilization identification and social integration of Russians. Rostov on/D., 2016. P. 119.
16. *Krivosov M.* Civil society: the Russian model (ex-pertny report) / M. Krivosov, V. Manyagin // *Tot.-polit. magazine «Izborsk club»*. 2018. № 5(61). P. 19.
17. *Maltsev A.* About the Alexander order to the president // *General.-polit. magazine «Izborsk club»*. 2018. № 5(61). P. 40, 42.
18. *Kirill*, Patriarch of Moscow and All Russia. Dialogue with history. P. 102.
19. *Magazine «Izborsk club»*. 2019. № 1(67). P. 17, 31.
20. *Simchera I.* On the quality of the growth of the population of Russia // *General.-polit. magazine «Izborsk club»*. 2018. № 5(61). P. 91.
21. G20: Putin's triumph and something else // *Tomorrow*. 2019. № 26. P. 4.

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ В XX ВЕКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена политологическому анализу революционных событий, происшедших в России в XX веке. Автор в ходе этого исследования приходит к выводу, что, если Первая русская революция оказала позитивное влияние на движение нашей страны по пути социально-экономического прогресса, выведших её на уровень мирового лидера, то все последующие революционные события не только не позволили достичь темпов развития нашей страны, сравнимых с 1917 годом, то на каждом этапе этих преобразований происходило снижение уровня её развития, в то время как экономика развитых стран мира, в том числе, и под влиянием Октябрьской революции, достигла высокого уровня развития в результате эволюционных процессов развития, а не вследствие политических катаклизмов.

Ключевые слова: Российская империя, Советский союз, революция, политическая система, Гражданская война, социально-экономическое развитие, самодержавие, Временное правительство, Советы.

История России в XX веке отмечена многочисленными событиями, оказавшими влияние не только на ход отечественной истории, но и на развитие мирового сообщества.

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала закономерным событием в истории нашей страны, вызванным несколькими причинами. Одной из них стал кризис власти, вызванный истощением ресурсов абсолютной монархии, попытки реформирования которой неоднократно предпринимались царской властью. К таковым, вне всякого сомнения, следует отнести отмену крепостного права в 1861 году, ряд демократических реформ, в частности, образования, судебной системы, земскую реформу. Но эти процессы не получили дальнейшего развития из-за гибели императора Александра II в результате тер-

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

REVOLUTIONS IN RUSSIA IN THE XX CENTURY AND THEIR INFLUENCE ON POLITICAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRY AND THE WORLD COMMUNITY

Annotation. The article is devoted to the analysis of the revolutionary events that took place in Russia in the 20th century. The author in this study concludes that if the First Russian Revolution had a positive impact on the movement of our social and economic progress, which brought it to the level of a world leader, then all subsequent revolutionary events did not only did not allow to achieve the rate of development of our country, comparable to 1917, at each stage of these transformations there was a decline in the level of its development, while the economies of the developed countries of the world, including under the influence of the October Revolution, achieved the highest level of development as a result of evolutionary transformations, not because of political cataclysms.
рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, советская власть.

Keywords: Russian Empire, Soviet Union, Revolution, political system, Civil War, socio-economic development, autocracy, Provisional government, Councils of workers, soldiers and peasant deputies, Soviet power.

рористического акта. На какой-то отрезок времени эти преобразования стимулировали экономическое развитие России, но незавершенность процесса реформирования российского общества стала объективным тормозом дальнейшего его развития, что проявилось в начале XX века:

– в глубоком кризисе в экономике, продолжавшемся почти все первое десятилетие и охватившем практически все её отрасли в связи с проходившими в ней структурными перестройками, сопровождавшимися разорением предприятий: сокращением доменного производства на 30 %, металлургических предприятий на 20 %, остановкой работы более чем 3 тыс. предприятий [1, с. 133]. В глубоком кризисе оказалось и сельское хозяйство, тормозили развитие которого такие рудименты феодализма, как помещичья

собственность на землю, платой за пользование которой крестьянами оставались издольщина, испольщина, батрачество. Сдерживали капитализацию сельского хозяйства и такие факторы, как малоземелье в Европейской части России, перепроизводство рабочей силы в этом секторе экономики, вызванным сильным влиянием на жизнь села сельской общины, выступавшей посредником между крестьянством и государством в уплате налогов, в несении различных государственных и местных повинностей, в поставке рекрутов на воинскую службу. Община регулярно перераспределяла сред крестьян пахотные и луговые земли, находящиеся в её пользовании, давала разрешение на выход желающих из неё, естественно, на условиях, выгодных для неё. Помимо этого, основная масса крестьянства до 1907 г. продолжала вносить в государственную казну выкупные платежи за обретенную волю в результате отмены крепостного права [2];

– в политической жизни России наблюдалось очевидное противоречие, возникшее между бурно развивавшимися капиталистическими отношениями и архаичной абсолютной монархией и её институтами, тормозившими экономическое и политическое развитие страны.

Эти обстоятельства стали фактором, стимулирующим рост политической активности не только той части общества, которая оппозиционно относилась к действующей власти, обвиняя её в неэффективности государственного руководства, но и так называемых «низов», что проявлялось:

– в появлении на политической сцене России таких политических партий, как социал-революционеры (эсеры) и социал-демократы (РСДРП);

– в росте массовых выступлений крестьянства, протестующего против помещичьего произвола, и пролетариата, недовольного условиями труда, низкой заработной платой и отсутствием социальной защиты со стороны государства.

Таким образом, в начале XX века в России сложилась сложная социально-политическая обстановка, грозящая перерасти в революционную ситуацию, усугубило которую позорное поражение русской армии в войне с Японией в 1904–1905 гг. Поэтому революция 1905–1907 гг. в России носила закономерный характер, хотя, по утверждению некоторых историков, оппозиционные власти партии получали финансовую поддержку из-за рубежа. В результате массовых акций протеста против действующей власти, 17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест, который:

– даровал населению такие гражданские свободы, как неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов;

– расширял полномочия, созданной Манифестом от 6 августа 1905 г. Государственной Думы за счет включения в её состав представителей тех

слоев населения, которые прежде не имели избирательных прав;

– установил незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог принять силу без одобрения Государственной Думы;

– провозгласил создание объединённого Совета министров, за законностью действий которого должна была наблюдать Государственная Дума [3, с. 29].

И, несмотря на то, что в Манифесте не говорилось о сословном и национальном равноправии, о равенстве избирательных прав, об учреждении ответственного перед Думой правительства, Россия встала на путь демократического развития, о чем свидетельствовало появление в стране многопартийной системы, представленной, помимо вышеназванных:

– традиционно-монархистские партии и организаций: «Русской монархической партии», «Союза русских людей», «Всероссийского союза земельных собственников», а также самой массовой организации в этом политическом блоке – «Союза русского народа», самой массовой в России всесословной партии, насчитывавшей в 2007 г. 410 тыс. человек;

– либеральных партий: «Союза 17 октября», «Партии свободного народа», «Партии конституционных демократов (кадеты)», «Партии мирного обновления», «Партии демократических реформ» и др.

Благодаря Манифесту, в стране широкое распространение получило профсоюзное рабочее движение, объединявшее рабочих по отраслевому принципу, а также стали действовать Советы рабочих депутатов в Санкт-Петербурге и в Москве.

Этапом, завершающим Первую русскую революцию, стал Манифест 3 июня 1907 г., ознаменовавший образование третьеиюньской системы власти под руководством председателя правительства П.А. Столыпина, стремившегося:

Разрешить три группы противоречий, выявившихся в результате революции между:

– либеральным обществом и самодержавной властью царя;

– непривилегированными «низами» и привилегированной элитой («крестьянский» и «рабочий» вопросы);

– общероссийским центром и национальными окраинами.

Разрешить эти противоречия предполагалось через коренную модернизацию экономики (прежде всего, аграрного сектора) и частичное реформирование социальных отношений и госаппарата.

Добившегося придания функций законодательного органа власти Государственной думе.

Проведшего аграрную реформу, освободившую крестьян от выкупных платежей, наделявшую крестьян правом выхода из общин и забирать находящуюся в их пользовании надельную землю в личную собственность, и организовавшего переселение всех желающих на свободные земли, а также организовавшего комплекс мероприятий в помощь крестьянству по модернизации их хозяйств [3, с. 37–39].

На реализацию всего комплекса мер, направленных на реформирование Российского государства, П.А. Столыпиным отводилось 10–15 лет, но уже до начала Первой мировой войны Россия превратилась в ведущую мировую державу с 36 % мирового ВВП. Но вступление нашей страны в неё привело к 19017 г. к глубокому экономическому и политическому кризису, приведшим к Февральской революции, в результате которой власть в стране была передана Временному правительству, а император Николай II, спустя три дня, добровольно отрекся от престола, были упразднены все органы государственной власти. Параллельно со структурами, создаваемыми Временным правительством, в России широкое распространение получили Советы рабочих, крестьянских, солдатских депутатов, которые по мере углубления кризисных процессов в стране пользовались всё более широкой популярностью среди населения, которые находились под влиянием социал-демократов и эсеров.

Результатом Февральской революции стала смена в России государственной власти, в результате которой на смену царского режима пришло Временное правительство, деятельность которого в течение всего 1917 г. сопровождалась многочисленными правительственными кризисами (в апреле, июне-июле, августе) и попытками государственных переворотов со стороны левого крыла российских социал-демократов (большевиков), военных (Корниловский мятеж), а также ухудшением ситуации в управлении русской армией на фронтах Первой мировой войны и в экономике, что послужило факторами, стимулировавшими нарастание революционной ситуации в стране, приведшей к Октябрьской революции в России.

Несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, приход к власти большевиков финансировался из-за рубежа, по нашему мнению, она была вызвана хронической неспособностью Временного правительства к управлению государством в кризисных условиях, чем своевременно воспользовались революционные социал-демократы (большевики) во главе с В.И. Ульяновым-Лениным, возглавившим первое советское правительство – Совет народных комиссаров, что ознаменовало создание первой на планете модели государственной власти в форме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, трансформировавшихся впоследствии в Советы депутатов трудящихся, в Советы народных депутатов.

Ведя же речь о значении Октябрьской революции в отечественной и мировой истории, нам хотелось бы акцентировать внимание на нескольких темах:

Для нашей страны она привела к таким негативным последствиям, как:

– выход России из Первой мировой войны без аннексий и контрибуций, фактически, на её завершающем этапе, в результате чего она, потеряв на её фронтах несколько миллионов военных и мирных жителей, не получила никаких за это компенсаций;

– её распад и появление в 1917 г. на карте Европы таких независимых государств, как Финляндия, Польша, Латвия, Литва, Эстония;

– красный и белый террор, переросший в Гражданскую войну, а также, в иностранную интервенцию, стоивших народам России многомиллионных жертв;

– обобществление всех форм собственности и передачи её советской властью во владение государству;

– поражение в правах всех слоев российского общества, относящихся, по определению большевиков, к эксплуататорским классам (буржуазии, дворянства, купечества, капиталистов, священнослужителей, а также казачества) подвергшихся, фактически, геноциду на протяжении всей Гражданской войны;

– мощная волна эмиграции представителей российской элиты, в том числе, ученых, деятелей культуры и искусства, стимулировавших развитие всех стран, куда они вынуждены были бежать от революции;

– ликвидация многопартийной системы и монополизации политической власти в стране коммунистической партией;

– экономическая, политическая и культурная блокада Советской России, а потом и СССР со стороны Запада, которая прерывалась на время Великой Отечественной войны;

– репрессии в отношении «врагов народа», под категорию которых попали миллионы советских людей, в том числе, и советских, партийных работников, в результате чего в стране была создана система ГУЛАГ;

– обрушение одной из самых мощных экономик мира, которая, несмотря на интенсивное промышленное развитие в последующие десятилетия, не достигла потенциала, соизмеримого с дореволюционным периодом нашей истории, и высшим её достижением стали 15 % мирового ВВП.

Среди позитивных достижений для нашей страны, которые были достигнуты в результате совершения Октябрьской революции, следует выделить:

– создание социального государства, граждане которого получили право на бесплатные: образование на всех его уровнях, медицинское обслуживание и санаторно-курортное обеспечение, бесплатное жилье;

– ликвидацию в нашей стране безграмотности и создание широкой сети образовательных учреждений всех уровней, стимулировавших развитие в ней доступной для всех слоев населения науки, культуры и искусства, массового спорта;

– переход к плановой экономике, эффективность которой, к сожалению, постоянно подвергалась политическому давлению со стороны власти с её стремлением ускорения темпов экономического развития страны, что, фактически, вело, нередко, к фальсификации и искажению подлинного положения дел в народном хозяйстве СССР.

Всемирное значение Октябрьской революции заключается в том, что она изменила ход мирового развития, положив начало на разделение государственных систем на два противостоящих друг другу полюса: капиталистический и социалистический, что послужило стимулом для:

– пропаганды коммунистических идей во всем мире и, в первую очередь, в экономически развитых странах;

– мирового коммунистического и национально-освободительного движения;

– активизации профсоюзного и рабочего движения в мире, направленного на защиту интересов трудящихся масс.

Эти обстоятельства потребовали от руководства стран капиталистического лагеря:

– пересмотра руководства капиталистических государств социальной политики в отношении своих граждан с целью сглаживания противоречий между капиталистической системой и трудящимися массами;

– разработки модели «народного капитализма», в основе которой была заложена идея участия трудящихся в управлении своими предприятиями в качестве их акционеров;

– развития институтов демократии в капиталистических странах

В результате этих процессов, развитие которых дополнительно стимулировало создание после завершения Второй мировой войны мощного блока государств социалистической ориентации, в государствах, входивших в капиталистический блок была создана и получила широкое распространение модель социально ориентированных государств с высоким уровнем жизни их граждан, что практически исключало возможность их участия в революционной деятельности, направленной на свержение существующего строя. В результате этих процессов в мире не революционным, а эволюционным путем без многомиллионных жертв была создана социально-экономическая система, о которой мечтали ре-

волюционные марксисты. И именно она стала более эффективной и привлекательной для жителей стран Восточной Европы, а после распада СССР – и для граждан, его населявших.

Таким образом, всемирное значение Октябрьской революции оказалось более существенным для человеческой цивилизации, чем её последствия для нашей страны. Сейчас, конечно, невозможно даже представить, каких бы высот достигла экономика и другие сферы жизни России, если бы она не пережила катаклизм Октябрьской революции.

В завершающей части нашей публикации мы обратимся к событиям, пережитым населением нашей страны на рубеже 1980–1990-х гг., которые по своим масштабам и последствиям многими исследователями, чьей позиции придерживаемся и мы, сравниваются с революционными по нескольким причинам: в начале 1990-х гг. произошел не только распад СССР, но и изменение парадигмы социально-экономического развития России в результате отказа от социалистической модели политического и государственного устройства, в результате чего наша страна вновь, как и в 1917–1920-е годы, была ввергнута в глубокий системный кризис(экономики, власти, правоохранительной системы), выход из которого, по нашему мнению, не произошел и по настоящее время. А следствием этих преобразований стали: падение уровня жизни населения, его социальное расслоение, криминализация общества, системная коррупция.

Если же коснуться темы международного значения преобразований, происходящих в нашей стране на рубеже XX–XXI вв., то следует отметить, что в результате их прекратили существование в Восточной Европе: социалистическое сообщество, Совет экономической взаимопомощи, Варшавский договор. Двухполярный мир прекратил свое существование, а смещение вектора мирового развития в однополярную модель привело к мировой гегемонии США, усилению блока НАТО, включение в его состав бывших союзников СССР, в результате чего войска этого блока подошли к российским границам, ставя под угрозу национальную безопасность нашей страны.

Печальный итог последствий всех революционных преобразований, пережитых нашей страной в XX веке. Если страны мирового сообщества за период времени, начиная с 1917 г. до настоящего времени, несмотря на кризисы мировой экономики, разрушительные Первую и Вторую мировые войны, достигли высокого уровня политического и социально-экономического развития в результате эволюционных преобразований, то Россия, пережив несколько катастрофических, по сутиности, революционных потрясений, продолжает снижать свой экономический потенциал, а, соответственно, и долю в мировом валовом продукте, которая опустилась к настоящему времени до 1,5 % мирового ВВП.

Невольно приходится обратиться к мнению тех историков, которые, анализируя события последних лет, заявляют о том, что смена вектора общественного развития нашей страны в последнем десятилетии XX в. не случайность, а закономерное следствие всего её послеоктябрьского развития, шанс продолжить прерванный в 1917 г. путь к демократии и свободе [4, с. 832]. Но только почему же новыми лидерами современной России в 1991 г. не был взят во внимание опыт Октябрьской революции 1917 г., руководители которой, действуя в соответствии со строками Интернационала: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем – мы наш, мы новый мир построим. Кто был ни чем, тот станет всем!», отвергли опыт прежних поколений, разрушили Российское государство – лидера мировой экономики и ценой колоссальных жертв создали новую политическую систему, которая, в итоге, проиграла в соперничестве капиталистической системе, доказавшей в результате него свою более высокую эффективность и жизнестойчивость?

Ведь лидеры современной России, признав поражение социалистической модели общественно-политического развития, практически «обнулили» все её достижения, как и их предшественники – революционеры. Они, как мы полагаем, в силу своих личных и групповых политических амбиций, объявили эту модель несостоятельной и развалили действующий в стране достаточно стабильный политический и социально-экономический порядок, не имея ясных и научно выверенных стратегий политического и социально-экономического страны в постсоветский период её истории.

Да, они сумели возродить такие элементы демократии, как многопартийность, рыночную экономику, частную собственность, свободу слова, печати, совести, вероисповедания, сорвали «железный занавес», разделявший социалистический лагерь с Западом, но допустили:

– распад СССР – государства на протяжении десятилетий, являвшегося одним из гарантов мирового порядка и политической стабильности;

– обрушение всей экономической, транспортной, хозяйственной инфраструктуры некогда экономически и политически великой державы;

Литература:

1. Попов М.Ю. История Отечества. Краснодар., 2007.
2. История СССР 1861–1917 гг. / Под ред. М.Д. Кузнецова. М., 1985.
3. Герман А.А. Русские революции и Гражданская война. М., 2018. 192 с.
4. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до наших дней : учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков. М., 2019. 864 с.

– бездарно распорядились общенародной собственностью, тем самым, простимулировав возникновение в стране малочисленного олигархического слоя, приближенного к власти.

Результатом этих действий нового руководства России стал глубокий системный кризис, приведший:

– к продолжительной стагнации её экономики;

– к социальному расслоению и обнищанию основной части её населения;

– к криминализации общества практически во всех сферах его функционирования;

– к массовому распространению коррупции на всех уровнях власти.

Единственно в чем сошлись векторы развития СССР в послевоенные годы и современной России: и в одном, и в другом случаях – в возвращении статуса великой державы, которым обладала Российская империя в начале XX века после демократических реформ, которые произошли в стране в результате Первой русской революции. Только в то время он был обеспечен по многочисленным параметрам, то и СССР, и Российская Федерация сохраняли этот статус, только благодаря мощному военно-стратегическому и ядерному потенциалу, нередко, за счет низкого уровня и качества жизни населения по сравнению с развитыми западными державами.

И эти итоги приближающегося тридцатилетнего юбилея постсоветской России не могут не вызвать интереса к мнению той части наших соотечественников-историков, которые в результате исследования тенденций историко-цивилизационного развития России в контексте соотношения ее общественно-государственных характеристик и европейских ценностей, пришли к выводу о том, что, начиная с Нового времени, наша страна претерпевала крайне противоречивые цивилизационные повороты в своем развитии (падение империи, распад СССР), и сейчас, формально признав все европейские ценности, она, тем не менее, оказалась в цивилизационном тупике, выход из которого может быть найден только в результате активного общественного диалога [5].

Literature:

1. Popov M.Y. History of the Fatherland. Krasnodar, 2007.
2. History of the USSR 1861–1917 / Under ed. M.D. Kuznetsova. M., 1985.
3. Herman A.A. Russian Revolution and Civil War. M., 2018. 192 p.
4. Sakharov A.N. History of Russia from ancient times to the present day : textbook / A.N. Sakharov, A.N. Bokhanov, V.A. Shestakov. M., 2019. 864 p.

5. Упоров И.В. Россия в историко-цивилизационном тупике, и перспектива пока не просматривается // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2019. № 1.

5. *Uporov I.V.* Russia's upsands in the historical and civilizational impasse, and the prospect is not yet visible // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Cultural studies. Political science. 2019. № 1.

Пусько Виталий Станиславович

доктор философских наук,
профессор
pusko.vitali@yandex.ru

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье раскрывается сущность военной организации государства, обозначены ее основные компоненты, рассмотрены некоторые аспекты формирования военной организации в процессе обеспечения безопасности общества, показаны место и роль основных структур военной организации в обеспечении безопасной жизнедеятельности мирового сообщества, проведен анализ взаимосвязи военной организации государства и гражданского общества в современных условиях.

Ключевые слова: государство, безопасность, военная организация, гражданское общество, безопасность российского общества.

Во всей истории человечества проблема военной безопасности стран и народов имела и имеет принципиально важное значение. В современных условиях в связи с радикальным изменением экономической и социально-политической ситуации в мире вопросы военной безопасности любого государства стоят особенно остро. Это вызвало необходимость реорганизации всех структур, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства.

Для России эта проблема выдвигается на одно из первых мест во всей жизнедеятельности общества. Это вызвано тем, что Российская Федерация оказалась в эпицентре радикальных геополитических, экономических и социально-политических изменений. Занимая уникальное евразийское положение, Россия испытывает на себе воздействие процессов, происходящих в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Значительное количество локальных конфликтов и опасность перерастания их в локальные войны представляют реальную угрозу безопасности России. Распад СССР и, в следствие этого, сокращение материально-технических и мобилизационно-демографических ресурсов осложнили вопросы обеспечения безопасности общества.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что военная безопасность обеспечивается путем развития и совершенствования военной органи-

Vitali S. Pusko

Doctor of Philosophy,
Professor
pusko.vitali@yandex.ru

MILITARY ORGANIZATION OF THE STATE AS A FACTOR IN ENSURING ITS SAFETY

Annotation. The article reveals the essence of the military organization of the state, its main components are indicated, some aspects considered formation of a military organization during the security process societies, place and role shown of the main structures of the military organization in ensuring safe The life of the world community, relationship analysis conducted military organization of the State and civil society in modern conditions.

Keywords: state, Security, military organization, Civil society, security of Russian society.

зации государства и его оборонного потенциала, выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов, проведения перспективной военной и военнотехнической политики, развития военной инфраструктуры, совершенствования системы управления и реализации комплекса мер по повышению престижа военной службы.

Функционирование сферы, гарантирующей безопасность общества, всегда было представлено совокупностью субъектов военно-политических отношений. Им свойственна определенная соподчиненность и упорядоченность в реализации общей цели и решении части своих задач. То есть речь идет о специфической структуре, создаваемой обществом, которая именуется военной организацией. Военная организация обеспечивает национальную безопасность страны, является гарантом реализации ее национально-государственных интересов в системе международных военно-политических отношений.

Исторически возникновение военной организации обусловлено появлением общественной потребности в обеспечении безопасности от военных нападений и реализации интересов, связанных с территориальной и имущественной экспансией. Так, например, Россия за свою историю более 250 раз подвергалась нападениям внешних сил. Свою территорию народы России отстаивали в войнах против Речи Посполитой, Ливонии, Швеции, татарских ханов, Турции,

Франции, Германии, Японии. В XX веке Россия дважды подвергалась жестоким военным испытаниям.

Под военной организацией государства понимается совокупность его различных военных и военизированных структур, совместная деятельность которых направлена в первую очередь на решение задач по обеспечению военной безопасности страны: предотвращению войн и военных конфликтов, оказанию военной помощи союзникам, участие в объединенных миротворческих международных силах и др., а в случае войны – на отражение агрессии, разгром противника и достижение политических целей после победы.

Понятие «военная организация» употребляется, как правило, в трех значениях. Во-первых, как тождественное понятию «вооруженные силы». Во-вторых, как единство вооруженных сил и других военизированных формирований, способных вести боевые действия при соприкосновении с противником. В-третьих, как система всех вооруженных формирований, предназначенных для ведения боевых действий с неприятелем, а также организации, учреждения, обеспечивающие выполнение ими поставленных политическим руководством задач.

Военная организация в целом (а чаще всего ее специальные формирования и институты) привлекаются и для обеспечения внутренней государственной и персональной безопасности. История свидетельствует, что различные социально-политические образования (кланы, классы, партии, государства, и т.д.) для защиты своих интересов постоянно создавали и создают разнообразные военизированные структуры, сегодня это зачастую называют охранные подразделения, которые по характеру своей деятельности и организации подразделяются на регулярные, иррегулярные, военные, полувойсковые, военизированные, специальные, типа ОМОН. Военная организация создается государством, находится у него на службе и полном содержании, ее подразделения специально (профессионально) готовятся для ведения вооруженной борьбы (войны) с внешним и внутренним врагом, имеют соответствующее вооружение и материально-техническое обеспечение, знают и соблюдают законы и правила ведения войны, определенные международным сообществом и историческими традициями

В настоящее время в военную организацию Российской Федерации входят следующие основные компоненты:

– Органы государственного и военного управления;

– Вооруженные Силы, включающие следующие виды и рода войск: Сухопутные войска, Воздушно-космические силы, Военно-Морской Флот, Ракетные войска стратегического назначения, Воздушно-десантные войска;

– Войска, предназначенные для выполнения специальных задач: пограничные войска при

Федеральной службе безопасности; войсковая противовоздушная оборона, войска радиационной, химической и биологической защиты, железнодорожные войска, инженерно-технические войска;

– Воинские формирования при некоторых органах исполнительной власти: внутренние войска, Служба внешней разведки, Федеральная служба безопасности; Федеральное агентство правительственной связи и информации, части Министерства по чрезвычайным ситуациям;

– Специальные воинские формирования, создаваемые государством в военное время: воинские части по охране тыла фронтов, диверсионно-разведывательные группы, партизанские формирования, народное ополчение.

– Институты, которые занимаются комплектованием силовых структур, подготовкой и переподготовкой их кадрового состава: управления и отделы кадров воинских формирований, военные комиссариаты, военные училища, военные университеты и институты, военные академии.

– Оборонно-промышленный комплекс страны, научно-исследовательские учреждения, конструкторские бюро, испытательные полигоны, которые занимаются разработкой, созданием и модернизацией вооружений, военной и специальной техники, в том числе средств связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и управления.

Такая структура военной организации государства подтверждена и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. В статьях 6 и 7 этого документа отмечается, что силами обеспечения национальной безопасности являются: Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности.

Государством создаются при необходимости другие военизированные формирования, которые близко примыкают к военной организации и используются для обеспечения внутренней безопасности страны. К ним можно отнести: отряды полиции особого назначения, специальные отряды быстрого реагирования, миротворческие силы, войсковые казачьи формирования.

Важное значение для обеспечения безопасности государства имеют оборонно-спортивные общества, ведомственные аварийно-спасательные формирования при Минатоме России, РАО «Газпром», Metallургбезопасности, Госкомэкологии.

Наконец, в современной России созданы и действуют такие формирования как налоговая полиция, таможенная служба, егерская природоохранная служба, егерская служба, которые имеют на вооружение специальные виды техники и оружия.

В социально-политическом плане всегда был и остается актуальным вопрос о способности и готовности военной организации выполнять свое функциональное предназначение. Фактически речь всегда шла о формальных и реальных возможностях достижения военно-политических целей путем применения военной силы или при опоре на нее. При этом опыт развития человечества свидетельствует, что вопрос о границах применения вооруженного насилия рассматривался с учетом складывавшейся ситуации. Это заставляет военных специалистов с позиции заявленного объективизма анализировать способна ли данная конкретная военная организация гарантировать стране безопасность, предотвратить внезапное нападение на нее, обеспечить немедленный и эффективный отпор агрессору или сама осуществить военную экспансию вовне.

Суть такого состояния военной организации государства, всей системы национальной безопасности, которое выражает способность обеспечивать реализацию национально-государственных интересов, наиболее полно отражает понятие «военная готовность». Ее главными показателями являются следующие:

- высокая боевая готовность вооруженных сил, исключающая для агрессора возможность застать страну врасплох;
- высокий уровень обороноспособности, обеспечивающий живучесть оборонного комплекса и возможность быстрой перестройки всей жизни страны на военный лад;
- военно-мобилизационные возможности государства, моральное состояние населения и, особенно, личного состава военно-силовых структур.

Особой характеристикой качества военной организации является уровень ее боевой готовности – как постоянное состояние военной организации в мирное время к немедленному выполнению поставленных задач. Оно определяет особый режим ее функционирования. В случае начала войны этот режим изменяется, внося специфику в функционирование каждого элемента военной организации.

Военное строительство пронизывает всю систему военной организации, составляет существенный момент и условие ее функционирования. Оно, подобно кровеносной системе живых организмов, доставляет необходимый материал для

работы отдельных органов и всего организма в целом. Созданная в процессе военного строительства военная мощь выполняет защитную функцию в той мере, в какой она, будучи соотнесена с военной мощью вероятного противника, служит ему предостережением содержащейся в ней возможностью его разгрома в случае военного нападения.

В последние годы предметом споров стал вопрос о том, как в рамках глобальной или региональной безопасности обеспечить сохранение мира. В связи с этим была поднята проблема влияния структуры военной организации и ее отдельных компонентов на систему международной безопасности.

Главный компонент военной организации - вооруженная организация, которая в открытом столкновении с противником реализует все факторы военной готовности страны, то есть на практике показывает, каков реально достигнутый уровень оборонных и мобилизационных возможностей. Реализация военной готовности связана с переводом общества из мирного состояния в состояние войны. При этом решению военных задач подчиняются все сферы жизни общества.

В содержание деятельности военной организации в этих условиях включается также решение следующих задач: перевод экономики на военные рельсы, на всестороннее обеспечение потребностей вооруженной защиты; изменения в политической надстройке; координация дипломатической работы в целях достижения политической изоляции противника, его дезинформации; организация его экономической блокады и принуждение других вероятных противников к отказу от участия в военных действиях; поддержание высокого морально-политического состояния населения и армии, усиление идейно-психологического воздействия на население и личный состав вооруженных сил противника.

Таким образом, военная организация государства является одним из важнейших его компонентов, предназначенных обеспечивать военную безопасность страны, защищать национально-государственные интересы на основе и при помощи военной силы. Функционирование военной организации зависит от внутренних и внешних факторов, их сочетания. Оно направляется соответствующими властными субъектами, испытывает на себе воздействие фактически всех сторон и проявлений политической жизни общества и способно, в свою очередь, оказывать на них влияние различной степени интенсивности.

Естественна и объективно обусловлена связь военной организации и гражданского общества. Ибо носителем и хранителем собственно военного опыта и традиций является не столько государство, сколько народ, нация, само общество, которые передают свои ценности из поколения в поколение.

Деятельность военной организации регулируется и направляется государством, его социально-политическими и правовыми структурами. Ее

содержательное наполнение во многом зависит от уровня компетентности этих структур, эффективного проведения ими своей политики. Однако военная организация не может не испытывать на себе влияние традиций, ценностей и качеств гражданского общества. Все без исключения его компоненты (права, интересы, традиции, ценности, культура, институты) так или иначе проявляются в социальном портрете военной организации, в жизнедеятельности военнослужащих, воинских коллективов, личного состава других силовых структур. При этом влияние гражданских ценностей общества на военную организацию всегда придает ей определенный смысл и направленность.

Другими словами, речь идет о гражданской социализации военнослужащих, предполагающей естественный и сознательно организованный процесс освоения военнослужащими принципов, норм и ценностей гражданского общества, выработку ими гражданской позиции и линии поведения. Признание «гражданского качества» военной организации общества как степень взаимосвязи гражданского и военного начал социальной жизни, которая показывает, что военнослужащие вполне удовлетворены созданными для них социально-политическими условиями профессиональной деятельности, имеют все возможности для реализации своих прав как граждане страны, обладают комплексом необходимых свобод в целях осуществления потребностей личностного самовыражения.

С другой стороны, возможно и обратное влияние. Военная организация, и прежде всего армия и другие силовые структуры могут при определенных условиях оказывать влияние на гражданское общество, изменять его структуры.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
2. Военная доктрина Российской Федерации. // Российская газета. Специальный выпуск. № 298. 30.12.2014.
3. Закон Российской Федерации «Об обороне» // Законы России: Военный пакет. М., 1993
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // Независимое военное обозрение. 2009. № 16.
5. Вооруженные силы Российской Федерации. М., 2016.
6. Кузнецов В.Н. Основания глобальной безопасности. М., 2009
7. Мшюванов В.И. К вопросу о военной организации государства: проблемы, суждения // Военная мысль. 1990. № 11.
8. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. М., 2003.
9. Тиморин А. О советской военной организации и ее формах / А. Тиморин, В. Терентьев // Военная мысль 1971. № 4. С. 66–79.

данское общество, изменять его структуры. Например, для ряда стран современного мирового сообщества исторические традиции вооруженной защиты своего государства стали одновременно и гражданскими традициями, а военный компонент – частью содержания национального компонента. При всей приоритетности невоенных средств обеспечения национальной безопасности современные государства пока не освободились от военно-силовых способов, которые в ряде случаев являются определяющими. По мере развития демократии роль этих средств сужается, но значимость их еще достаточно велика, вплоть до установления военного режима, который пытается стать аналогом политического. Речь в данном случае идет о военизации общественной жизни в стране, а значит об определенной деформации гражданских ценностей.

Длительный опыт такого функционирования военной организации свидетельствует, что сложившаяся модель взаимосвязи военной организации и общества формируют своеобразный пласт гражданской культуры военнослужащих с ярко выраженными гранями: политико-правовой, профессионально-этической, социально-психологической, военно-бытовой и другими. При этом воинские отношения приобретают своеобразный колорит, выражающий образ жизни военнослужащих, их определенный стиль мышления и поведения.

Мировой опыт показывает, что от качества военной организации, ее мобильности в условиях постоянно меняющейся международной обстановки в определенной степени зависит судьба России.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation. M., 1993.
2. Military doctrine of the Russian Federation // Rossiyskayagazeta.Special issue. 30.12.2014. № 298.
3. Law Russian Federation «About defense» // Laws Russian pack. M. : 1993
4. National security strategy of the Russian Federation until 2020 // Independent military review.2009 № 16.
5. Armed forces of the Russian Federation. M. : 2016.
6. Kuznetsov V.N. Foundations of global security. M. : 2009.
7. Mshuvanov V.I. To the question of the military organization of the state: the problem of judgment // Military thought. 190. № 11.
8. Rybalkin N.N. Philosophy of safety. M., 2003.
9. Timorin A. About the soviet military organization and its forms / A. Timorin, V. Terentyev // Military thought. 1971. № 4.

Старостин Александр Михайлович
доктор политических наук,
профессор,
директор Института междисциплинарных
исследований глобальных процессов
и глокализации РГЭУ (РИНХ),
заведующий сетевой кафедры ЮНЕСКО
amstar2912@mail.ru

Тованчова Елена Николаевна
кандидат политических наук,
доцент,
Ростовский государственный
университет путей сообщения,
младший научный сотрудник Института
междисциплинарных исследований
глобальных процессов и глокализации
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
Just_ien@mail.ru

ЧЕЛОВЕКООРАЗМЕРНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам системы современного государственного управления Российской Федерации и места человека в ней. В своем исследовании авторы стремились достигнуть целей: 1) дать характеристику человека в системе государственного управления с точки зрения антропологического подхода в аскриптивном и эссенциальном дискурсах; 2) проанализировать требования, предъявляемые к государственному служащему с точки зрения названного подхода; 3) сделать выводы о качествах, которыми должен обладать человек, исходя из особенностей и потребностей современной системы государственного управления; 4) дать характеристику и наметить возможные пути преодоления коррупции в сфере государственного управления. Для достижения целей исследования использованы методы анализа нормативно-правовой базы, системного анализа в тесной взаимосвязи с имеющимися статистическими данными по изучаемой проблеме. Отдельное внимание уделено профессиональным качествам государственных служащих, составляющих основу развития кадрового потенциала системы государственного управления. Исследование указанных аспектов позволило авторам обозначить основные системные требования, предъявляемые к государственному служащему, а также рассмотреть сущностную сторону государственного аппарата. Рассматривая человека как часть системы государственного

Alexander M. Starostin
Doctor of Political Science,
Professor,
Director of the Institute for Interdisciplinary
Studies of Global Processes
and Glocalization of the EWG (RINH),
Head of the UNESCO network Department
amstar2912@mail.ru

Elena N. Tovancova
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Transport University,
Junior researcher of the Institute for
Interdisciplinary Studies of Global Processes
and Glocalization of RSEU (RINH)»
Just_ien@mail.ru

HUMAN DIMENSION OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION: PROBLEMS AND RISKS

■ ■ ■

Annotation. The article is devoted to the topical problems of the system of modern state administration of the Russian Federation and the place of a person in it. In their study, the authors sought to achieve the goals: 1) To characterize the person in the system of public administration from the point of view of the anthropological approach in aspirative and essential discourses; 2) Analyze the requirements for a civil servant in terms of this approach; 3) To draw conclusions about the qualities that a person must have in terms of the features and requirements of a modern system of public administration; 4) To describe and outline possible ways of overcoming corruption in the sphere of public administration. To achieve the objectives of the study, methods of analyzing the regulatory framework, system analysis, in close correlation with the available statistical data on the problem studied, were used. Special attention is paid to the professional qualities of civil servants, which form the basis for the development of the human resources capacity of the public administration system. The study of these aspects allowed the authors to identify the main system requirements for the civil servant, as well as to consider the essential side of the state apparatus. Considering a person as part of the system of public administration, the authors also touched on one of the main problems of the modern system of government bodies - corruption. This negative phenomenon in the article is given a characterization from the standpoint of the normative legal ap-

управления, авторы также затронули одну из основных проблем современной системы органов власти – коррупцию. Данному негативно-му явлению в статье дается характеристика с позиций нормативно-правового подхода, управления персоналом и кадровой политики государства в целом. Представлена авторская точка зрения на роль общественного сознания в профилактике и предупреждении коррупционных проявлений.

Ключевые слова: государственное управление, государственный служащий, человек, общественное сознание, кадровая политика, коррупция, аскриптивный и эссенциальный дискурс.

Учитывая специфику института государственной гражданской службы Российской Федерации, для определения роли и места человека в этой системе, необходимо, прежде всего, обратиться к ее понятию. Государственная гражданская служба в Российской Федерации представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти. Это определяет особый правовой статус гражданского служащего, включающий права и обязанности, социальные гарантии, ответственность, а также ограничения и запреты, связанные с этим видом профессиональной деятельности.

Для исследования роли человека в государственном управлении представляется целесообразным применить антропологический подход, базирующийся на методах этнографии [Бочаров, 2007]. В течение длительного периода времени человек в системе государственной службы воспринимался в качестве некоего составного элемента, был «винтиком» системы «рациональной бюрократии». Однако в современной системе властных отношений от профессионала-управленца требуется проявление гораздо большей инициативности. При этом сформировавшееся исторически общественное мнение, его антибюрократический настрой по сей день считает его «безгласным объектом». Учитывая, что государственная служба предоставляет ряд социальных гарантий, зачастую отсутствующих у остальных членов общества, а также ряд, связанных со спецификой деятельности, запретов и ограничений [Сальников, 2014], государственный служащий, в результате, приобретает прочно закрепившийся за ним статус «особого» человека.

Так, например, налагаются ограничения на публичные высказывания по тем или иным вопросам, являющимся предметом его профессиональной деятельности. Налагается также ряд ограничений экономического характера, наряду с четко сформировавшимися в общественном сознании стереотипов «чиновник-бюрократ», «чиновник-коррупционер». Зачастую любой представитель органов государственной власти изна-

proach, personnel management and the personnel policy of the state as a whole. The author's point of view on the role of public consciousness in the prevention and prevention of corruption manifestations is presented.

Keywords: public administration, public servant, person, public consciousness, personnel policy, corruption, ascriptive and essential discourse.

тельно рассматривается как носитель негативных характеристик, несмотря на реальные результаты его профессиональной деятельности, его образ жизни и социальное поведение. Поэтому, нам представляется, что при исследовании современной «бюрократической ментальности» вполне могут применяться качественные методы «culturalstudies», представляющие собой социально-антропологическое исследование индустриального или даже постиндустриального общества.

Аскриптивный дискурс чиновника в контексте антропологического подхода:

1. В первую очередь, рассмотрим требования, предъявляемые к физиологическому (биологическому) состоянию чиновника.

В соответствии со ст. 16 п. 4) ФЗ № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае наличия заболевания, препятствующего поступлению на гражданскую службу или ее прохождению и подтвержденного заключением медицинского учреждения.

Следующее требование – наличие специфических качеств у государственного служащего, объясняемые так называемым «эффектом аквариума». Эти требования обусловлены особым социальным статусом государственного служащего, особенно высших органов власти – он привлекает к себе повышенное внимание со стороны общества, в том числе, и к его личной жизни. Поэтому государственная служба, в определенном смысле, не просто профессия, но и образ жизни, который должен характеризоваться сдержанностью, строгостью, ответственностью, полным контролем над личным поведением. Естественно, что набор таких качеств возможен только у психически и физически здорового человека.

Государственный служащий обязан как в общении с гражданами, так и при исполнении своих полномочий, во внеслужебных отношениях соблюдать определенные правила поведения:

– обеспечивать вежливое корректное обращение с гражданами и коллегами, беспристрастность, принципиальность, стремление глубоко разобратсь в существе вопроса, умение выслушать и понять другую позицию;

– равное отношение ко всем гражданам и юридическим лицам;

– взвешенность высказываемых суждений и принимаемых управленческих решений.

Соответствие государственного служащего данным требованиям базируется на высоком уровне психологической и стрессоустойчивости.

2. Профессиональные требования.

В Федеральном законе «Об основах государственной службы РФ», кроме общего доступа граждан к госслужбе закреплён ещё и такой немаловажный принцип, как компетентность и профессионализм госслужащих. Он подразумевает глубокие познания в соответствующей области общественной жизни, а также наличие подготовки в управленческой теории, знание прав и их применения в сфере своей деятельности.

Атаманчук Г.В. указывает на наличие двух уровней профессиональных качеств государственного служащего, имеющих значение для развития персонала госуправления [Атаманчук, 2004]:

1. Исходные или первичные качества, которыми должен обладать претендент на государственную должность. Они подразумевают наличие следующих аспектов:

– общекультурный, включающий жизненные установки, ценности и цели, опыт коммуникации с людьми, эстетические, этические умения, культуру речи;

– профессиональный, деловой, то есть, осведомлённость в тонкостях управления в определенной области общественной жизни, проверенная на практике трудовая активность, дисциплинированность, опыт государственной и общественной работы, осознание ответственности за итоги труда, навыки в повышении своей квалификации;

– личностный, включающий честность, устойчивость в вопросах морали, самостоятельность, высокоразвитую волю, инициативность, надежность, решительность и коммуникабельность.

2. Сформированные непосредственно в процессе осуществления государственной деятельности, продвижения по карьере, наработки опыта:

– общекультурные: доскональные знания об истории своей страны и главных интеллектуальных достижениях современности, высокий уровень ораторского мастерства, способность к проведению мероприятий массового характера, лидерские качества и ответственность за них, способность к масштабному мышлению;

– деловые: организованность, способность задавать направление деятельности других и осуществление контроля за ней, последовательное и настойчивое решение задач, ориентирование в социальных и научно-технических достижениях, применение их в практической деятельности;

– личностные: соблюдение собственных принципов, мужественность, навыки убеждения, умение противоборствовать личной выгоде; идеальное поведение в различных ситуациях.

3. Социальная проекция и адаптация государственного служащего обусловлена социальными качествами и социальными предпочтениями субъекта. Она мотивируется системой социальных ценностей, мировоззрением, социальными предпочтениями и социальными ожиданиями.

Социализация государственных служащих происходит под воздействием как субъективных, так и объективных факторов. Особое место в этой системе занимает правосознание. Это следствие того, что социализация осуществляется в процессе практической деятельности, познания и самопознания правовой действительности. Важнейшей стороной процесса профессиональной социализации является формирование на основе усвоения социального опыта жизненной позиции личности. Она наиболее интенсивно образуются под воздействием структурных элементов и соответствующих уровней правосознания. Передачу им определенной совокупности правовых идей, ценностей, знаний, ориентиров, установок, чувств. Это имеет большое значение, так как в деятельности представителей власти наблюдается сочетание строгой нормативной регламентированности с довольно широкими возможностями принятия волевых решений на основе субъективной интерпретации как правовой ситуации, так и регулирующих ее правовых норм.

Одним из основных носителей данной информации, помогающей успешно реализовать служебные полномочия, также является правосознание. При этом степень усвоения государственным служащим правовых идей, знаний зависит не только от характера выполняемых им профессиональных функций, от уровня активности в профессионально-правовой деятельности, но и от состояния, развитости структуры общественного, группового и индивидуального (как собственного, так и других членов его профессиональной группы) профессионального правосознания [Сонин, 2008].

Такие виды правосознания, как общественное и профессиональное (групповое, индивидуальное), выступают в роли значимых внешних и внутренних факторов социализации государственных служащих.

Специфична и сама модель профессиональной социализации личности государственного служащего, поскольку она в значительной мере основана на особенностях его профессиональной деятельности, являющейся по своей сути деятельностью по обеспечению полномочий государства.

Государственный служащий – не пассивный объект внешнего воздействия правосознания, а активный субъект процесса профессионально-правовой социализации и переработки соответствующей правовой информации. Воздействию правовых идей и других составляющих правосознания должен сопутствовать процесс восприятия, переработки и усвоения субъектом профессиональной деятельности необходимой правовой информации. При этом система правовых идей, знаний, чувств и установок формируется государственным служащим индивидуально, на основе имеющегося у него уровня правосознания.

Нам представляется целесообразным, проанализировав аспиритивный дискурс чиновника в контексте антропологического подхода и обозначив основные системные требования к чиновнику, рассмотреть сущностную сторону государственного аппарата.

Говоря об эссенциальном дискурсе чиновника в контексте антропологического подхода, необходимо обратить внимание на такой негативный феномен, присущий системе государственной власти, как коррупция.

Как справедливо отмечается в научных исследованиях по рассматриваемой проблеме, «под коррупцией понимается социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих, принятием ими материальных и нематериальных благ и преимуществ за деяния, которые могут быть выполнены с использованием официального статуса данных субъектов, связанных с этим статусом авторитета, возможностей, связей» [Малков и др., 2006; Багмет, 2016].

Отметим, что коррупцию необходимо рассматривать как системное явление, поскольку она в настоящий момент распространена не только в сфере государственной власти и управления, но и воспроизводится в той или иной мере в других сферах жизни общества (например, в образовании и здравоохранении).

С 2011 года следователями СК России проверено порядка двухсот тысяч сообщений о коррупционных преступлениях, возбуждено около 120 тысяч уголовных дел, из которых в суд направлено – почти 50 тысяч [Бастрыкин, 2016].

По данным СК России, в качестве обвиняемых по направленным в суд делам о преступлениях коррупционной направленности, привлечено 3360 лиц, обладающих особым правовым статусом. В их числе – 1113 глав муниципальных образований органов местного самоуправления, 1133 депутата местных органов власти, 395 следователей и руководителей следственных органов, 82 прокурора, 58 депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, 23 судьи [Бастрыкин, 2016].

В Российской Федерации предпринимается ряд мер по целенаправленной борьбе с различными коррупционными проявлениями. Принят ряд

важных нормативных актов, среди которых Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года (ред. от 22 декабря 2014 года) «О противодействии коррупции», устанавливающий основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014)] совершенствование нормативного правового регулирования, предупреждения и борьбы с коррупцией указано как основное направление обеспечения безопасности общества и государства. Регулярно разрабатываются национальные планы противодействия коррупции на основании п. 1 ч. 1 ст. Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147 утверждена очередная национальная план противодействия коррупции на 2016–2017 годы (далее – Национальный план).

В качестве ключевого фактора в борьбе с коррупцией и профилактике коррупционных правонарушений, по нашему мнению, должно играть воздействие на общественное сознание с целью формирования у граждан отрицательного отношения к коррупции, как к социальному явлению. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в Национальном плане законодательно заложены основы по формированию в общественном сознании негативного отношения к коррупции, наряду с общей тенденцией и направленностью данного документа на ужесточение ответственности должностных лиц за совершение коррупционных правонарушений. Например, общественным объединениям и организациям рекомендована «разработка художественных и документальных фильмов, радио- и телевизионных программ, интернет-роликов, иной медиапродукции, способствующих формированию в обществе активного неприятия всех форм коррупции, повышению престижа государственной службы, а также пропагандирующих соблюдение всеми членами общества требований антикоррупционных стандартов» [Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147]. Социальная антикоррупционная реклама несомненно внесет определенный вклад в формирование антикоррупционного правосознания граждан, ведь в настоящее время отношение к коррупции у населения нашей страны все еще остается противоречивым: 61 % россиян осуждает тех, кто берет взятки, а 41 % – тех кто их дает, но при этом 39 % допускает, что в определенной ситуации может дать взятку должностному лицу [Коррупция и взяточничество в России, 2015]. Как справедливо отмечает Кабанов П.А., терпимость российских граждан к коррупции, а нередко и готовность к иницированию подкупа должностных лиц с целью решения личных вопросов выступает ключевым фактором ее распространенности. Если в целом, как явление, коррупция обществом резко осуждается, а информация об очередном за-

держании представителя власти по подозрению в совершении коррупционного правонарушения, вызывает активный положительный отклик со стороны населения, то при необходимости удовлетворения собственных интересов граждане все чаще выбирают коррупционный путь решения проблемы [Кабанов, 2004].

Необходимость изменения отношения населения к коррупции отмечается многими исследователями. В частности, Брижак З.И. отмечает, что «культурно-воспитательные мероприятия, направленные на формирование стойкой нетерпимости ко всяким проявлениям коррупции, способны минимизировать коррупционную деятельность» [Брижак, 2015].

На основе анализа российской нормативно-правовой базы справедливым будет вывод о необходимости комплекса мер профилактического характера, наряду с обозначенными политическими, экономическими, правовыми и организационными мерами по борьбе с коррупцией. Поэтому государством особое внимание должно уделяться именно вопросам профилактики коррупции с учетом основных направлений противодействия коррупции, сформулированных в Национальном плане.

В этой связи необходимо заметить, что Российская Федерация присоединилась к Конвенции ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 года, для России данный документ вступил в силу с 8 июня 2006 года) и к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 года, для России документ вступил в силу с 1 февраля 2007 года).

Указанная конвенция предусматривает обязательство каждого государства-участника по принятию комплекса мер профилактического характера в сфере борьбы с коррупцией. В частности, ст. 13 Конвенции предусмотрены мероприятия информационного характера, имеющие своей целью формирование у населения нетерпимости в отношении коррупции, в том числе, внешение соответствующих изменений в образовательные программы учебных заведений.

Среди направлений противодействия коррупции проблема антикоррупционного поведения занимает, на наш взгляд, приоритетное место. В ходе реформирования органов государственной и муниципальной власти вводится большое число мер по предупреждению и профилактике коррупционных проявлений. К их числу относится совершенствование нормативно-правовой базы, а также создание положительного имиджа государственного служащего. Однако особое место, на наш взгляд, в этой системе мер занимает материальное стимулирование антикоррупционного поведения.

Антикоррупционное поведение, при этом, нами понимается как важнейшая составляющая профессиональной компетенции, а также некое качество государственного служащего, предпола-

гающее у него наличие усвоенных компетенций, правовых традиций и стереотипов поведения.

Развивая данную идею, исследователи приходят к выводу, что коррупционное поведение полимотивировано и порождено несколькими мотивами [Антонян, 2016].

Первый мотив – внешний, включающий корысть и стремление к материальному благополучию.

Второй мотив – внутренний, состоящий из ряда психологических установок (индивидуально-психологические потребности, ценностные ориентации, мотивы).

По мнению С.П. Кушнаренко и В.Д. Пристанкова, «в качестве детерминантов коррупции, связанных с государственной службой, можно определить два фактора: состояние государственной службы и особенности государственной кадровой политики» [Кушнаренко, Пристанков, 2004]. При этом первая детерминанта коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих неразрывно связана со второй, так как именно кадровая политика имеет своей целью грамотный подбор и расстановку кадров государственной и муниципальной службы.

Что касается вопроса состояния государственной службы, в целом, то первоочередной задачей является создание условий, обеспечивающих назначение на государственные должности лиц, обладающих необходимыми профессиональными и деловыми качествами, поскольку некомпетентность и непрофессионализм порождают коррупцию. Кадровый корпус приобретает ориентацию не на служение обществу и государству, а на удовлетворение личных нужд и «рассматривают свою должность как средство удовлетворения личных интересов за счет интересов общества» [Куракин, 2002].

Понятие государственной кадровой политики, на наш взгляд объединяет в себе два ключевых фактора коррупционного поведения, о которых было сказано выше – внешний и внутренний. При этом, как нами уже было отмечено, одним из направлений преодоления коррупции в органах государственной и муниципальной власти является нормативно-правовое регулирование. Однако действующее законодательство в этой сфере предусматривает достаточно жесткий механизм юридической ответственности за деяния коррупционного характера и имеет тенденцию к дальнейшему ужесточению требований, предъявляемых к лицам, замещающим должности государственной и муниципальной службы. При этом социальные гарантии, предусмотренные для государственных служащих, должны быть соизмеримы с нормами ответственности за совершение коррупционных правонарушений. «Непрекращающийся процесс удорожания жизни при условии фиксированного оклада и установленных запретов на получение дополнительных доходов объективно вынуждает государственных служащих искать пути пополнения личного бюджета. Чаще всего, это происходит за счет источника нелегального финансирования – взятки» [Кушнаренко, Пристанков, 2004].

В связи с этим, одним из приоритетных направлений государственной кадровой политики должно стать расширение социальных гарантий, достойное материальное стимулирование труда государственного служащего наряду с формированием благоприятного психологического климата в коллективе, исключающего вероятность коррупционных проявлений, а также формирование стойкого внутреннего отрицательного отношения к коррупции у государственного служащего.

В заключение отметим, что эффективность государственного управления, успешность реализации проводимых реформ, в том числе, админи-

стративных, во многом определяется личностью государственного служащего, ее профессиональным, психологическим, социальным, биологическим ресурсом. Современное общество требует новые модели государственного управления, заставляя государственного служащего, как и систему государственного управления, делать выбор в пользу более гибких и открытых стратегий и управленческих решений. В связи с этим, встает необходимость формирования мотиваций личности инновационного типа, учитывающих как влияние социокультурной среды, так и потенциальные возможности воздействовать на нее.

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Типология коррупции и коррупционное поведение // Социология и коррупция. Научно-практическая конференция 20.03.2003 г. М., 2003. С. 37–41.; *Баринов С.В.* Формирование антикоррупционного поведения как научно-педагогическая проблема и предмет исследования / С.В. Баринов; Под общ. ред. А.И. Бастрыкина // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся русскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 27 октября 2016 года) М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. 564 с. С. 34.
2. Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2007. С. 559.
3. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. Курс лекций. Изд. 2-е, дополн. М. : Омега-Л, 2004. С. 75.
4. *Багмет М.А.* Противодействие коррупции в системе органов внутренних дел : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 3.
5. *Бастрыкин А.И.* Неприкасаемых коррупционеров в России нет! Противодействие преступлениям коррупционной направленности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся русскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву (Москва, 27 октября 2016 года) / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. 564 с. С. 8.
6. *Брижак З.И.* Актуальные аспекты противодействия коррупции в сфере здравоохранения и образования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательства; право и управление. 2015. № 10(65). С. 79–83.
7. *Кабанов П.А.* Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Казань, 2004. С. 125–126.
8. Коррупция и взяточничество в России (16.01.2015) // Фонд «Общественное мнение».

Literature:

1. *Antonyan Yu.* (2003), «Typology of corruption and corruption behavior» in Scientific and Practical Conference «Sociology and corruption», Russia, Moscow, 2003. P. 37–41. *Barinov S.* (2016) «Formation of anti-corruption behavior as a scientific and pedagogical problem and the subject of research» in Counteraction to corruption-related crimes: materials of the International Scientific and Practical Conference on the outstanding Russian scientist Nikolai Sergeevich Alekseev (Moscow, October 27, 2016) / under total. Ed. A.I. Bastrykin, Russia, M. : Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2016. P. 34.
2. Anthropology of power. Reader on political anthropology : In 2 tons / comp. and отв. Ed. V.V. Bocharov. SPb., 2007. P. 559.
3. *Atamanchuk G.* Theory of Public Administration. Lecture course, M. : Omega-L, 2004. P. 75.
4. *Bagmet M.A.* Anti-corruption in the system of internal affairs : monograph. M. : Yurilitinform, 2016. P. 3.
5. *Bastrykin A.I.* There are no untouchable corrupt officials in Russia! in Counteraction to crimes of corruption orientation: materials of the International scientific and practical conference devoted to the outstanding Russian scientist Nikolay Sergeevich Alekseev (Moscow, October 27, 2016) // under total. Ed. A.I. Bastrykin, Russia, M. : Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2016. P. 8.
6. *Brizhak Z.* «Actual aspects of combating corruption in health and education» // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. № 10(65), P. 79–83.
7. *Kabanov P.* Political corruption in Russia: the concept, essence, causes, warning, Kazan, P. 125–126.
8. Corruption and bribery in Russia (January 16, 2015) // Public Opinion Foundation [Official

URL : <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912> (дата обращения 27.10.2017).

9. Криминология : учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. С. 354.

10. *Малков В.* Криминология : учебник для университетов. М., 2006. С. 354.

11. *Куракин А.В.* Государственная служба и коррупция // Российский следователь. 2002. № 6. С. 8.

12. *Кушнаренко С.П.* Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования. Криминологический и криминалистический аспекты исследования, обзор следственно-судебной практики : практическое пособие / С.П. Кушнаренко, В.Д. Пристансков. «Специальная литература». Санкт-Петербург, 2004. С. 27–30.

13. *Сальников В.И.* Антропологические и социокультурные аспекты публичного управления // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 2(25). С. 101–106.

14. *Сонин А.В.* Функции правосознания в процессе профессиональной социализации государственных служащих // Философия права. 2008. № 1. С. 117–119.

15. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: локальный (дата обновления 27.10.2017).

16. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: локальный (дата обновления 27.10.2017).

website]. URL : <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912> (date of circulation 27.10.2017).

9. Criminology: textbook for universities / under ed. V.D. Malkov. M, 2006. Page 354.

10. *Malkov V.* Criminology : textbook for universities. M., 2006. P. 354.

11. *Kurakin A.* «Public Service and Corruption», Russian Investigator. № 6. P. 8.

12. *Kushnarenko S.P.* Corruption and its criminal manifestations: the features of criminal prosecution. Criminological and forensic aspects of research, review of investigative and judicial practice. Practical manua / S.P. Kushnarenko, V.D. Prishstankov, «Special literature». SPb., P. 27–30.

13. *Salnikov V.* «Anthropological and socio-cultural aspects of public administration», Region: systems, economics, management. 2014. № 2(25). P. 101–106.

14. *Sonin A.* «Functions of legal consciousness in the process of professional socialization of civil servants», Philosophy of law. 2008. № 1. P. 117–119.

15. Presidential Decree No. 537 of May 12, 2009 (as amended on July 1, 2014) «On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020», Consultant Plus. (Access mode: local. Date of renovation 27.10.2017).

16. Decree of the President of the Russian Federation of 1 April 2016 No. 147 «On the National Plan for Combating Corruption for 2016–2017», Consultant Plus (Access mode: local. Date of renovation: 27.10.2017).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

**Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.**

Корректор – Попов М.Ю.
Оригинал-макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 20.06.2019
Подписано в печать 25.06.2019
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 5,3
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 37

e-mail: id.yug2016@gmail.com